

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

1/2012

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой стр. обложки: фрагмент картины
Г. Айтиева «Отдых колхозников»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Журнал издается при спонсорской поддержке
издательства «Турар»

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 1/2012

ПРОЗА

Виктор Кадыров. Юбилей в Альпах. Детектив	5
Людмила Жолмухамедова. Япона-мама. Рассказ	51
Александр Молчанов. Короткие рассказы	78
Олег Бондаренко. Портрет. Рассказ	106
Медер Кыдыров. Защитник Корана. Рассказ	115
Талип Ибраимов. Самый могучий враг. Продолжение романа ..	120

ПОЭЗИЯ

А. Битюков. <i>Стихи</i>	154
Д. Тилепбергенова. <i>Стихи</i>	163
Дмитрий Сагайдак. <i>Стихи</i>	170

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Иванов. Великий и могучий. Быть или называться? ..	177
Александр Камышев. Записки кладоискателя	182

КУЛЬТУРА

Мамасалы Апышев. Об эпохальных событиях - языком поэзии ...	206
Вячеслав Шаповалов. Подарок от русской музыки	211
Бахтияр Койчуев. Когда сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает	215
Коротко об авторах	224

ПРОЗА

Виктор КАДЫРОВ

Юбилей в Альпах

Детектив

1

Олег скользил вниз по снежному склону, набирая скорость. Его лыжи с мягким шелестом резали нетронутую белизну «целины». Следом, повторяя плавные повороты Олега, двигалась Катерина, его молодая жена. Их лыжни, словно две параллельные синусоиды за пером самописца, чертились на снегу.

Чувство легкости, как это всегда бывает при быстрых спусках, охватило Олега, будто он парил над склоном горы. Холодный ветер обжигал кожу лица, там, где оно не было защищено темными очками. Все заботы, донимавшие Олега, казалось, поглотила нахлынувшая на него волна адреналина. Долгожданное чувство свободы разлилось в душе. В голове Олега мелькнула мысль: «Вот оно, счастье!» Радостное чувство усиливалось лучами яркого солнца, которое заставляло сверкать бриллиантовым блеском весь склон, над которым он «парил», утопающие в снегу ели и далекие горные вершины, которые четко вырисовывались на фоне синего неба.

Олег на скорости подъехал к небольшой группе людей, расположившейся возле столика на ровной площадке неподалеку от трассы. Он круто развернулся, гася скорость, и застыл возле грузного мужчины, обдав его вылетевшими из-под лыж брызгами снега.

– Олег, ты меня испугал! – воскликнул пожилой мужчина, хватаясь за сердце.

– Степан Емельянович, красота-то какая! – восторженно сказал Олег.

К ним подъехала и раскрасневшаяся Катерина. Она остановилась чуть в стороне, юная, изящная, и, сняв лыжную шапочку, выпустила на волю копну рыжеватых волос.

Олег помахал рукой сидящим в шезлонгах – Людмиле, своей бывшей второй жене, и дочке Татьяне. Обе были обнажены по пояс, подставляя тело теплым лучам солнца. На обоих были яркие купальники и черные очки.

Улыбаясь, Олег разделся, небрежно бросив куртку и футболку на скамью. Он горделиво напряг мускулистое тело, привычно отмечая направленные на него взгляды.

– Олег, ты простудишься! – проворчал пожилой мужчина, кутаясь в свои одежды. Его лицо, изрытое оспинами, и большой мясистый нос были красными от виски. – Давай лучше к столу. Примем по стопочке виски. У тебя же сегодня юбилей!

Олег подошел к столику и принял от Степана Емельяновича фужер с виски.

– А где Владимир и Игорь? – спросил Олег. – Марию я видел, она «черную» трассу осваивает. Софью и Ирочку тоже заметил – они на санках катаются.

– Владимир сказал, что раньше на беговых лыжах катался, – отозвался Степан Емельянович. – Сейчас он пошел на «синюю» трассу. Там есть инструктора, они могут помочь Владимиру советом. А Игорь даже на «зеленую» отказался идти. Говорит, там младенцы катаются. Ему с ними стыдно рядом стоять. Он около Софьи крутится.

Мужчины выпили. Степан Емельянович тут же налил еще по одной.

– Олег, пора бы и в отель спуститься, – жалобно проговорил он. – Свежим воздухом вдоволь надышались. Видами налюбовались. Теперь самое время французскую кухню оценить.

Олег смотрел вниз на лежащую под ними долину. Там виднелись крошечные, словно игрушечные, домики. От них в разные стороны расходились ниточки канатных дорог. Они тянулись над склонами, поросшими елями, наверх, туда, где громадами застыли вершины и ледники.

– Думали ли мы, Степан Емельянович, когда начинали свой бизнес, – задумчиво произнес Олег, – что будем вот так стоять в Альпах и пить виски? Что сможем запросто приехать во Францию, снять отель и отметить свой день рождения?

– Это только ты, Олег, можешь себе позволить такое, – с усмешкой заметил Степан Емельянович. – Спасибо, что всех нас пригласил.

– Не прибедряйтесь, Степан Емельянович! – парировал Олег. – Денег у вас тоже достаточно. Только жаль тратить на свои удовольствия.

– Прежде всего, дело, – недовольно проворчал Степан Емельянович. – Лишних-то денег никогда не бывает. Давай за твои успехи выпьем.

Возле Катерины остановилась, спустившись с горы, Мария, дочь Олега от первого брака. Ее красивое лицо горело от возбуждения. Она была почти ровесницей новой жены отца.

– Дочка, «черные» трассы только для профессионалов! – встретил ее Олег. – Там недолго себе шею свернуть!

– А какой азарт! – выдохнула Мария и добавила: – Мне надо, чтобы сердце сжималось, иначе не интересно.

Олег обнял ее за плечи:

– Тебе здесь нравится, Маша? Не зря я вас всех сюда привез?

– Ты чудо, папочка! – глаза Марии горели неподдельным восторгом. – Жаль, что моя мать отказалась от твоего приглашения.

– Зоя всегда отличалась своим строптивым характером, – отозвался Олег и спросил: – А сестра моя где, тетушка твоя?

– Ксения медитирует, – с иронией сказала Мария. – Она в отель ушла. Общается с Богом!

– Нам тоже пора вниз. Нужно подготовить такую вечеринку, чтобы всем надолго запомнилась, – сказал Олег. – Пятьдесят лет – это срок! Правда, Степан Емельянович?

Степан Емельянович наморщил лоб, словно задумался, потом ответил назидательно:

– Пятьдесят – это, конечно, срок, но шестьдесят, а тем более семьдесят – это я вам скажу еще какие сроки. Поживите с мое, тогда и поговорим! А насчет вечеринки – вы абсолютно правы. Такое событие должно остаться в памяти навсегда!

– Дорогой папочка, ты никогда не думал о том, что тебя могут убить? – Мария присела на краешек кресла и вынула из сумочки пачку сигарет. Олег, устроившийся на диване подле горящего камина, со стаканом виски в руках, слегка поморщился. Ему не нравилось, что дочь курит в его присутствии, но сказать об этом вслух не решался, зная крутой нрав девушки. Хватит с него недавнего скандала из-за «Лексуса».

Мария вопрошающе смотрела на отца своими зелеными глазами. Брючный костюм от Кардена отлично сидел на ней, и только излишне глубокий вырез на пышной груди дочери несколько смущал Олега. Короткая стрижка подчеркивала изящную длинную шею Марии, красивый овал лица и большие выразительные глаза, в которых полыхал какой-то тревожный огонь. Неужели дочь действительно беспокоится за него?

Олег пригубил виски, намеренно растягивая время. Поставив стакан на столик, он откинулся на спинку дивана.

– Что ж, подобная мысль приходила мне в голову, и не раз, – спокойно проговорил Олег, поигрывая мышцами сильных рук. – Иначе зачем бы я тратил бешеные деньги на свою охрану? Увы, все мы ходим под богом, поэтому осторожность никогда не помешает. А в чем дело, дочка? Что тебя волнует?

Девушка молчала, задумавшись.

– Слушай, может ты продолжаешь дуться на меня за то, что я отказал тебе в покупке нового автомобиля? – перевел разговор на другую тему Олег. – У тебя ведь уже есть навороченная модель «Лексуса».

– Но папочка, сотня тысяч баксов для тебя – копейки! – Мария театрально закатила глаза.

– Девочка! – возмутился Олег. – Я всю жизнь вкалывал как проклятый. Из простого работяги поднялся в люди. Своими руками заработал все свои деньги, а ты все получаешь готовое! – Видя, что его слова неприятны Марии, он сменил тон: – Маша, доченька, я же для тебя и так все делаю. Одеваю в лучшие шмотки, техника самая крутая у тебя, училась в престижных школах. Я помог тебе открыть бизнес в Питере. Ты не можешь упрекнуть своего отца в невнимании. Я ни в чем тебе не отказываю. Последний раз – не в счет. Ты пойми, Маша, мне надо во власть

идти, партию содержать. Ты же знаешь: я новый дом строю, где-то мы должны жить с Катериной?

Мария поморщилась при имени новой жены отца.

– Тебе мало квартир в Москве и Питере, вилл в Испании и Эмиратах? Жить тебе негде! Катерине, небось, в замке захотелось пожить? – съехидничала девушка.

– В замке, не в замке, а приличное, достойное жилье нам потребуется, – твердо сказал Олег. – В Испании и Эмиратах я отдыхаю, а не живу. Квартиры тоже не пустуют. Я уж не говорю о том, что помогаю всем моим бывшим женам.

– Ты у нас любвеобильный, – с сарказмом произнесла Мария, – четыре семьи кормишь...

Олег сделал протестующий знак рукой:

– Ты мне нотации не читай! Самой двадцать девять лет, а всё еще ищешь принца на белом коне. Хотя зачем тебе принц? Ты же богата. Я тебе все свои дела передам. Сеть ломбардов, казино, антикварных магазинов – все твое будет.

Мария усмехнулась.

– Папа, тебе сегодня стукнуло всего пятьдесят! О какой передаче дел ты говоришь? Важен принцип. Ты обещал выполнять все мои желания? Обещал. Сегодня отказал в одном, завтра откажешь в чем-то другом. Хотя... все это пустяки, – неожиданно закончила Мария.

Олег вновь отпил обжигающее виски. Разговор ему не нравился, лучше вернуть его в первоначальное русло.

– Ты говорила о какой-то опасности, дочка, – напомнил он.

– Да, я не в своей тарелке, – устало сказала Мария. – Эта твоя затея – отметить юбилей в Альпах в частном особняке, чёрти где в горах, да еще в такой компании...

– Это мои компаньоны и соратники, – мягко поправил Олег.

– Игорь – управляющий казино, курирует кое-какие другие мои дела...

– Содержание притонов и публичных домов? – с издевкой спросила Мария.

Олег не подал виду, что вопрос дочери неприятно задел его.

– Милочка, деньги с небес, просто по нашему желанию, не падают, – веско заметил он. – И потом, я не считаю, что содержание публичного дома аморально. Люди нуждаются в простой

ласке. Они одиноки в этом паршивом мире. Особенно мужики. Все чего-то от них требуют. Они должны трудиться, делать политику, двигать вперед прогресс, а дома их ждут волящие детки и жена – бездонное вместилище разнообразных проблем, начиная с головной боли и кончая тем, что ей нечего напялить на себя при забитых шмотками шкафах и чемоданах. Какая уж тут любовь и ласка? Дарить людям ласку и внимание – это работа и цель для моих девочек. Они делают общество счастливее, поверь мне, деточка!

– Игорь – аферист! – возмутилась Мария. – Половину доходов от казино он скрывает, так же как и доходы от твоих девочек! Он давно мечтает отделаться от твоей опеки. И полностью загребать всю прибыль.

– Игорь – фраер! – рассмеялся Олег. – Кишка у него тонка действовать против конкурентов. Они его живьем сожрут без меня!

– А привезти сюда Степана Емельяновича, твоего главного конкурента, – это хорошая идея?

– Не беспокойся, девочка, все под контролем. Лучше иметь конкурента на глазах, чем не знать, где он прячется, – улыбнулся Олег.

– Владимир тоже не отстает от Игоря. Ломбарды и антиквары вовсю работают на него. Ты не в состоянии их контролировать. Они же тебя за нос водят, словно лоха!

– Пустяки, дочка, – успокаивающе проговорил Олег. – Они у меня на крючке. Они думают, что я не в курсе их махинаций. А я, благодаря моим людям, знаю о каждом их вздохе. Придет время, и Игорь и Владимир отчитаются передо мной, как перед Богом на Страшном суде, за все свои дела...

– А что за безумная затея собрать под одной крышей этот серпентарий – своих бывших жен? Людку и Софку? Хорошо, у моей матери хватило благоразумия отказаться от твоего предложения.

– Чего-чего, а благоразумия твоей матери, Зое, всегда не хватало, – с усмешкой заметил Олег. – Когда мы с ней поженились, она была красавицей, вроде тебя. А потом за пять лет превратилась в бесформенный кусок жира. Извини, дочка, я не смог сохранить свои чувства, они должны были чем-то питаться! И эти вечные скандалы по поводу того, что я смотрю не в ее сторону! Это кого угодно выведет из себя! Любая женщина хочет так обмануть мужчину, что-

бы он потом кормил ее и ее детей всю жизнь! Это я в какой-то книге вычитал. Зоя получила, что хотела. Я всю жизнь оплачиваю ваши счета. Даже счета любовников твоей матери...

– А также счета Людки и Софки, как и претензии моих сестричек, Таньки и Ирки, – горько закончила за него Мария.

– Все верно, – согласился Олег. – Дочка, я честен. Если женщина перестала меня интересовать, я ей об этом говорю прямо, а не играю в любовь. Они мне все, в том числе и твоя мать, должны быть благодарны. У нас были любовь и счастье, а когда чувства прошли, все они, мои бывшие жены, остались на моем попечении. Разве не так?

– Ты даже не представляешь, какую душевную рану нанес мне в детстве, – с укором сказала Мария. – Как я тебя любила! Как мне тебя не хватало! Как мне было обидно, что у других девочек были отцы. Тебя никогда не было рядом! – едва заметный вздох не ускользнул от внимания отца.

– Зачем ворошить старое? – Олег пожал плечами. – Тебе было всего пять лет, когда мы с Зоей расстались. Ты быстро забыла о своей любви ко мне. Кстати, мы с тобой виделись каждый месяц.

– А мне-то хотелось – каждый день, – вздохнула Мария.

Пока шла беседа с дочерью, Олег пару раз вставал и подбрасывал в огонь поленья дров, лежащие рядом с камином. Отблески всполохов сверкали в глазах Марии, словно и в них полыхал пожар. За дверью слышался разноголосый шум. В гостиной продолжалось празднование юбилея Олега. Временами доносился смех, стук бильярдных шаров, звон бокалов.

– У каждого, кто находится сейчас здесь, – устало произнесла Мария, – есть, за что тебя убить...

– Есть, за что благодарить меня, – поправил ее Олег. – Я всех вытащил из грязи, всех сделал богатыми...

– И каждый из них ненавидит тебя и твою заботу, – задумчиво произнесла Мария.

– Не все так трагично, – попытался успокоить дочь Олег. – Есть еще Ксюша, твоя тетка, у нее нет ко мне претензий. Она счастлива, что оказалась за границей.

– Тетя Ксения! – фыркнула Мария. – Да она всегда счастлива! Она же помешанная! Просветленная. Общается напрямую с Богом! В вечном трансе находится.

– И Леня, он мне до гроба будет верен, – добавил Олег. – Я его на улице подобрал, погибающего от голода. Дал работу.

При упоминании отцом имени своего телохранителя Мария вздрогнула и сказала довольно резким тоном:

– Леонид – профессиональный убийца. Он прошел Чечню, на его совести немало жизней... Времена изменились, отец. Леонид может найти подобное занятие и за большие деньги. Тем более, не стоит должникам постоянно напоминать об их долге, они станут вашими злейшими врагами.

Олег отмахнулся от слов дочери:

– Маша, у тебя вечно кругом одни враги! Давай думать о приятном. Сегодня у меня юбилей. Сколько тостов прозвучало! Конечно, все эти восторженные слова – ложь, но все равно приятно. Я их всех держу в кулаке... Кстати, есть приятная новость: у тебя скоро появится братик! Катерина на третьем месяце. Только – молчок! Пока это наша тайна.

Мария поднялась и, улыбнувшись, сказала:

– Я иду в свою комнату. Хочу отдохнуть от пышных речей и торжества. Гуд бай! Главное – береги себя, папа!

– Спокойной ночи!

3

Пора было поговорить с Владимиром – правой рукой Олега. Разговор предстоял нелегкий. Олег напомнил себе, что надо быть спокойным и твердым. Никакой истерики. Он должен держать ситуацию в своих руках. Олег набрал на мобильнике номер партнера и попросил его зайти.

Владимир вошел, разгоряченный вином и игрой в бильярд. Несмотря на свои 56 лет и небольшой животик, выглядел он спортивно. Крепкая фигура, закованная в джинсовую броню, молодила Владимира. Небрежно расстегнутая джинсовая куртка с подвернутыми рукавами, рубашка с выпущенным наружу воротником, свободная манера держаться – все говорило о его энергичном характере. Только сеть морщинок вокруг глаз да две бороздки поперек высокого лба напоминали о возрасте Владимира.

На губах вошедшего играла самодовольная усмешка.

– Вижу, везет тебе в игре? – спросил Олег, приглашая парт-

нера сесть в кресло у камина и ставя на столик новый стакан. – Тебе разбавить или чистое виски?

– Можно половину колы, – Владимир откинулся в кресле. – Я им фору даю в четыре шара, не помогает. В бильярде требуется твердая рука и точный глаз. Зачем звал, Олег?

Олег молчал, глядя партнеру в глаза. Тот, почуя неладное, занервничал.

– Что-то случилось, Олег? – спросил с беспокойством в голосе Владимир. – Говори, не томи душу!

Олег кивнул и медленно, чеканя слова, произнес:

– Ты зачем подсунул мне туфту вместо картин? Знаешь, что за это полагается?

Владимир вмиг покрылся мелкой испариной и побледнел. Олег был уверен, что сейчас его партнер лихорадочно соображает, насколько осведомлен Олег о подлоге, что можно говорить, а чего нельзя. Надо брать быка за рога, решил Олег, пока тот не очухался.

– Ты думал, я ничего не узнаю? – тихо, но зловеще спросил Олег. – Я говорю о картинах, которые мы с тобой привезли Майерсу.

Владимир испуганно смотрел на Олега, словно потерял дар речи.

– Фальшивки за десять лимонов баксов, не крутовато ли? И ответственность на меня возложить? Тебе же голову отвинтить мало будет. Как ты мог так меня подставить? – Олег говорил, не давая Владимиру опомниться.

Тот открыл было рот, но смог издать лишь сиплый звук. Лицо побагровело, словно его хватил удар.

– Ты смотри, не помри, – зло бросил Олег, – глотни виски. Ты мне еще рассказать должен, где подлинники спрятал.

Владимир, хлебнувший виски по совету Олега, при последних словах партнера поперхнулся и закашлялся.

– Ты долго молчать будешь? Тебе еще язык не укоротили, говори, – приказал Олег.

Владимир начал говорить, поняв, что от его слов зависит его дальнейшая судьба.

– Олечка, ты успокойся, я все расскажу, как на духу, – торопливо забормотал Владимир. – Черт попутал. Я же для фирмы старался, для тебя, Олег. Думал, сделаю тебе сюрприз. Бо-

ялся, что ты не разрешишь подделки продавать. А их ни один эксперт от оригинала не отличит. Любая экспертиза подлинность удостоверит, поверь мне. Мы же получили на них сертификат. Я думал, выручим деньги за них, приедем домой, я тебе все и расскажу. Картины у меня дома спрятаны.

Олег продолжал сурово смотреть на партнера.

– Ты мне лапшу на уши не вешай. Ты меня обманул и должен за это ответить. А любую фальшивку можно отличить от оригинала. Я думаю, у профессионалов есть на то свои методы.

Владимир отчаянно замотал головой:

– Олежка, поверь мне, прошу тебя! Ни один специалист не отличит мои работы от оригинала. Это же проверено!

Олег резко схватил Владимира за борта куртки.

– Так ты и в прошлые разы туфту подсовывал?! Ах ты, мразь, я же тебя раздавлю, как таракана!

– Олег, прости, бес в меня вселился, – взмолился вконец перепуганный Владимир. – Все картины у меня. Все, кроме Гогена, мы его с тобой первым продавали. Я тогда еще подумал, что зря его упустили. Ведь я же мастер! Я могу такие шедевры писать, под любого великого...

Олег отпустил Владимира и мрачно произнес:

– Рассказывай, я слушать буду.

Владимир одним глотком осушил стакан коктейля с виски и откинулся на кресло, словно в изнеможении. Потом тряхнул головой, приводя себя в чувство.

– Я же институт искусств в Питере окончил, – начал Владимир свой рассказ. – Долго пытался пробить себе дорогу на Олимп. Потом понял: как ни рисуй, какие шедевры ни создавай, толпе это не нужно и не интересно. Толпа преклоняется только перед именами. Ей абсолютно плевать на само искусство, она ни черта не смыслит в нем, зато очень хорошо знает: Пикассо – это шедевр, Рембрандт – это класс, Ван Гог – супер и так далее. Толпа думает, раз полотно коснулась рука мастера, то картина обладает уникальной аурой, наполнена духом автора, наделена особой энергетикой. Обыватель смотрит на «Мону Лизу» Леонардо и переполняется гордостью лишь за то, что смог лицезреть работу самого Леонардо да Винчи. Для него только это имеет исключительный смысл. Он испытывает особые возвышенные чувства, которые, по его соображению, может родить в его душе

лишь истинный шедевр. Обыватель даже в мыслях не может допустить, что точно такие же чувства у него возникнут и при лицезрении искусной подделки. Хороший художник может быть талантливее мастера. Он может творить в стиле любого великого. Создавать в их манере шедевры, которых еще не видел свет. Но они никого не заинтересуют, если за работой не стоит великая тень. Это же несправедливо! Каким бы ты гением ни был, ты никому не интересен. Все решает случай и мода! Нищими были и Рембрандт, и Ван Гог, и Гоген.

Я приведу только один случай, который развенчивает миф об особой ауре мастера. В 2000 году на аукционе в Токио выставилась картина неизвестного автора «Голова крестьянки», и цена была этому шедевру 87 долларов. Заметь, картину оценивали не обыватели, а маститые специалисты. Эксперты ее тщательно осматривали, обнюхивали, оценивали и вынесли вердикт – 87 долларов. И вот перед самым началом аукциона кто-то вспомнил о подобной работе у Ван Гога. Так, может, это и есть она? Вполне может. И что ты думаешь, Олег? Эта картина была продана за полмиллиона долларов! Это действительно хорошая картина, но ведь эксперты оценили ее сначала в 87 долларов. Потом цена поднялась более чем в шесть тысяч раз только потому, что ее, оказывается, нарисовал великий Ван Гог! Ты понимаешь, Олег, о чем я хочу сказать? Я могу быть в тысячу раз талантливее Ван Гога, но моим картинам будет цена 87 долларов! Когда я это понял, я хотел повеситься. Но потом, хорошенько подумав, решил дать толпе то, что ей нужно. Хотите Айвазовского? Натяните Айвазовского! Желаете неизвестный шедевр Пиронезе? Будет вам эксклюзивный шедевр! Сам Айвазовский писал, что создал около 6 тысяч полотен. Между тем только официально признаны подлинными более 60 тысяч картин этого популярного мариниста. И возникают все новые и новые шедевры. Толпу это устраивает. Коллекционеры охотно приобретают эти «находки».

Когда ты, Олег, предложил мне заниматься антиквариатом, я решил, что смогу потихоньку приторговывать своими работами. Я подделывал по мелочи. Но когда ты продал подлинного Ван Гога за хорошие деньги, мое сердце облилось кровью. Я мог создать подделку, ни в чем не уступающую оригиналу! Тем более, что мои комиссионные при продаже составляют всего десять процентов! Это очень мало, Олег. Я тоже хочу жить. В про-

шный раз мы продали две мои работы. Я получил свои десять процентов, и два оригинала остались у меня. Да я скрыл подлог от тебя, но я действительно хотел вернуть тебе оригиналы картин. Мы могли бы продать их частным коллекционерам и хорошо заработать. Я все не решался поговорить с тобой об этом, а тут заказ от Майерса. Картины на 10 лимонов баксов, из которых ты мне посулил лишь 200 тысяч, вместо положенного миллиона! Я принял за работу.

Олег молча слушал откровения Владимира. С одной стороны, Олег получил сполна за свои картины, не потеряв ни цента. С другой стороны, Владимир весь удар, в случае обнаружения подделки, направил на него, Олега. А в-третьих, сам факт сокрытия и обмана налицо. Партнер предал его, за это нужно наказать строго.

– Как ты мог подставить меня, Владимир? А если кто-нибудь пронюхает, что мы продаем фальшивки, то конец всей моей работе с антиквариатом. Репутация дороже всего.

– Олежка, это исключено, – быстро заговорил Владимир. – Ни один эксперт не подкопается. Я все делал по науке. Холсты старые, тех времен. Я их отбирал тщательно – работы неизвестных художников. Осторожно счищал несколько слоев краски, не повредив подмалевок. Это очень сложная операция. Потом рисовал копию, сохраняя каждую трещинку. Кракелюр – это же как паспорт картины, по нему определяют возраст полотна. Масляные краски сохнут не менее пятидесяти лет, еще позже появляются трещинки – кракелюр. Есть, правда, сейчас французские лаки, которые, высыхая, сразу трескаются. Но их я использую, подделывая русский авангард и другие менее ценные картины. А со старыми мастерами приходится повозиться! Нужно применять те краски, которыми пользовался мастер. Упаси бог, взять материал, который появился после его жизни. Химический анализ это сразу покажет. Мало сохранить кракелюр. Как я уже говорил, краска сохнет 50 лет. Я применяю особый состав масляных красок. В специальной печи при температуре 105 градусов по Цельсию они затвердевают, словно картина написана больше века назад.

Олег испытывал сложные чувства, вглядываясь в лицо партнера и слушая его рассказ. Ему импонировала дотошность Владимира и его мастерство, но факт обмана оставался. И вместе с ним риск быть пойманными за руку. Он не верил, что Влади-

мир собирался поведать ему о подделках. Мысль о фальшивках самому Олегу пришла совершенно случайно, когда он осматривал одну из картин, привезенных сюда для продажи Майерсу. Олег запомнил небольшой изъян: крошечный кусочек краски отслоился от холста. Этот дефект трудно было заметить с первого взгляда. Но теперь Олег не нашел на картине ни малейшего намека на изъян. Что-то внутри Олега напряглось, словно у охотничьей собаки, взявшей след. Он предположил, что Владимир подделал картины. И хотя, сколько Олег ни вглядывался в полотно, ничего больше подозрительного обнаружить не смог, мысль о подделке не давала ему покоя. Нужно было проверить Владимира. И тот раскололся, когда Олег взял его на «понт».

– Я не люблю, Володя, когда решают за моей спиной, – тихо проговорил Олег. – Продавать фальшивки – это бизнес. Возможно, прибыльный, но рискованный. На него нужно идти сознательно, а не как баран за козлом. – Он метнул гневный взгляд на партнера.

Съевшийся в кресле Владимир дернулся и сделал новую попытку оправдаться перед Олегом:

– Ты не переживай, Олечка. Даже в знаменитых музеях мира полным-полно подделок, которые признаны оригиналами. В музее «Метрополитен», например, из 66 предметов 8-тысячной давности, привезенных из Турции, только 18 – настоящие... Коро живописал за всю жизнь 600 картин, а только в Америке хранится более 3000 «его» работ. В Британском музее в Лондоне, в Эрмитаже в Питере – везде можно найти подделки. Помнишь, в Эрмитаже есть древнегреческий рельеф «Три парки»? Мойры, дочери Зевса и Фемиды: Клото, прядущая нить жизни, Лахесис, держащая небесную сферу, и Атропос, прерывающая нить. Так этот рельеф на самом деле сделал в XIX веке один итальянский скульптор Монти и выдал за древнюю находку. На аукционе Кристи продали подделку Ван Гога «Подсолнухи» за 40 миллионов баксов. Потом выяснилось, что это подделка. Правда, ее нарисовал Гоген. Так что покупатели не прогадали, – неуверенно закончил Владимир, смущенный тяжелым молчанием Олега и ошарашенный своей собственной откровенностью. Ведь ему на самом деле не было известно, каким образом и что именно узнал Олег. А он вывернулся наизнанку. Как отреагирует на правду Олег? Чем это грозит ему, Владимиру? Сможет ли он замолить грехи перед Оле-

гом теми картинами, которые хранятся у него в тайнике?

– А частные коллекции – это же вообще могила, – помолчав, выдавил Владимир из себя. – Они закрыты для доступа. Никакой экспертизы я не боюсь. Отвечу.

Олег утвердительно кивнул головой при последнем слове Владимира.

– Вот именно, Володя, – излишне ласково проговорил Олег. – Ты у меня за все ответишь. По полной программе. А пока иди к гостям и не порть им настроение. Будь весел и любезен, а я подумую, что с тобой делать.

4

Олег несколько минут размышлял в одиночестве. Услышанная информация поразила его. Одно дело подозревать, что тебя обманывают, а другое – узнать масштабы подлога. Да, он не потерял ни цента, получил ровно столько, сколько хотел. Но факт остается фактом – Владимир нагло обманул его. Нельзя оставить все как есть до возвращения в Россию. Необходимо срочно забрать подлинники картин у партнера. Мало ли чего он еще надумает. Завтра Олег узнает, где хранит Владимир полотна, и даст поручение своему человеку забрать их.

А сейчас надо разобраться с Игорем.

«Хорошенький юбилей я себе устроил! – с усмешкой подумал Олег. – Ну что ж, пятьдесят лет – пора подвести итоги! Чтобы вступить во вторую половину жизни с решенными проблемами».

Олег позвал Леонида, своего охранника.

– Что, удалось вскрыть ноутбук? – спросил Олег.

Леонид кивнул головой.

– Мудреная техника оказалась, – сказал он, кладя на столик кейс с компьютером. – Встроенная защита, внутренний пароль – чудо вражеской техники.

– И как же удалось добыть информацию? – поинтересовался Олег.

– Против лома нет приема, – усмехнулся Леонид. – Пришлось извлечь жесткий диск. Вот нужная информация: я выбрал все необходимое и распечатал.

– Молодец! – Олег пробежал глазами листки. – Значит, три подпольных казино. Ежемесячный доход. Откаты ментам. Дотош-

ный человек – Игорек. Все записывает. Спасибо, Леня, хорошая работа. Теперь я могу взять его за жабры! Говорил я Игорю, работай легально, выводи казино из больших городов. Жалко ему стало терять наработанные места, решил сыграть со мной в прятки! Зови этого подпольщика сюда – будем его на чистую воду выводить!

Леонид вышел, а Олег вновь поблагодарил Провидение, которое послало ему счастливую случайность: напасть на след нелегальных казино и узнать, что ими управляет Игорь – его компаньон. «Кругом одни предатели, – мелькнуло в голове Олега, но он тут же прогнал прочь эту мысль. – Чем больше препятствий, тем сильнее и злее я себя ощущаю. Я готов всех в бараний рог согнуть!»

Олег уже привык к тому, что случай часто бывает на его стороне. Интуиция предупреждает об опасностях; люди, пытающиеся встать на его пути, оступаются и совершают роковые ошибки. «Это везение! – не раз говорил себе Олег. – У меня есть путеводная звезда или охранный ангел». Порой Олегу представлялось, что охраняет его не ангел, а бес. Но это обстоятельство мало его тревожило.

«Лишь бы не изменяла удача!» – Олег потер руки, готовясь к очередному разговору. А ведь нужно переговорить еще и со Степаном Емельяновичем. Олег тоже не просто так пригласил его в Альпы...

Поздним утром следующего дня завтрак был прерван истошным криком Ксении. Сидевшие в столовой трое мужчин – Игорь, высокий молодой человек худощавого телосложения, с совершенно лысым черепом и небольшими рыжими усами; Владимир и Степан Емельянович – кинулись наверх по ступеням к спальням, откуда доносился женский крик. За ними поспешила и бывшая в столовой Мария, с побледневшим от страха лицом.

В дверях они столкнулись с Ксенией, женщиной неопределенного возраста, от тридцати до сорока пяти, одетой в бесформенный мешок, который она именovala платьем. Глаза сестры Олега были круглые, словно у вспугнутой совы. Она указала назад в комнату, из которой вышла, дрожащей рукой и с трудом выдавила из себя, будто слова застряли у нее в горле:

– Они там... в крови.. Боже!

Мария заглянула в комнату через спины столпившихся у косяка мужчин и увидела большие пятна крови на ковре. В нос ударил терпкий запах пота с примесью чего-то металлического. «Запах крови», – мелькнуло в голове Марии. Она передернула плечами и отвела взгляд.

– Черт! Я же предупреждала его! – чуть ли не рыдая, Мария круто повернулась и ушла к себе в комнату.

По коридору к стоявшей группе бежал Леонид и еще двое из охраны Олега.

– Что случилось? – спросил с тревогой в голосе Леонид.

– Олега и Катерину убили!

– Заблокируйте все выходы, – приказал Леонид своим помощникам. – Никого ни сюда, ни отсюда!

Затем он медленно вошел в комнату Олега.

5

В просторной гостиной было полно людей. За большим круглым столом в центре комнаты сидели три женщины: Ксения, сменившая бесформенный балахон на брючный костюм, и бывшие жены Олега: Людмила и Софья. Здесь же были и дети Олега: дочь Людмилы Татьяна, семнадцатилетняя копия матери; Ирина, худощавый угловатый подросток, совершенно непохожая на Софию, пышнотелую тридцатилетнюю блондинку; и Мария.

Людмила курила, бросая хмурые холодные взгляды на присутствующих. Она выглядела моложе своих тридцати пяти лет. Миндалевидные глаза, яркая помада на губах, темные роскошные волосы, элегантно лежавшие на плечах, изящная фигура, подчеркнутая узким пояском на платье – Людмила вполне могла сойти за старшую сестру своей дочери.

В центре стола восседал Степан Емельянович. Его глаза налились кровью, а лицо слегка распухло. Степан Емельянович страдал от чрезмерно выпитого накануне спиртного. Он слегка трясущимися руками налил в стакан виски и выпил. Потом посмотрел на остальных мужчин, бывших в комнате: Игорь устроился в кресле у камина и нервно крутил какой-то ключ в руках, то и дело вскидывая глаза на Леонида, который молча стоял в дверях; Владимир, отвернувшись от компании, смотрел в окно.

– Что делать будем, дамы и господа? – спросил Степан Емельянович. – Полицию вызывать или есть другой вариант?

Владимир круто повернулся и бросил:

– Это Франция, черт возьми! Кто из вас говорит по-французски? Даже если нам найдут переводчика, мы застрянем здесь очень надолго! У меня в среду, через три дня, важная встреча. Я обязан на ней быть.

– Голубчик, – пропел Степан Емельянович, – мы тоже не на пенсии. Вопрос ко всей честной компании: у кого какое мнение?

Игорь еще быстрее стал крутить свой ключ.

– Мое мнение – валить надо отсюда, – быстро заговорил он. – Возьмем билеты на завтрашний рейс. Сядем в самолет и – тью-тью!

Говоря это, Игорь весь ходуном ходил в кресле. Его острые плечи двигались в разные стороны, словно какой-то кукловод дергал за невидимые веревочки, привязанные к рукам молодого человека. Рыжие усы топорщились, словно у испуганного кота. Лысина блестела от капелек пота.

– Мне проблемы ни к чему, – встала на его сторону Людмила. – У меня дома их хватает. Мы с Татьяной улетаем завтра, что бы вы тут ни решили.

Софья тоже закивала головой в знак согласия.

– Конечно, жалко Олежку, но мы же не сможем вернуть его назад, – запричитала она. – И я не хочу видеть снова этот ужас! – София показала глазами наверх.

Степан Емельянович перевел взгляд на Марию. Та сидела бледная и напряженная.

– Мы должны вызвать полицию, – твердо проговорила Мария, ни на кого не глядя. – Я хорошо знаю французский. Учила в гимназии, в институте, жила пару лет в Париже.

На минуту воцарилось молчание, потом заговорили, казалось, все разом, за исключением Леонида и Ксении.

– Господи! Нас же начнут таскать по судам и следствиям! – завопила Людмила.

Ее поддержал Владимир:

– Мы завяжем в этом разбирательстве. Все окажемся под подозрением!

Игорь согласно закивал головой:

– Ведь можно все представить как несчастный случай!

Степан Емельянович сурово глянул на него:

– Они, что, сами зарезались?! Кто нам поверит?

Софья закудаhtала, словно испуганная курица:

– Боже мой, товарищи, ну придумайте же что-нибудь! За-чем я согласилась на эту поездку?! Десять лет прошло с тех пор, как мы расстались с Олегом. Зачем надо было ехать сюда? Глу-пая затея!

Мария съязвила:

– Захотелось Альпы посмотреть? Сидела бы лучше дома да денежки от отца поджидала!

Софья передернула плечами:

– Не я одна за счет Олежки жила. Твоя мамаша и ты тоже не брезговали за его деньги одеваться и кормиться!

Владимир с силой хлопнул в ладоши и с досадой выкрик-нул:

– Бога ради, прекратите этот базар! Убили двух людей. Я сознаю весь ужас положения, но жизнь должна идти дальше, дамы и господа! Нельзя сейчас поддаваться панике и совершать необдуманные поступки.

Татьяна, такая же угрюмая, как и ее мать, напряженно вслу-шивалась в разговор. Ира, девочка двенадцати лет, сидела запл-аканная, молча и отстраненно.

После слов Владимира вновь воцарилось молчание. Его нарушила Ксения, до того, казалось, ушедшая в себя и медити-рующая:

– Я много лет не видела брата. Мне было абсолютно на-плевать на его личную жизнь, как и ему на мою. У меня было столько своих проблем, что в какой-то момент я зашла в тупик и даже готова была решить их разом, выйдя в отставку из этой жизни. Но с тех пор как я занялась медитацией и йогой, мое су-ществование пришло в норму. Я получила Знание! Я поняла тай-ный смысл человеческой жизни! И однажды мне было видение: брат просил меня о помощи. Вскоре после этого неожиданно объявился Олег, после стольких лет молчания, и пригласил меня сюда на празднование своего юбилея. Теперь я понимаю, то ви-дение было знаком для меня!

Присутствующие с каким-то испугом рассматривали Ксе-нию, словно увидели ее впервые.

– Кто-то из вас совершил преступление, – вещала Ксения, будто в трансе, – и не хочет понести наказание за содеянное. Знайте – есть высший разум, он не даст вам уйти от возмездия!

Степан Емельянович снова налил виски и залпом выпил. Владимир неодобрительно взглянул на него:

– Степан Емельянович! Мы должны рассуждать трезво и не терять время, выслушивая бредни сумасшедшей!

Ксения при этих словах закрыла глаза и глубоко задышала. Степан Емельянович обвел всех повлажневшим от спиртного взглядом:

– Хорошо, хорошо! Подведем итоги нашего обсуждения. Все за то, чтобы избежать лишних... э-э... хлопот. Это раз. Во-вторых, я так понял, – он сделал паузу и потом с чувством закончил, – никого из вас не интересует, кто совершил это.... то, из-за чего Олег и Катерина досрочно покинули этот мир. Что ж, они ушли счастливыми, любя друг друга. Не каждой счастливой паре это дано – уйти в один день. Как говорится, пусть земля им будет пухом!

Все молчали, лишь Игорь поддакнул:

– Вот именно, пусть земля им будет пухом.

Ксения резко открыла глаза и шумно выдохнула.

– Честную компанию устраивает, что мой брат мертв, – спокойно сказала она. – А мне сейчас было видение, что так просто это дело не кончится. Хотите избавиться от трупов и смыться? Не выйдет! Карающая рука настигнет вас везде!

Степан Емельянович повернулся к Ксении:

– Айн момент, мадам! Давайте взвесим все за и против. Только потом начнем действовать. Мне очень жаль, что мой друг, я подчеркиваю, мой друг, погиб таким образом.

Ксения криво улыбнулась:

– Можно подумать, вы бы радовались, если бы он умер другим образом.

– Не придирайтесь к словам, дорогая! Все мы, каждый в свое время, перейдем в мир иной. Надо думать о живых, оставляя мертвых в покое. Я думаю, что решение за Марией. Ты, красавица, получаешь право голоса. Как раньше говорили: «Умер король, да здравствует королева!»

Мария, не поднимая головы, тихо произнесла:

– Я его предупреждала об опасности. Он лишь смеялся

над моими страхами. Мне надо подумать. Сколько у меня есть времени?

– В течение двух часов мы должны принять решение. В одиннадцать придет прислуга для уборки помещений. Они ни о чем не должны будут догадаться. А нам, я думаю, следует перекусить, – Степан Емельянович посмотрел на Леонида. – Прикажете принести еду. Ее должно быть достаточно осталось на кухне.

В дверь кто-то постучался, и вошел охранник из команды Леонида. Он что-то тихо сказал своему шефу. Леонид резко повернулся к присутствующим в гостиной. По его встревоженному лицу все поняли, что новость не из приятных.

– Один из моих людей мертв. Его нашли в своей комнате, сидящим в кресле, рядом на полу лежит пустой стакан. Возможно, что его отравили.

В воздухе повисло тягостное молчание. Степан Емельянович оглядел всех мрачным взглядом:

– Похоже, мы здорово влипли. Кто-то затеял с нами страшную игру. Либо этот кто-то сам должен признаться и объяснить нам, чего он хочет, либо мы вынуждены будем искать его. В любом случае, никто не должен в одиночку покидать эту комнату. До тех пор, пока мы не узнаем, что необходимо в таких случаях.

6

Леонид направился к выходу, приказав пришедшему охраннику оставаться в гостиной. Ксения неожиданно встала из-за стола:

– Как вас зовут? Леонид? Подождите меня! Я пойду с вами. Леонид пристально посмотрел на нее и кивнул.

Проходя по коридору, Ксения тронула Леонида за рукав:

– Кто мертв?

– Фил, – ответил Леонид и добавил: – Я ничего не понимаю. Ведь его комната находилась под нашим наблюдением. Никто, кроме Фила, в нее не входил и, тем более, не выходил.

– Возможно ли самоубийство? – спросила Ксения.

– Не вижу причин, – пожал плечами Леонид. – После того, как вчера мне в комнату подсунили письмо с предложением убить Олега, я поручил Филу вести наблюдение в коридоре, где стоит

стол со старинной вазой, в которой, судя по письму, лежал мой аванс — двадцать тысяч долларов. Я надеялся выйти на заказчиков. Сам я вел наблюдение за комнатой Олега. Я тогда не подозревал, что Фил причастен к готовящемуся убийству!

Ксения попросила показать письмо. Леонид извлек конверт из внутреннего кармана пиджака. Ксения внимательно изучила сложенный вдвое листок бумаги.

— Составлялось письмо, видимо, впопыхах, — сказала она. — Буквы из газеты вырезаны неровно, они словно пляшут. Вероятно, кто-то принял решение убрать моего брата внезапно. Скорее всего, Олег своими вчерашними разговорами подтолкнул убийцу к действию. Я думаю, что Фил с самого начала знал о преступных планах. А когда ты поручил ему вести наблюдение в коридоре, не упуская из поля зрения вазу, Фил понял, что ставка на тебя потерпела крах. Он срочно дал знать об этом организатору убийства и сам вызвался быть исполнителем задуманного. Им нужно было спешить: вдруг ты сообщишь о письме Олегу?

— По интернет-планшету мне хорошо была видна дверь в комнату Олега — мы установили небольшой «глазок» в коридоре, — сказал Леонид. — Когда я увидел, что Фил вошел в комнату Олега, я удивился: с чего это он бросил свой наблюдательный пост? Я же велел ему следить за теми, кто будет подходить к вазе. Потом словно кипятком обожгло: он может быть убийцей! Я ринулся в номер Олега, но Фила уже там не было. Мои люди видели, как он прошел в свою комнату. И вот тогда мы установили наблюдение за его дверью, полагая, что заказчик убийства вскоре появится у Фила. Мои люди клянутся, что никто в комнату Фила не входил и не выходил из нее. Только сейчас, обеспокоенные тишиной в комнате, они вскрыли дверь и нашли Фила мертвым...

Ксения и Леонид вошли в комнату Фила. Казалось, что он просто крепко спит, сидя в кресле. На пушистом ковре валялся стакан. Ксения обратила внимание, что бутылки, из которой Фил наливал себе, нигде не видно. В комнате был относительный порядок. Лишь на заправленной кровати лежал небрежно брошенный пиджак Фила.

— Голубчик, Леонид, — обратилась Ксения, — будьте добры, посмотрите под кроватью, нет ли там какой-нибудь бутылки.

— Нигде нет, — сказал Леонид, закончив поиски.

Ксения подняла стакан с ковра, поднесла его к лицу и принюхалась. Пахло виски.

– Леонид, понюхайте, пожалуйста.

– Я думаю, обычное виски.

– Вы можете сказать, когда наступила смерть? – спросила Ксения.

Леонид долго осматривал труп Фила.

– Я думаю, прошло не менее девяти часов... Смерть наступила где-то около полуночи, – наконец, заключил он.

Ксения еще раз обвела комнату взглядом. Осмотрела потухший камин и вынула из углей обгоревший кусочек газеты. Потом подошла к туалетной двери и открыла ее: душевая кабинка, унитаз, зеркальная стена, разбитая рейками на прямоугольники. Ксения принялась изучать зеркало. Леонид с интересом наблюдал за ней.

Ксения нажала на один из сегментов зеркальной стены, и он легко подался внутрь, открывая проход в смежный санузел. Через него можно было попасть в другую комнату.

– Прежние хозяева особняка, супруги, занимали разные комнаты, – пояснила свое открытие Ксения изумленному Леониду. – А при необходимости муж мог навещать свою супругу, не выходя в коридор. Вполне обычная вещь.

– Черт! Значит, кто-то проник в номер Фила незаметно для нас, напоил его каким-то зельем и так же незаметно покинул помещение. Мы должны были изучить планировку здания до приезда! – в сердцах воскликнул Леонид.

– Нашими судьбами управляют высшие силы, – многозначительно произнесла Ксения. – Любая кажущаяся случайность может быть звеном невидимой нам цепи событий. Их истинный смысл прояснится нам только в будущем. Если высшие силы будут расположены к нам, то возмездие неотвратимо покарает виновных...

Леонид слегка поморщился:

– Я привык полагаться на свои собственные силы. Мы теряем время. Нас ждут в гостиной.

Ксения приняла решение:

– Леонид, мне надо переговорить со всеми, кто сейчас находится в гостиной. Я уверена, что приказ об убийстве брата дал кто-то из них, так же, как и указание Филу оставить на месте

преступления твой нож. Письмо и нож должны были быть уликами против тебя, Леонид. Я буду у себя в комнате. Под любым предлогом постарайтесь привести ко мне каждого из гостей. Я попробую поговорить с ними. Я не уверена, что могу прийти к точному выводу, но другого пути не вижу.

7

Степан Емельянович вальяжно устроился в кресле напротив сидящей на диване Ксении:

– Милочка, чем я могу быть вам полезен? Леонид сказал, что вам нужна моя помощь...

– Может быть, чашечку кофе? У меня есть вкуснейшее песочное печенье. Знаете, печенье – моя слабость.

– Давайте кофе. Выпить чего-нибудь покрепче, я гляжу, у вас все равно нет, – сказал Степан Емельянович, оглядев комнату.

Ксения налила в чашечку густого напитка из высокого кофейника и разбавила его сливками. На столике стояла корзинка с печеньем. Женщина пододвинула ее поближе к сидящему собеседнику.

– Степан Емельянович, ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов. Поймите, я сестра Олега. Я хочу знать, почему его и Катерину убили.

– В основе любого конфликта лежат либо деньги, либо женщина. Иного не дано, милочка.

– Вы хотите сказать, что их убили из-за денег? – Ксения за разговором поглощала одно печенье за другим. – И Фила? Какие у него деньги?

– Посудите сами, душенька. Людмиле или Софье ревность не к лицу. Для них это дела старые. Им нужен живой Олег. Он оплачивал все их расходы. Теперь в права вступит Мария. Будет ли она выполнять отцовские обещания? Возможно, и будет. Но станет ли она оплачивать все прихоти бывших жен отца и их дочек, ее сестер? Вряд ли. А если женщина тут ни при чем, значит, остаются деньги. Деньги у Олега были, и немалые. Что касается Фила... может быть, у него просто сердце не выдержало? Если бы я, положим, с утра сто граммов не принял, то, возможно, и у меня бы сердце остановилось.

– Вольно вам шутить. Все же я не пойму, зачем понадобилось убивать Олега и Катерину? – Ксения вновь наполнила чашки кофе. – С мертвого брата уже никаких денег не получишь.

Степан Емельянович хитро улыбнулся:

– Как знать, милочка, как знать. Два его компаньона, Игорь и Владимир, получают почти полную свободу. Как сможет их контролировать двадцатидевятилетняя девушка, не имеющая большого опыта в бизнесе и не знающая о теневых делах своего отца? Эта деятельность полностью уйдет к партнерам.

– Мне кажется, что у Марии есть опыт ведения дел, у нее ведь собственный бизнес в Питере, – заметила Ксения. – Она занимается продажей недвижимости.

– Насколько я знаю, ей тоже помогал отец. – Степан Емельянович отхлебнул кофе и посмотрел на Ксению. – А вы решили примерить на себя лавры мисс Марпл? Стоит ли разбираться в этом деле? Не удивляйтесь, дорогая! Просто послушайте меня. Предположим, что убийство совершил Владимир или Игорь. А может быть, они сговорились вместе убрать своего сотоварища. Допустим, у них возник конфликт в денежных вопросах: Олег обнаружил, что его компаньоны за его спиной ворочают большими деньгами и скрывают это от него. Вообразим, что вам, милочка, удалось вывести их, или одного из них, на чистую воду. Возникнет разбирательство, всплывут неблагоприятные дела вашего брата, теневые стороны его бизнеса. Кому это надо? Никому, смею вас заверить. Будущее бизнеса окажется под большим вопросом. Это финансовый удар по всем бывшим женам Олега, по Марии и обоим компаньонам. Вы же слышали общее мнение там, в гостиной. Никто не хочет копаться в грязном белье. Скажите только слово, и мы подумаем, как представить смерть Олега и Катерины несчастным случаем. Я думаю, это всех нас устроит, – заметив, что Ксения собирается возразить ему, Степан Емельянович добавил: – Включая Марию, несмотря на ее желание вызвать полицию. Ей нужно свидетельство о смерти отца? Она его получит!

– Вы ужасный циник, Степан Емельянович, – Ксения с презрением посмотрела на собеседника. – Вы так рьяно убеждаете меня не пытаться понять, что же произошло, будто имеете сильный интерес в этом деле. Может быть, это вы совершили убийства?

Степан Емельянович улыбнулся:

– Я не в том возрасте, чтобы совершать подобные глупости.

– А что вы скажете, Степан Емельянович, о вашем долге Олегу? – Ксения решила, наконец, атаковать собеседника.

Улыбка сошла с лица мужчины.

– Вы имеете в виду те два миллиона долларов, о которых мы с ним вчера беседовали? – осторожно спросил Степан Емельянович.

– Да, Леонид мне все рассказал, – прямо сказала Ксения.

– Может быть, для вас это неожиданность, но Леонид в курсе многих дел Олега. Брат доверял своему охраннику.

– Тогда Леонид должен быть в курсе нашей с Олегом договоренности, – обиженным тоном произнес Степан Емельянович и добавил: – В течение следующих двух месяцев я должен был отдать Олегу долг несколькими траншами.

Ксения кивнула:

– Леонид говорил мне об этом. Но, уважаемый Степан Емельянович, договоренность – это еще не само действие. Пообещав деньги, вы могли придумать иной выход из ситуации.

Степан Емельянович нахмурился. Его покрытое оспинами лицо покраснело еще больше, руки слегка затряслись:

– Милочка, я уже старый человек. Зачем мне брать грех на душу? И потом, кто-то же убил Фила! Видимо, это тот же, кто убил Олега и Катерину.

– Представьте себе такую ситуацию, – задумчиво начала Ксения, – Олег ваш конкурент. Для того, чтобы быть в курсе его дел, вы внедряете в фирму моего брата своего человека. Вчера, когда Олег в жесткой форме потребовал возратить долг, вы решаете его убрать. Вы пытаетесь подкупить Леонида, предлагаете ему деньги, чтобы он убил своего шефа. Ваше письмо, составленное из букв, вырезанных из русской газеты, у меня. Поняв, что Леонид не пойдет на убийство, вы даете приказ своему человеку выполнить задуманное. После чего убиваете его, чтобы скрыть следы преступления. Фил – ваш человек!

По мере того, как развивала свою мысль Ксения, глаза Степана Емельяновича становились все шире и шире.

– Что вы такое говорите, Ксения? – забормотал Степан Емельянович. – Какое письмо? Какой мой человек? Фила я уви-

дел здесь впервые! Что касается Олега, то, не скрою, мы вместе с ним начинали бизнес. Потом, когда дела пошли в гору, у нас возникли разногласия. Это часто бывает. Деньги делить между партнерами сложно – каждый считает, что основную работу выполнил именно он. Мы разделили собственность, принадлежащую фирме. Мне отошла большая часть, не могли же мы делить здания пополам. Но я должен был возместить Олегу его долю деньгами. Так получилось, что часть суммы я не смог выплатить. Дела пошли очень прохладно, разразился мировой финансовый кризис. Мы тоже в стороне от него не остались. А вчера все было решено полюбовно. Как вы можете так думать про меня?!

Ксения задумчиво смотрела на разом постаревшего Степана Емельяновича. Мог ли он действительно замыслить подобное преступление? Кто же тогда положил деньги в старинную вазу на коридорном столике? Кто подбросил нож Леонида в спальню Олега? Как странно, что Степан Емельянович сравнил ее именно с мисс Марпл, Ксения и сама думала о ней. Как бы в этой ситуации повела себя мисс Марпл? Ей, этой книжной старушке, хорошо – автор сделал ее проницательной и умной, а как быть ей, Ксении? Она же обычный человек, хоть ей и помогают высшие силы. Но как говорится в поговорке, на Бога надейся, а сам не плошай. Должна быть где-то зацепка. Должны были остаться следы, ведущие к настоящему преступнику.

Ксения неожиданно для себя сказала Степану Емельяновичу:

– Вы знаете, я вам верю. В том, что вы не причастны к убийствам. Прошу вас помочь мне. Просто посидите в спальне. Я приоткрою дверь, и вам будет хорошо все слышно. А потом мы решим, что нам делать. Времени действительно у нас мало.

Степан Емельянович пожал плечами и проследовал в соседнюю комнату.

8

Владимир прихлебывал кофе, сидя напротив Ксении. Женщина, не раздумывая, с ходу предложила ему высказать свою версию происшедших событий.

– Уважаемая Ксения, строить версии прерогатива следствия, – веско заметил Владимир. – Мы можем высказывать лишь

свои предположения. Но, честно говоря, я не стал бы этого делать. Любое слово может быть превратно истолковано. Меньше всего мне хочется кого-либо обвинять. Презумпция невиновности должна свято соблюдаться. Вина должна быть доказана. Но меня ужасает сама мысль попасть в руки французского правосудия. За границей в каждом русском видят преступника. И потом, что они смогут понять в этом деле? Ясно, что это тройное убийство связано с бизнесом Олега. Для того, чтобы разобраться во всех перипетиях коммерческой деятельности Олега, нужны российские спецслужбы. Вы только представьте себе, какая заварится тут каша! И мы в ней будем в качестве приправы! Мне жаль и Олега и Катерину. Нас связывала не только работа. Но надо понять, что жизнь продолжается. У нас у всех масса дел и обязательств, которые мы обязаны выполнить.

Ксения слушала Владимира молча, давая ему возможность высказаться.

– У меня через три дня крупная сделка, – продолжал Владимир. – Как вы знаете, я веду дела, связанные с антиквариатом. Мы с Олегом выставили на продажу уникальную коллекцию картин. Появился потенциальный покупатель. Это несколько миллионов долларов! При огласке убийства пострадает наш имидж. Это будет катастрофа для фирмы.

– Уважаемый Владимир, так, может, вы и убили моего брата, чтобы забрать эти миллионы себе? – предположила Ксения.

Владимир сердито посмотрел на нее:

– Что за чушь вы несете?! Мной руководит только принцип интереса фирмы. Олег сам так всегда поступал. Если сорвется сделка, в первую очередь, не получит прибыль Мария, как законная наследница...

– А что, есть завещание Олега по передаче наследства дочери? – любопытствовала Ксения. – Вроде бы в пятьдесят лет еще не думают о смерти.

– Тем не менее, такая бумага лежит в сейфе фирмы, – ответил Владимир. – Все об этом знали. У Марии хранится копия документа.

– Интересно, кому первому пришло в голову написать такое завещание? – спросила Ксения. – Бьюсь об заклад, что любимой дочери.

– Вы же знаете Марию. Олегу постоянно надо было дока-

зывать, что он ее любит. Она требовала от него то одну дорогую покупку, то другую. А когда появилась Катерина, Мария и вовсе разошлась. Ей хотелось показать новой жене отца, что главная женщина в его жизни она, дочь. Ну и уговорила Олега написать сие завещание. Не так давно они разругались – Олег и Мария. Отец отказал ей в покупке дорогой машины. Здесь, в Альпах, была их первая после размолвки встреча.

Ксения откинулась на спинку дивана.

– Вы хотите сказать, что у Марии была веская причина убить своего отца? – напрямую спросила она Владимира. – Или просто пытаетесь отвлечь внимание от своей персоны, компрометируя девушку?

Владимир чуть не поперхнулся кофе:

– Бога ради, Ксения! Не говорил я ничего подобного! Я никого не обвиняю! Вы спросили про документ, и я объяснил! Это не связано с убийством! Оставьте меня в покое!

– А почему вы ничего не сказали о вашем вчерашнем разговоре с Олегом? – выбросила Ксения свой козырь. – Не поведали мне о своих подделках?

Ксении было любопытно наблюдать, с какой скоростью меняется выражение лица Владимира. Праведное возмущение мгновенно уступило место страху, если не ужасу.

– Я думал, что Олег... мы были одни, – лепетал Владимир. От его самоуверенности не осталось и следа.

– Вы забыли о моих способностях, дорогой, – Ксения упивалась эффектом, который должен был продемонстрировать возможности Знания. – Высшие силы поведали мне о вашем обмане. Олег потребовал передать ему подлинники картин!

– Я это и сам хотел! – воскликнул в отчаянии Владимир.

– Да, но потом, подумав, решили, что отдавать картины в 10 миллионов долларов глупо...

– Признаюсь, такие мысли меня посещали, – прервал Ксению Владимир. – Но я ничего не делал!

– Кто же тогда подготовил и подбросил письмо Леониду с предложением убить Олега? Кто обещал ему деньги?

– Ксения, умоляю вас, прекратите это безумие! – слабым голосом отозвался Владимир. – Прошу, соблюдайте принцип презумпции невиновности! Я ничего об этом не знаю! Я не убивал!!!

– Возможно, сами вы и не убивали. Но могли подговорить

на это Фила. После того, как поняли, что Леонид не будет выполнять ваш заказ.

– Мне нечего вам сказать на это, – проговорил Владимир.
– Вы мне не верите.

– Хорошо, успокойтесь, Владимир. У меня больше нет никаких к вам вопросов, – решила вдруг Ксения. – Прошу вас, подождите в соседней комнате. Составьте компанию Степану Емельяновичу. Мне надо еще поговорить с оставшимися. Время бежит вперед неумолимо!

9

Игорь вошел, испуганно озираясь по сторонам.

– Ксения, вы куда людей девааете? Где Степан Емельянович и Владимир?

– Присаживайтесь, Игорь. Не беспокойтесь, с ними ничего не случилось. Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов.

Игорь пристроился на краешке кресла и продолжал нервно осматривать комнату.

– Если вы думаете, что я причастен к убийству, то глубоко ошибаетесь, – начал говорить Игорь, не дожидаясь вопросов. – Я совершенно ничего не знаю. И знать не хочу.

– Вы же компаньон Олега, – с укоризной сказала Ксения.
– Убийство связано с деятельностью моего брата. Вы, Игорь, в курсе всех его дел и можете дать полезную информацию.

Игорь заерзал в кресле.

– Я не ведаю ничего о тайных делах Олега. Я простой управляющий. Я делаю то, что мне скажут. Остальное меня не касается.

– Мне кажется, вы умаляете свою роль в фирме, – задумчиво произнесла Ксения. – Вы же имели свою долю в бизнесе. Я слышала, как это ни прискорбно говорить, что вы участвовали в содержании домов свиданий...

– Это все слухи! – подпрыгнул Игорь. – Это злые языки распространяют гнусный компромат. У нас был только честный бизнес.

– Но ведь и казино не так давно запретили, не правда ли?
– наивно спросила Ксения.

– Нам пришлось переносить заведения в те страны, где

этот бизнес легальный, – быстро ответил Игорь. – Конечно, была масса трудностей, но мы их успешно решили.

– Я думаю, что у вас были финансовые проблемы с Олегом, – сказала Ксения, – я посмотрела его ноутбук. Там есть очень интересные отчеты и досье. Не все так было радужно, как вы хотите это здесь представить.

Глаза Игоря упорно не хотели смотреть на Ксению. Взгляд его метался по комнате, ни на чем не задерживаясь.

– А где ваш ноутбук, Игорь? – Ксения с любопытством посмотрела на собеседника. Как отразится этот вопрос на нем?

– Я не знаю, кто-то украл его, – быстро ответил Игорь, тоскливо рыская взглядом по углам.

– Игорь, смотрите мне прямо в глаза! – резко приказала Ксения.

Игорь испуганно втянул свою лысую голову в плечи и послушно посмотрел на Ксению.

– Вас вчера уличили в содержании подпольных казино, не правда ли?

Игорь утвердительно затряс головой.

– Олег потребовал немедленно закрыть их, не так ли? Вы имели очень неплохой доход с казино.

Игорь с ужасом смотрел в темные глаза Ксении, не в силах ответить взглядом.

– Как... как вы узнали об этом? – только и смог пролепетать он.

– Вы забыли о том даре, который подарило мне Знание, – с наслаждением произнесла Ксения и тихо добавила: – И кое-что мне рассказал Леонид.

Игорь безоговорочно поверил во всемогущество Ксении. Он со священным трепетом ждал, что она скажет дальше.

– Олег пригрозил вам жестокой расправой за то, что вы обманули его, – зловещим шепотом продолжила Ксения. – Вы, Игорь, сильно перепугались.

Ее собеседник был в состоянии, близком к обмороку. Ему казалось, что Ксения читает его мысли словно раскрытую книгу.

– Но вы же должны знать, что я... я не виновен в смерти Олега, – едва слышно пролепетал Игорь. – У меня и в мыслях не было решать проблемы подобным образом. Ксения, умоляю, по-

верьте мне. Я не виновен в убийствах. – Игорь вынул платок и вытер выступивший пот на лице и лысом черепе.

– Хорошо, не будем больше говорить об этом, – Ксения ободряюще улыбнулась собеседнику и спросила: – Кстати, Игорь, куда вы дели старые российские газеты, которые читали в самолете?

Игорь пожал плечами.

– Часть лежит в моей комнате. Некоторые из них кто-то брал читать.

– А вы не вспомните кто? – Ксения пыталась ухватиться за любую соломинку.

Игорь в растерянности задумался.

– Леонид, кажется, брал одну... Кроссворд разгадывала Мария. Может, еще кто-то, я не помню точно. Это так важно?

– Нет, не очень, – ответила Ксения. – Вы не заметили, с кем общался Фил? Вы же курировали охрану Олега.

– Особо ни с кем, кроме Леонида и Марии. В его задачу входила и охрана дочери Олега. Естественно, что они общались друг с другом.

– Хорошо, Игорь. Вы сделаете мне большое одолжение, если побудете в соседней комнате вместе со своими пропавшими товарищами. Я должна побеседовать с остальными.

10

Людмила в сопровождении Татьяны вошла словно разъяренная фурия.

– Кто вам дал право чинить нам допрос?! – с порога выкрикнула она. – Куда вы спровадили всех наших мужчин?

Ксения приказала себе расслабиться и настроиться на прием космической энергии.

– Садитесь, девочки, – тихо произнесла она. – Мне сейчас было видение. – Ксения закрыла на несколько мгновений глаза и потом, открыв их, воззрилась на вошедших. Жестом указала им на кресла. Те, слегка ошарашенные поведением Ксении, послушно присели. Людмила надменно откинула голову слегка назад.

– Что за спектакль вы перед нами разыгрываете? – выпалила она, словно выстрелила из пистолета.

– Этот спектакль разыгрываем не мы, Людмила. Мы в нем лишь марионетки. Есть высший разум и высшая справедливость. Все наши поступки взаимосвязаны. Для нас закрыто будущее, но если мы посмотрим в прошлое, то увидим, что наши действия стали причиной каких-то других действий и явлений. Это словно цепная реакция. Помните, как строится карточный домик? Стоит вытянуть из него всего лишь одну карту, и конструкция рухнет. Или цепь из вертикально поставленных костяшек домино – толкни одну и падают все остальные. Так и наша жизнь – это непрерывная цепь событий, связанных друг с другом. Не будет одного события – не будет и других. И наоборот.

Людмила сердито смотрела на Ксению.

– Вы позвали нас, чтобы мы выслушивали эту ахинею? Что вы хотите от нас?

– Когда вы вошли сюда, я увидела позади вас словно туманный образ. Это был Олег, но молодой, – Ксения внимательно наблюдала за реакцией Людмилы на эти слова и внезапно спросила: – Вы верите в ясновидение, Людмила?

Женщина слегка наклонила голову в знак согласия. Ксения, подбодренная вниманием, продолжала:

– Кроме того, я увидела рядом с вами мужчину. Очень привлекательного с виду. Он просто поедал вас глазами. Совершенно ясно, что он в вас влюблен.

Теперь Людмила слушала Ксению с явной заинтересованностью.

– Это не твой ли Иннокентий? – с иронией спросила Татьяна мать. – Он точно глаз с тебя не спускает.

– Таня, не твоего ума это дело, – резко оборвала Людмила свою дочь. – Вы, Ксения, что-то говорили об образе Олега?

– Да, он смотрел на вас и кивал головой.

– И что бы это значило? – спросила явно польщенная Людмила.

– Вы женщина яркая и красивая, видимо, в скором будущем вас ожидают большие перемены.

– Эх, скорее бы все здесь закончилось, – мечтательно произнесла Людмила. – Какая же я дура была, что согласилась приехать на этот проклятый юбилей. Хотелось сделать что-нибудь для Олега. Все же нас связывают приятные воспоминания.

– И не только воспоминания! – тут же отреагировала Татьяна.

– О тебе твой отец тоже не забывал! – едко заметила Людмила. – Слава Богу, не бедствовали.

– Татьяне семнадцать лет? – неожиданно спросила Ксения.

– Да. А это имеет отношение к убийству? – удивилась Людмила. Татьяна тоже с недоумением смотрела на Ксению.

Ксения, под их пристальными взглядами, вытащила из сумочки хрустальный шар. Взоры ее собеседниц обратились на эту неожиданную вещицу. Ксения поставила шар на столик перед Людмилой и Татьяной на черную подставку, извлеченную из той же сумочки. На подставке золотом были нанесены какие-то знаки. Шар, несмотря на то, что был абсолютно прозрачным, казался темным, словно он поглощал попадающий на него свет. Ксения встала и задернула занавесь на окне. В возникшей полутьме хрустальный шар стал светлым, будто начал излучать энергию, набранную от солнечного света.

– Магический шар, – пояснила Ксения, напряженно вглядываясь внутрь прозрачной сферы. – Это лучший инструмент для ясновидения. В нем возникают картины прошлого, но можно заглянуть и в будущее. Сосредоточьте свое внимание на шаре, отключите все другие органы чувств. Вы ничего не слышите, не ощущаете, вы – только одно зрение. Войдите внутрь шара. Пусть исчезнет все, кроме этого чистого, словно слеза младенца, шара. Откройте свою душу, пусть магический шар войдет в нее.

Людмила и Татьяна заворуженно смотрели на хрустальный шар. Им начинало казаться, что изображение комнаты, преломленное сферической поверхностью шара, затуманилось и пришло в движение.

– Вы расслабляетесь, все тревоги и заботы улетают, словно бабочки, – продолжала вещать Ксения. – Вы отрешаетесь от всего мира, мысли покидают вас. Ничего не существует на свете, кроме хрустального шара!

Голос Ксении смолк, но участники сеанса ясновидения зачарованно смотрели на шар, утратив чувство времени. Внезапно шар вспыхнул и погас. Исчезли все видения, которые мерещились Людмиле и Татьяне внутри магической вещи. Оказалось, что Ксения отдернула занавеску и комната наполнилась ярким светом. Магический шар вновь исчез в сумочке Ксении.

– Вам удалось что-то там увидеть? – спросила она и тут

же продолжила: – Впрочем, это не важно. Для того, чтобы иметь опыт ясновидения, необходима практика и определенные навыки. Я же узнала то, что хотела. Шар помог мне заглянуть в ваши души.

Потрясенные собеседницы Ксении не сводили с нее глаз.

– Вы беседовали с Олегом, Людмила? Ведь через год, когда Татьяна станет совершеннолетней, он мог прекратить денежную помощь, не так ли?

Людмила закивала головой, словно находилась в гипнотическом трансе.

– А теперь, когда Олега и Катерины не стало, вы можете спокойно получить причитающуюся Татьяне долю наследства, верно?

Людмила опять покорно кивнула головой.

– Но я их не убивала, если вы это имеете ввиду, – будто во сне проговорила женщина.

– Хорошо, я вам верю, – устало сказала Ксения, поднеся руку к голове. Она поморщилась: – Что-то мне нехорошо стало. У вас нет ничего от давления?

– Нет, но я видела, как Мария в аэропорту покупала упаковку клофелина. Ведь он от давления, верно?

– Да, верно. Вы можете идти, Людмила. Вы позовете Марию?

– Конечно.

11

– Мне сказали, что вам плохо? – Мария проскользнула в комнату и подошла к Ксении. – Должна же быть в доме аптечка! Я могу поискать.

– Людмила говорила, что у тебя есть клофелин. – Ксения вопросительно посмотрела на племянницу.

Та отрицательно мотнула головой:

– К сожалению, он где-то потерялся.

– Ладно, не беспокойся. У меня бывают приступы, но скоро проходят. Мне уже значительно легче. Тебе-то тоже не сладко, Мария? Потерять отца, быть свидетелем двух других убийств...

Мария кивнула:

– Вы же пытаетесь разобраться в этом деле. Хоть что-нибудь стало известно?

Ксения немного помолчала, раздумывая над тем, что она может сказать Марии:

– Да, кое-что мне стало известно.

– Кто его убил, тетя Ксения?!

– Я этого не знаю, милочка. Есть некоторые факты. Например, нож, которым убили твоего отца и Катерину, принадлежал Леониду. В тот трагический день он получил письмо, в котором ему предлагались деньги за совершение убийства.

Мария закрыла лицо руками. Она сотрясалась от рыданий.

– Это он, тетя Ксения, он. Я предупреждала отца, что Леонид профессиональный убийца.

– А откуда ты это знаешь?

– Мне рассказывал Фил. Он охранял меня, и мы часто беседовали, когда мне становилось одиноко.

– Он был твоим любовником? – спросила Ксения.

Мария дернулась:

– Нет!!! Просто вечерами мне было так тоскливо. Я кляла себя, что поддалась на уговоры отца и приехала сюда. Вы же знаете, что мы с ним поругались?

Ксения кивнула. Мария вытерла слезы и продолжала, глядя в пол:

– Глупая история. Для отца ничего не стоило купить мне новый «Лексус». А он заартачился.

Мария смолкла, рассматривая рисунок на ковре. Потом, подняв глаза на Ксению, решительно заявила:

– Надо быстрее вызывать полицию. Почему вы тянете? Ведь все и так понятно.

Ксения пожала плечами.

– Что-то в этой версии не складывается. А насчет полиции, возможно, ты права. Потерпи еще минут десять, мне осталось побеседовать с Софьей. Тогда и примем решение.

Ксения смотрела вслед уходящей Марии и размышляла, почему не спросила племянницу о беременности Катерины. Что бы она ответила? И еще она совсем забыла о русских газетах. Они были у Игоря и Марии. Возможно, кто-то из них написал то письмо. Хотя газеты мог взять любой.

Ксения решила подумать над этими вопросами после того, как переговорит с Софьей. Она последний человек из их компа-

нии. Как же Ксения распутает этот клубок? Где же искать его начало?

12

Софья все время прикладывала носовой платок к глазам, вытирая набегавшие слезы.

– Боже мой, я так переживаю эту потерю. Ведь мы с Ирочкой будем лишены средств к существованию. Ей всего двенадцать.

– Вы еще молоды, Софья, – попыталась успокоить ее Ксения. – Есть крыша над головой. Дом – полная чаша. Вы же хорошая хозяйка и прекрасно умеете готовить. Так мне рассказывал о вас Олег.

– И все же он бросил нас, – с обидой сказала Софья, опять поднося платок к глазам. – Вкусная пища и наша женская любовь – это не все, что нужно мужчине. Им нужны деньги и власть. Они хотят управлять миром. А большие деньги и большая политика – это очень опасные занятия. Почему говорят, что для полного счастья мужчине требуется вкусная еда, мягкий диван и телевизор? У Олега все это было. Была я, дочка, в которой он души не чаял. Почему наше счастье так быстро прошло?!

– Дорогая, я меньше всего хотела бы разбираться в ваших личных делах. Да и Олег ушел от вас десять лет назад. Было время пережить это событие. Софья, я могу дать лишь один совет: наши ошибки – это наш жизненный опыт. Постарайтесь понять, что же вы упустили, что недодали Олегу. А может быть, Олег просто был недостоин вашей любви? Слишком любвеобильный и непостоянный мужчина, ищущий новых чувств и впечатлений? За десять лет вы должны были найти достойного человека.

Софья вскинула глаза на Ксению.

– Естественно! Есть люди, которые ценят заботу и внимание, которым важен душевный покой!

Ксения изобразила на лице удивление:

– Душенька, я не понимаю вас. У вас все есть, а вы так убиваетесь по Олегу, с которым расстались десять лет назад! Или вы оплакиваете потерянную возможность получать от него деньги?

София залилась краской от возмущения.

– Ксения, я вам открываю свою душу, а вы так плохо думаете обо мне! Скажите лучше, чем все это закончится? Я ужасно переживаю...

– Насчет денег вы можете не беспокоиться, Софья, – успокоила женщину Ксения. – Вы же прекрасно знаете, что Ира имеет полное право получить свою долю наследства.

– Но ведь я слышала, что Олег все хотел передать Марии, – обеспокоенно проговорила Софья.

– Бизнес да. Но помимо его есть масса недвижимости в России и за границей, машины, украшения, сбережения. Я думаю, вам не стоит беспокоиться. Напротив, ваши личные финансовые дела основательно поправятся. Не нужно будет ждать подачек от Олега. Вы сами станете полновластной хозяйкой Ириной части наследства. До ее совершеннолетия, разумеется.

Ксения на минуту задумалась, потом повернулась к сидящей в сторонке дочери Софьи:

– Ира, вчера вечером, когда взрослые веселились в гостиной, ты была в спальне. Что ты делала?

Ира подняла на Ксению испуганные глаза.

– Я... читала.

По мелькнувшей в глазах тени и легкой запинке девочки Ксения поняла, что та знает больше, чем говорит. Чутье подсказало: здесь, возможно, кроется ключ к разгадке.

– Степан Емельянович! Игорь, Владимир! Идите сюда! – громко позвала Ксения.

В спальне завозились, и вскоре на пороге появились мужчины.

– Степан Емельянович, проведите, пожалуйста, всех в гостиную. И вы, Софья, тоже идите. Не беспокойтесь, мы с Ирой скоро присоединимся к вам.

Игорь, подозрительно оглядывая Ксению, капризно бросил:

– Что за спектакль вы разыгрываете? Мы теряем время, пока вы строите из себя Пинкертона. Шерлок Холмс в юбке!

– Я же в брючном костюме, вы не заметили? – спросила с сарказмом Ксения.

Степан Емельянович, исстрадавшийся без спиртного, дернул Игоря за рукав:

– Пошли, милочка. Выпьем, покумекаем. А вы, милочка, –

обернулся он к Ксении, – зря пялите на себя наряды мисс Марпл. Ничего у вас не выйдет.

– Вы уверены? – спросила уязвленная Ксения.

– Аб-со-лют-но, – отдельно произнес Степан Емельянович. – Я же вижу, вы окончательно запутались в своих безосновательных обвинениях каждого вашего собеседника. И вся ваша магическая мишура вам не поможет.

– Напрасно вы так говорите, – откликнулась задетая за живое Ксения и добавила мстительным тоном, глядя ему в глаза: – Я уже знаю, кто убийца. Я попрошу вас проследить, чтобы ни один человек не покинул гостиную. Мы придем через десять минут.

13

Войдя с девочкой в гостиную, Ксения физически почувствовала напряжение, царившее в комнате. Видимо, до их прихода присутствующие обсуждали уверенное заявление Ксении о том, что она знает, кто совершил убийства. Обсуждение, по всем признакам, было бурным. Степан Емельянович с налитыми кровью глазами восседал во главе стола. Игорь, устроившийся напротив старика, беспрестанно вертел своей лысой головой, переводя взгляд с одного человека на другого, ни на ком не задерживаясь. Владимир, сидевший поодаль в кресле, мрачно поглядывал на них обоих.

Женщины сидели у стола. Софья продолжала прикладывать платок к глазам, Людмила гневно взирала на Марию. Та сидела с отрешенным видом, и лишь сцепленные пальцы рук и слегка побледневшее лицо выдавали ее волнение.

Ксения пожалела, что не присутствовала при состоявшемся здесь разговоре. Возможно, она услышала бы то, чего ей не хватало для завершения этого дела. Её взгляд задержался на Леониде. Тот в растерянности пожал плечами. Ксения прошла с Ирой в центр комнаты. Все взоры обратились на нее.

– Итак, дамы и господа, – нарочито торжественно начала Ксения, – время наше истекло. Пора назвать убийцу. – Сделав паузу, она ждала первой реакции.

Степан Емельянович смотрел на нее с ухмылкой, Владимир исподлобья, Игорь был весь внимание. Он даже перестал дергаться, вцепившись руками в сиденье стула. Людмила гля-

дела с интересом, Софья прикрыла глаза платком, словно желала, чтобы это мгновение прошло как можно быстрее. Мария смотрела на свои сцепленные руки, лежащие на столе. Леонид старался держаться спокойно, только желваки на скулах, ходившие взад вперед, говорили о его напряжении.

– Не все знают, – заговорила вновь Ксения, – что убийство Олега и Катерины было совершено ножом Леонида. – Ксения умолкла, обведя присутствующих внимательным взглядом. – Да, их убили его ножом. А чуть раньше, вчера вечером, ему подбросили письмо, составленное из букв, вырезанных из русской газеты, с предложением совершить это убийство. За это ему обещали определенную сумму денег.

– Это мы уже знаем, милочка, – насмешливо откликнулся Степан Емельянович.

– Тогда мне просто остается сказать, что убийство совершил Фил. Да-да, это он написал письмо Леониду – остатки сожженной газеты я нашла у него в комнате в камине. Он же положил деньги, предназначавшиеся Леониду, в старинную вазу в коридоре. Фил утащил нож у Леонида и совершил это преступление. – Ксения вновь замолчала и посмотрела на Марию. Та напряженно смотрела на свои сцепленные пальцы, словно обдумывая услышанное.

– Ну, слава Богу! – раздался голос Степана Емельяновича. – Фил убил шефа и его жену. Видимо, у него были на то веские причины. А потом и сам отдал Богу душу – возмездие за содеянное незамедлило свершиться. Этот вариант всех устраивает. Оставим живых в покое, пусть мертвые ответят за преступление!

Мария подняла голову и вопросительно посмотрела на Ксению.

– Все было бы замечательно, если бы не некоторые неувязки, – тихо проговорила Ксения, и все взоры опять обратились в ее сторону. – Фил постарался сделать так, чтобы все улики показывали на Леонида. Зачем же тогда Филу кончать жизнь самоубийством? А откуда у него такие большие деньги, которые он предлагал Леониду за совершение убийства? И куда они делись? Я осмотрела комнату Фила. Денег там нет. Нет их и в вазе. Дело в том, что Леонид, не подозревая о намерениях Фила, поручил ему выследить, кто придет за деньгами в вазе – это будет

заказчик убийства, сам убийца или его сообщник. Фил, зная, что Леонид отказался выполнить этот заказ, решил исполнить его своими руками, а вину переложить на Леонида. Естественно, что Фил сам забрал деньги из вазы и положил их в своей комнате. Но их там нет. Так же, как нет и бутылки виски, из которой пил Фил. В виски была растворена огромная доза клофелина, смертельная для любого человека. Фил потерял сознание, и кто-то забрал с собой деньги и бутылку, замывая следы нового преступления. Кто-то подговорил Фила на убийство Олега, обещая ему золотые горы. Кто-то продумал преступление до мелочей, включая письмо и нож Леонида. А потом хладнокровно убил Фила, когда тот совершил задуманное, чтобы убрать нежелательного исполнителя, который мог при случае поведать о тайне убийства. У всех вас были причины избавиться от Олега. О них вы знаете сами. Владимиру было жаль расставаться с картинами на 10 миллионов долларов. Вам, Степан Емельянович, самому нужны были те деньги, которые вы обещали вернуть моему брату. Как говорится, берешь чужое, а отдаешь свое! У Игоря тоже были веские основания избавиться от Олега – ему надо было сохранить свой бизнес. Дети, а через них и бывшие жены, в случае смерти Олега и Катерины получили бы наследство. Кто-то между одиннадцатью часами вечера и полночью, после того, как убили Олега и Катерину, был в комнате Фила и налил ему виски: так обычно преступники снимают напряжение. Когда Фил лишился чувств, его убийца забрал деньги, бутылку и покинул комнату через смежную комнату, оставшись незамеченным.

Ксения, говоря, подходила все ближе к столу. Все, словно зачарованные, наблюдали за ней.

– Но убийца, рассчитав все, сделал одну ошибку. Он не подозревал, что случай может внести коррективы в его планы.

Внимание слушающих достигло высочайшего накала. Глаза женщин округлились, словно от надвигающегося кошмара. Игорь еще крепче вцепился в стул, и казалось, еще мгновение – и он воспарит с ним в воздух. Владимир сильнее прищурил глаза и всматривался в присутствующих в комнате людей. Степан Емельянович с усмешкой оглядывал всех, словно это он разгадал тайну преступления. Леонид весь обратился в слух, пожирая глазами Ксению.

Ксения продолжала:

– Маленькая девочка, – она кивнула в сторону Иры, устроившейся между Софьей и Марией, – заметила, как Фил что-то прятал в вазе. Любопытство взяло верх над страхом. Девочка потихоньку вышла в коридор и прокралась к столику. Ира увидела, что в вазе лежат две толстые пачки со стодолларовыми купюрами. Она знала, что им с мамой вечно не хватает этих раскрашенных бумажек и не смогла победить искушение вытащить несколько купюр из пачек. Ведь их было там так много! Счастье, что никто не заметил ее присутствия. Возможно, Фил был занят подготовкой письма, кто-то помогал ему в этом. Боясь, что воровство будет обнаружено сразу же, Ира вторично пробралась к вазе и положила в пачки вырезанные листки плотной зеленоватой бумаги, вместо вытащенных купюр. – Ксения жестом руки успокоила поднявшую испуганные глаза Иру. – Видимо, Бог и высший разум были на ее стороне, раз такое безумное предприятие удалось девочке. С бьющимся от страха сердцем она благополучно вернулась в свою комнату и устроилась возле замочной скважины. По коридору изредка проходили люди, в том числе и Фил. Но он не подходил больше к вазе с деньгами. Ире вскоре прискучило ее занятие, и она уселась читать книгу. После этого произошло много событий. Узнав, что Леонид отказался от выполнения заказа, Фил поведал об этом главному дирижеру преступления. Срочно был разработан новый план. Выполнить задуманное взялся сам Фил. Но он не подозревал, что и ему будет уготовлена незавидная участь. Итак, кто-то отравил Фила и забрал деньги. Но этот кто-то не знал, что в пачках с деньгами лежат листы чистой бумаги. Так сказать «меченые доллары».

Ксения стояла рядом с Марией.

– Маша, ты не откажешься показать содержимое своей сумочки? – внезапно обратилась она к племяннице.

– Изволь, – проговорила Мария и, открыв сумку, запустила туда руку.

В следующий момент она выдернула из сумочки руку, держа в ней небольшой пистолет.

– Всем не двигаться! – зло крикнула Мария. – Леонид, дернешься – разнесу голову вдребезги! Ох, как же я вас всех ненавижу!

Попятившись задом к двери, Мария выскочила наружу. Все произошло так быстро, что никто не успел даже пошевелиться. Лишь Ксения оставалась спокойной.

Едва мужчины пришли в себя и Леонид с Владимиром собрались броситься вдогонку, как с треском распахнулись двери – в комнату ввалились полицейские. В руках блюстителей порядка была и перепуганная Мария.

– Месье, это я вам звонила, – обращаясь по-французски к комиссару, сказала Ксения. – Позвольте рассказать вам, что тут произошло.

Дверь в гостиную вновь открылась – на пороге стояли Олег и Катерина.

– Папа, ты жив?!!! – в крике потрясенной Марии невозможно было понять, чего было больше – радости или ужаса.

– Да. Комиссар, у нас произошел несчастный случай, – Олег подал знак Ксении молчать. – Я готов рассказать все, что знаю...

14

Ксения и Леонид сидели в зале ожидания аэропорта имени Шарля де Голля в Париже. Мимо туда-сюда сновали люди, словно муравьи в растревоженном муравейнике. Кто-то торопился к посадке на свой рейс, кто-то прохаживался по бутикам «дьюти фри» в поисках подарков.

– Я все же не понимаю, Ксения, – заговорил Леонид, – как вы так быстро разобрались в этом убийстве?

Ксения прервала медитацию и ответила:

– Я же говорила, что высшие силы мне помогут. Так оно и получилось. Помнишь, когда ты получил письмо и рассказал о нем Олегу, мы начали строить догадки, кто может быть организатором убийства? Мы поняли, что не можем однозначно указать на кого-либо. Мы решили инсценировать убийство для того, чтобы шокировать убийцу и выйти на него. Ну и, естественно, чтобы не дать совершиться настоящему преступлению. Жаль, но события стали развиваться не по нашему сценарию. Тебе это известно. Ты вел наблюдение за комнатой Олега, где уже была создана картина ужасного убийства. Было большое сомнение, что кто-то решится на действия после того, как ты отказался выполнить его заказ. Ваза с деньгами, как мы думали, была под наблюдением. Ловушка была расставлена.

– Да, – согласился Леонид, – тогда совершенно неожиданно в комнате Олега появился Фил. Я сначала не понял, поче-

му Фил покинул свой пост. Потом меня как громом стукнуло – это убийца. Я кинулся к комнате Олега, боясь, что, увидев «убитых», Фил для надежности произведет контрольный выстрел. Или Олег с Катериной могут не выдержать и пошевелиться – это тоже могло привести к непредсказуемым последствиям. Видимо, Фил услышал звук моих шагов и успел скрыться в своей комнате.

Ксения кивнула головой:

– Да. При этом он не забыл бросить твой нож в «лужу крови». Все улики должны были указывать на тебя, Леонид, – Ксения смотрела на собеседника в упор. – Очень жаль, что мы сразу не последовали за Филом. Это бы спасло его жизнь. А Мария не стала бы убийцей. Она ждала Фила в его комнате с отравленным виски. Видимо, Филу нужно было получить деньги за убийство, поэтому он промолчал, что кто-то сделал работу за него. Иначе бы Мария не заплатила ему ни копейки. Фил поверил в нашу инсценировку. Ему было безразлично, кто на самом деле убил Олега и Катерину. Ты или кто-то другой. Его интересовали лишь деньги. Фил был уверен, что их должен получить именно он. Олег настоял на том, чтобы не брать Фила, а продолжать за ним слежку. Он тоже понимал, что Фил был слепым орудием. Брату нужно было выйти на заказчика. Все, что произошло впоследствии, ты знаешь. К сожалению, заказчицей убийства оказалась его дочь. Узнав о завещании Олега, я начала подозревать Марию. Мои подозрения окрепли, когда мне стало известно, что Катерина ждет сына. Для Марии появление брата грозило изменением завещания отца.

Леонид поморщился:

– Олег все делал для Марии. Ничего не жалел. Как она могла решиться на это?

– Милый мой, – задумчиво проговорила Ксения. – Давать все нищим и детям бессмысленно. Они садятся вам на шею. Попробуйте потом отказать им в чем-нибудь. Они проклянут вас и возненавидят. Между прочим, американские миллионеры просто так не дают деньги своим детям. Они учат свои чада зарабатывать их, чтобы те знали, что деньги не падают с небес. Потом, Олег столько наделал ошибок в своей жизни. Нельзя купить любовь, даже своих детей, за деньги... А ведь только любовь – истинное мерило всей нашей жизни.

Леонид понимающе кивнул и заметил:

– И все же, Ксения, надо иметь недюжинный ум, чтобы связать воедино все факты и выстроить из них логическую цепочку.

– Милый, не забывай о Знании и высших силах! – многозначительно улыбнулась Ксения. – Они были на моей стороне. Кроме того, ты определил время смерти Фила. Около полуночи. В это время почти все гости находились в гостиной. Пили, играли в бильярд, карты. Конечно, время от времени кто-то покидал гостиную по естественным надобностям. Но два человека отсутствовали, кроме Олега и Катерины, – это Ира и Мария, которые находились в своих комнатах. Вы следили за дверью Фила, а надо было взять под наблюдение и другие комнаты. Вход в смежный номер с комнатой Фила находился за поворотом коридора, и вы не могли видеть, кто входил или выходил из него. После разговора со всеми подозреваемыми я была почти уверена, что именно Мария пыталась организовать убийство отца и отравила Фила.

– А что за выдумка с бумажной куклой? – спросил Леонид. – Ведь там не было никаких листков бумаги вместо купюр. Вся сумма была на месте! Как вы решились пойти на такой блеф?!

Ксения усмехнулась:

– Я же всем говорила, что высшие силы выбрали меня в качестве карающего меча. Я чувствовала поддержку некой силы. Я предположила, что организатором убийства Олега была Мария. Но как доказать это? Пропавший клофелин, исчезнувшая бутылка, даже деньги в сумочке Марии не могли быть доказательством ее вины. Я поняла, что Фил был ее любовником, посвященным в ее замыслы стать досрочно наследницей отцовского богатства. Видимо, Филу предлагалась важная роль в будущей жизни богатой наследницы. Он не предполагал, что ему уготована незавидная участь слепого оружия, от которого тут же постараются избавиться. Мария убедила его, что он будет в безопасности, вся вина ляжет на тебя, Леонид. Они готовились к преступлению заранее. Обстановка здесь, в Альпах, была самая благоприятная. Компания бывших жен, нечистых на руку компаньонов и присутствие конкурента – идеальная ситуация, чтобы замести следы. Я думаю, вначале они ставили все же на тебя, Леонид. Если бы ты согласился на заказ, Мария без сожаления покончила бы и с тобой. А когда ты отказался, заговорщикам срочно пришлось изменить план действий. Марии не откажешь в изобретательности.

А насчет бумажной куклы... Девочка, действительно, ви-дела лишь то, что Фил положил нечто в вазу. Она не рискнула посмотреть, что это был за предмет. Сообщники были уверены, что никто за ними не наблюдает. И у них не было времени потом пересчитывать пачки. Мой блеф с деньгами был рассчитан на неожиданность. Мария проглотила наживку, как голодная рыба-на. Мне оставалось только подсечь ее.

Леонид смотрел на Ксению с искренним восхищением. Ксения заметила его взгляд и слегка покраснела:

– Теперь мы знаем, что Фил сам принял лекарство и алко-голь одновременно. К такому выводу пришло следствие. На этом настаивал и сам Олег. Так что мое расследование внутреннее. Только участники этого юбилея знают всю правду.

– Мария хотела убить отца, – грустно проговорил Леонид. – И он простил ее. В уме не укладывается.

– Почему? – спросила Ксения. – В жизни такое случается: жены пытаются избавиться от своих мужей в расчете на наслед-ство. Мужья узнают об этом и продолжают любить их. Прощают своих жен. Отцы любят своих дочерей не меньше, чем жен. Иног-да и сильнее. Возможно, для Марии это будет жестокий урок. Смерть Фила останется на ней до конца ее жизни. Марии дан шанс переоценить свои жизненные ценности.

– А для чего нужен был магический шар, видения? – спро-сил Леонид. – Ведь всю информацию вы, Ксения, получили за-ранее от Олега и меня.

Ксения удивленно посмотрела на Леонида:

– Дорогой, мне надо было получить дополнительную инфор-мацию от Людмилы и Софии. Не могла же я сказать, что Олег и Катерина живы, – она пожала плечами. – Кроме того, это было так таинственно! Женщины обожают все таинственное и загадочное. Я уж не говорю о том, что магический шар – уникальное средство для медитации и предсказаний, ведь ты в это не веришь. Хотя одно из предсказаний касалось именно тебя. У меня к тебе пред-ложение, Леонид, – не делая паузы, сказала Ксения. – Брось Оле-га. Поехали со мной в Воронеж. У меня там школа, где я преподаю медитацию, психологию. Ты же знаешь единоборства. Будешь передавать детям свой опыт и знания, обретешь в этом смысл жизни. Это намного интересней, нежели защищать жизни шефов, занимающихся нередко грязными делами.

Леонид смотрел на Ксению восторженными глазами:

– Вы же говорили, что только любовь может быть смыслом жизни!

Ксения посмотрела на него долгим изучающим взглядом.

– А я никогда не отказываюсь от своих слов, – твердо сказала она.

– А можно узнать, что шар поведал вам обо мне? – поинтересовался Леонид.

– Что ты примешь мое предложение! – со счастливой улыбкой ответила Ксения.

Когда объявили посадку на их рейс в Москву, они шли по залу, крепко держась за руки, словно боялись потерять друг друга.

Людмила
ЖОЛМУХАМЕДОВА

ЯПОНА-МАМА

Рассказ

Хорошо, что нет родителей. Хорошо, что нет братьев и сестер. Хорошо, что нет друзей. Хорошо, что нет родины. Хорошо, что нет света. Хорошо, что нет солнца. Хорошо, что нет веры ни во что и никому. Хорошо, что никому нет до меня дела. Хорошо, что туман такой густой, что, кажется, нет ничего вообще. Нечего терять. И нечего жалеть. Я – точка. Крошечная точка на белом, белом, совершенно чистом листе бумаги...

С деревьев давно опали листья, но у них есть – корни. Мимо пролетают птицы, их круглые головы тоже похожи на точки, но у них есть крылья. После осени неизменно приходит зима. Продрогнув на морозе, невольно вспоминаешь мучения от жары. Все понятно и объяснимо. Все можно ощутить или осмыслить. У всего есть начало, и есть конец. Но как быть, если перед концом вдруг узнаешь, что твое начало вовсе не такое, как тебе внушалось, преподносилось, и твои тайные предчувствия, опасения и боязни – вот они, сбылись!? Только теперь мне это – зачем?!

... «Хаяку! Хаяку!» – кричит еще молодой, худой, высокий отец нам с братом, потому что полил дождь, и нужно быстро спрятаться под крышу, прижаться к чужому дому, и смеяться, смеяться, смеяться, потому что только мы одни знали японское слово «хаяку» – «быстро». А пробегающие мимо мокрые граждане удивленно оглядывались на нас: «Что это за язык?!» Мы смеемся. Отец в офицерских галифе и цивильной рубашке, дети в курточках, сшитых из его шинели.

«Коничева», «аясо минасай», «мусумэ» и еще множество других японских слов – это слова моего детства. Помню, сидим мы за столом, и родители, волнуясь, вспоминают историю, как жили в Японии, как брат родился. Достают фотографии. Вот они втроем: молодые мама и папа, и крошечный брат между ними. Вот мама с сыном-младенцем на веранде японского дома. Вот мой крошечный, совсем-совсем крошечный брат в пеленках тащит глазки. ТАКИХ моих фотографий нет и в помине. Есть фотография, где я стою в нарядном платье, с бантом в волосах, с испугом в глазах, на обороте которой рукой отца написано «Людочке один год». Это и есть моя первая фотография в семейном альбоме? Почему?

Они тем временем начинают спорить, кто больше японских слов сохранил в памяти, а мне скучно – ну и говорите про свою Японию, мне-то это зачем? Я родилась в Киргизии, и мне дела нет до этих ваших островов, о которых вы, кажется, не забываете никогда. Наступила глубокая, полная тишина. И вдруг брат говорит: тебе-то как раз и слушать. Но брат всегда делал мне замечания, так зачем же я буду искать смысл в его очередных словах? Мама шлепнула его по затылку. Ужин закончился. Вечер воспоминаний тоже. И я с облегчением помчалась на улицу, где в вечернем закате уже заводил Шурка-бандит на крыше дома (чтоб отец на деревянной ноге не достал) пластинку, от которой у всех нас мурашки бегали по спине и холодели носы: «У моря, у синего моря, со мною ты, рядом со мною...»

Или песня эта пришла позже? Ощущением океана, свежести, простора, яркостью необычных, неизвестных прежде красок. Эта таинственная Япония! Опять ты здесь, рядом, почему-то волнуешь, как ни пытаюсь я проявлять от тебя свою независимость...

К тому времени прошло уже десять лет после войны. Великой. Отечественной. А для меня теперь важно другое ее название – вторая мировая война. Получается, что я, родившаяся после войны, через пять лет, тоже ее жертва?! Но сначала она была Отечественной, конечно, Отечественной войной.

Ранним утром, протопив печь и уже приготовив завтрак, мама включала свет и пела: «Вставай, страна огромная...» Под теплыми одеялами недовольно ворочаться начинали все – и мы с братом, и отец. Если будил нас отец, то также именно этой песней. Надо было идти в школу, на работу, день начинался. Лам-

почка под оранжевым абажуром по утрам была резкой и злой. Зато по вечерам, после ужина, когда за круглым столом пристраивались сразу все – папа читать газеты, мама что-нибудь штопать, я делать уроки, брат...

А что делал брат? Не помню. Но мы все сидели под оранжевым абажуром, и мне было безумно жалко тех, у кого не было такой теплой лампочки, и такого оранжевого абажура.

Вообще это чувство жалости, внезапной и ко всему, пугало родителей. Читает «Серую шейку» – рыдает. Находит зимой брошенного котенка – рыдает и тащит его домой. Мне было жалко всех. Отца, потому что он читал газеты и думал: как прокормить семью и при этом достроить дом?! Мать, которая бралась за любое дело, даже дрова колоть, но при этом поругивала отца, который «совсем безрукий». Брата. Помню, спит он, отвернувшись к стене, а я глянула на него, несчастного и не укрытого и зарыдала. Перед сном я вечно лезла ко всем целоваться: спокойной ночи, папа; спокойной ночи, мама; спокойной ночи, брат. Тот отбивался изо всех сил. Но я считала день незаконченным вполне, если не поцеловать их всех, моих родных, близких, любимых. Мне все время не хватало любви. И, казалось, что если я буду любить всех сильно, сильно, то полюбят и меня. Еще и по жизни так долго казалось. Слава Богу, теперь, наконец, понимаю: любовь или есть, или ее нет. Точка.

А тогда, в детстве, я помню свое постоянное, неведомо откуда возникшее ощущение: они не любят меня, не любят! Тогда я еще умела плакать. Вообще-то это было странно по тем временам так чувствовать нелюбовь в семье. У всех были строгие родители, у всех к сантиментам абсолютно не склонные; всякий раз, когда мы попадались им на глаза, то получали замечание. Неважно за что – не застегнутую пуговицу, таскание кусков на улицу, а не кушанье за столом, «как делают нормальные дети», за школу, и вообще – что ты вечно крутишься под ногами? Это было привычно. Нормально. Естественно. Чем старше я становилась, тем чаще общение выливалось в конкретное задание: ты бы сделала то, ты бы сделала это...

Но так было у всех! Наши родители были словно вырезаны по одной мерке. Фронтвики. А если не фронтвики, то все равно бедняки. Много и тяжело работали. До нежностей ли им было, до ласк ли? Шуру-бандита вообще голыми коленями ставили на

кукурузу, если он в чем-то провинился! Меня пальцем никогда не тронули. А я как-то попросила родителей отдать меня в интернат! В тринадцать лет! Ну и какой реакции я ждала? Кормим ее, дочь эту, поим, одета не хуже других, в школе, вон, хвалят. Чего тебе не хватает?! Мама упала на стул и стала громко причитать. Отец с грозным лицом растерянно топтался на месте. Где был брат – не помню. Мне было страшно. Так со своим страхом и еще каким-то непонятым чувством я и пошла на улицу. Там было проще. Там было понятнее. Там можно было быть вполне свободной, погладить собаку, понячить чье-нибудь младенца, набегаться всласть, наконец, забыть обо всем, что только что произошло дома. Но возвращаться пришлось в гнетущую тишину.

... Вот ты папу больше, чем меня любишь (пятилетнему ребенку!), а ведь он тебя не хотел, это я настояла. Иди к маме, помоги ей! – рука отца отталкивала меня от себя. Ничего плохого брат мне не делал. Только скривится весь, глядя на меня, и скажет: пискля. Плакать я уходила за дом, все-таки пискля – это обидно. А там можно было не просто плакать – рыдать. Откуда только слезы брались! (То ли дело сейчас – нет их). Но тут не выдержали нервы соседки тети Юли, живущей как раз за моим забором. Она дождалась родителей и обрушилась на них с гневом: у вас не сын растет, изверг безжалостный, каждый день девчонка от него плачет! Брата подвергли спросу, он испугался, а мне стало его жалко. Говорю: я сама, просто так плачу. Родители переглянулись, а мать вдоль забора на следующий же день высадила вереницу акаций. Колючих.

С чего это вдруг и какими именно фразами сказала мне это тетя Катя, дальняя родственница отца, я точно не помню. То ли: ты и не можешь быть на них похожа, то ли прямо – не их ты дочь. Надо было запомнить, но – не помню. Напряжение свое помню, ощущение надвигающейся угрозы помню, а что именно было сказано – нет. Был порыв – спросить. Спросить? Чтобы было как после истории с интернатом? А потом страх стер все воспоминания о том разговоре. И эта фраза – забылась! Исчезла, растворилась в годах, будто бы ее и не было.

Теперь вообще вспоминаются всякие мелочи. Мама говорит: ты все время плачешь, хватит уже, брат твой когда еще мне сказал: и где вы такую плаксу взяли?! Папа раздражается: не стой возле зеркала, что ты вечно там вертишься? Нет в тебе кра-

соты. Зато ты умная, учишься. И на детских фотографиях ни тени улыбки! Почему?!

А ведь отец в глубоком моем детстве был очень нежным и любящим. Я это помню до сих пор. Возвращается с работы, присядет на корточки, обнимет вместе двоих, на руки возьмет, так и несет: цветочки мои сладкие. Потом так же резко разлюбил. Почему, не знаю. Я решила: все из-за утраченной мною красоты, к тому же по носу пошли веснушки. Сын был красивым. Дочь – нет. Сын учился так себе. Дочь хорошо. И отец вынес свой вердикт. Как приговор и приказ на всю жизнь. Принес однажды плакат, на котором были изображены Маркс и Энгельс, и были там такие слова: мол, только тот достигает вершин, кто, не страшась, карабкается к ним. Так примерно.

Плакат был вывешен на видное место, и служил наглядным жизненным пособием, на которое отец часто указывал пальцем и просил запомнить навсегда. Помню, как морщился и отворачивался от плаката брат. Я же над ним – размышляла! Какие, порой, мелочи ложатся в основу судьбы! Ведь пришло время, и читала я этих Маркса и Энгельса всерьез и подолгу. Приказ отца перерос в интерес?

Маркс и Энгельс, бородатые и очень уверенные в себе мужчины, были немедленно приняты, как учителя, с которыми не спорят. Правда, меня смущает тот факт, что, великолепно зная Маркса в теории, я абсолютно была не готова к приходу капитализма. Многие мои навыки оказались попросту бесполезными, а то и вовсе вредными в новых обстоятельствах. Теоретик Маркс так мощно разгромил капитализм и его апологетов, что неприятие его, капитализма, сохранилось во мне и поныне, теперь, правда, еще подкрепленное собственным опытом. У меня-то, в отличие от Маркса, нет Энгельса, который решал бы мои материальные проблемы!

Когда спустя годы я гостила в Германии, в Трире, то выяснилось, что это и есть место рождения Маркса. И меня даже провели по огромному двухэтажному, пустому дому, в котором Маркс родился и прожил до года. В Трире нечаянно выяснилось, что в общих чертах я понимаю речь на немецком языке! Сто лет прошло после университета, где мне по языку ставили исключительно твердую четверку, но вдруг слушаю – и понимаю. И мне все, все, все интересно в Германии! Почему?

М-да, живет такая девочка, в пальто из шинели советского офицера, в не раз отремонтированных ботинках и тайно обожает... немецких офицеров из множества показываемых тогда фильмов про войну. Не всех, конечно, и не за то, что они фашисты. А за выправку, за красивую форму, четкость, определенность. Наш «немец» Штирлиц появился много позже, но мне понятно массовое его обожание народом, в особенности женщинами. Он обязательно должен был появиться. А я придумала его себе еще в детстве. Поэтому шепнула подруге: вырасту – выйду замуж за немецкого офицера. Ну, вот с чем можно сравнить эти высказывания в то время, когда отзвуки войны все еще длились и длились? Когда все на улице тренировались, пытаюсь закрыть своим телом дзот – старую русскую печку во дворе соседней Подопригорных, откуда назначенные врагами друзья отчаянно отбивали наши нападки обшелушенными початками кукурузы. Я с радостью вместе с мамой шила звездочку, когда принимали в октябрю. Потом с радостью вместе с мамой покупала штапельный красный галстук, чтобы быть пионеркой. Шелковый галстук мне купили много позже, и я до сих пор помню его нежную упругость. Помню, что пыталась сберечь, но он растворился во времени неизвестно когда и неизвестно куда. Потом была комсомолкой. Была и коммунисткой. И когда в 1991 году все «великие» коммунисты сжигали свои партийные билеты, я свой билет сберегла и храню до сих пор. Я была советская девочка. Но при этом мне нравились немецкие офицеры. Это было непостижимо, как гипноз, как тайное влечение крови...

Однажды в кино, куда мы пошли всей семьей, показывали психическую атаку каппелевцев, и я видела на лице отца восхищение – восхищение отвагой каждого, кто сжимал и сжимал рдеющие ряды под шквальным огнем. Это ведь враги, папа? Он посмотрел на меня удивленно: это офицеры, воины, дочь. Я перзала на жестком раскладном стуле кинотеатра: тогда это оправдывает и мою тайну? Но вслух спросить не осмелилась. Уже научилась к тому времени молчать о главном.

Хотя это сейчас я считаю – о главном. А тогда? Просто что-то необъяснимое привлекало меня в немцах и в детстве, и в те короткие командировки в Германию, куда гораздо позже заносила меня журналистская судьба. Ах, если бы в ту пору я знала то, что, наверное, мне положено было знать! Впрочем, что бы изме-

нилось, если пепел от сожженных моих подлинных документов сохранится теперь разве что в этих записках? Вот уж воистину «пепел Клауса стучит в мое сердце». (Кстати, в Японии я так ни разу и не побывала).

Никак не могу добраться до сути. Хожу кругами. Трудно. Одно дело – предчувствовать, и совсем другое – знать. Неужели это произошло именно со мной?! Я молча перестилаю материнскую постель, переодеваю ее, совсем уже старую, и рассматриваю, рассматриваю, явно сравнивая с собой – похожа или все-таки нет? Ей не повезло со мной: не хотелось мне носить ни платочков, ни быть тихой и незаметной. Другая девочка. Такой и осталась. Когда худой и отчаявшийся отец в минуту размолвки с мамой поднял на нее табуретку – не ударил бы, нет, добрым был по сути своей, девочка крепко стукнула его по ноге и закричала. Не заплакала, нет, закричала: «Не трогай маму!». Отец очень удивился, и, глядя на трехлетнего ребенка, впервые спросил: почему она такая? Мама пожала плечами, и пошла заниматься домашними делами. Брат вел себя правильно: он спрятался.

А тем временем фраза «Почему она такая?» произносилась все чаще и чаще. И иголкой покалывала детское сердце, пока там не образовалась, наконец, жесткая мозоль. Не вписывалась я как-то в обстоятельства – и все. Может быть, именно это и принимала за нелюбовь? Хотя... Однажды, когда еще часто выходили в свет мои статьи, отец пришел с прогулки раздраженным и сердитым. Что случилось? Меня сейчас остановили люди и очень хвалили твои статьи. Целая толпа собралась: какая у вас дочь, как вы, наверное, ею гордитесь. А я не читал того, о чем они говорили! В какое положение ты меня ставишь?! Немедленно дай статьи, я буду читать. Прочитал. Ничего не сказал.

Недавно отца похоронила, я горько плакала над ним. Потом сказала: странно, я помнила и хоронила того отца, который так любил меня в детстве, а все, что было потом, будто забылось. Все эти его несправедливости, злоба, оскорбления, придирки, тяжелые его болезни, с которыми приходилось бороться годами, даже не вспомнились! А ведь я успела спросить у него – родная ли я им или приемная? Он уже едва сидел, обложенный подушками, и почти не ел, я кормила его с ложечки, как дитя. Он ведь сохранил ясность сознания до самого последнего дня. И вдруг говорит: отдай ты нас куда-нибудь, тяжело ведь тебе...

Искренне так пожалел, пытался слабыми руками сам держать чашку с чаем – помогал мне. И тогда я спросила: папа, родная я вам дочь или приемная? Он испуганно вскинул на меня глаза: кто тебе сказал?! Потом опустил взгляд, и тихо так выговорил – родная. И голову повернул туда, в сторону другой комнаты, где была в это время мама, которую он любил и о которой, как мне показалось, подумал в ту минуту. Может быть, позаботился о ней в последний раз: вдруг да я брошу ее? Но я твердо иду к маме и задаю тот же вопрос. Мама технично от него уходит. Слабая, больная голова, но установку всей жизни она помнила твердо. До тех пор, пока не умер отец.

На похороны маму не взяли. В отличие от отца она уже давно утратила ясность ума, и совершенно не представляет, в какой реальности пребывает.

И вдруг спрашивает у пришедших выразить соболезнование: Люда плакала, когда хоронила отца?

Да.

Зачем? Он ведь ей не родной.

А вы?

А я спасла ее от акулы! Ты знаешь, что такое акула? Я спасла ее.

Бред или приоткрывающаяся тайна? Никогда прежде, ни про какую акулу мама не говорила!

После похорон звоню сыну тети Кати, которой давно уже нет на этом свете. Сообщаю, что отец умер. В ответ непонятная, злобная реакция: и что? Вот сообщая. И что?! Ну, ты все-таки заезжал, помогал нам, вот теперь говорю, что отца нет. Мне ничего от тебя не нужно, справилась сама, просто сообщая. В ответ опять злобная реакция. Честно говоря, неожиданная. Иногда он заезжал, и мы вместе шли покупать продукты. Было в этой помощи что-то унижительное. Скажем, отец постоянно требовал сгущенное молоко. Стоим у прилавка, прошу десять банок. Родственник ехидно замечает: а, ну сказала десять, так десять, а я хотел купить тридцать. А теперь пусть будет так, как ты сказала. Потом все-таки покупает тридцать. Но при чем тут мои ощущения: родственник открыто подчеркивает, что помогает отцу, так что благодарить его нужно, а не обижаться.

И вот теперь по телефону: что касается тебя, то ты вообще никому не интересна. Потом снисходительно бросает: оповещу

родственников, подъедем. Не надо! Они ему живому были нужны. А сейчас я с ног валюсь, мама не в себе, пожалейте нас, не приезжайте! Когда-нибудь, потом, позже. А в ответ опять: сказано же тебе, что ты вообще никому не интересна! Уже положив трубку, пытаюсь осознать эту фразу. Знал?! Может быть, все знали, кроме меня?!

Мама, хоть и слабо, но еще передвигается по квартире. Мне хочется расспросить ее о многом, но это уже невозможно. Вспомнив одну, другую деталь, она закрывает глаза ладонью и жалобно говорит: я не помню. Зачем ее мучить? Но иногда эти разговоры начинает сама мама. Я слушаю. Но все это лишь подступы к огромной бездне, в глубине которой я – младенец, неизвестно откуда взявшийся. Слушаю молча, жадно, боюсь спугнуть вопросом. Так, по крупицам, собираю свою историю. Говорит: твоя мать умерла. Давно. Может быть, когда меня родила? Может быть. А где отец? Пожимает плечами: откуда я знаю?! Вот ты меня, с какой поры помнишь? Ну, может, лет с полутора-двух. Ты тогда меня за пазуху себе положила и разговаривала с соседками, сидя на крыльце. Мне было очень тепло, я была счастлива. Потом ты так больше никогда не делала. Мама, сощурившись, смотрит на меня. Потом говорит: да, ты была уже маленькая. И опять пауза. До следующего разговора? Ходит еле-еле, когда еще начнет рассказывать то, что мне неизвестно, но так хочется узнать?

Маленькая такая, крошечная, словно точка, еще одна тайна второй мировой войны. Что происходило тогда с людьми, один Бог ведает! Но, конечно, случалась любовь. И рождались дети. СССР состоял в войне с Германией, а война – это, в том числе, и пленные. Они были повсюду. Но я, к примеру, только недавно узнала, что, оказывается, огромное количество немецких военнопленных, отправили, по давней советской привычке, в Сибирь и на Дальний Восток. Проще говоря – на «Камчатку».

Спустя десять лет после окончания войны немецких пленных эшелонами вывозили назад, на их родину. Как-то, уже зная свою тайну, вдруг увидела по телевизору длинные эшелоны и немцев в них в военной форме без знаков отличия. Какие молодые! Мужчины, мужчины, мужчины. Ни женщин, ни детей нет и близко. Интересно, как тот немец собирался вывезти своего ребенка, то есть меня? Вот бы знать, как они, эти немцы, чувство-

вали себя в лагерях в те месяцы, когда началась советско-японская война? Вообще, как все это сложно: немцев привезли с запада, чтобы урегулировать окончание войны, а тут, на тебе, воинственные японцы! Представляю, что тогда творилось на железных дорогах! Не успели немцев перекинуть на Восток, а уже нужно собственные регулярные войска тем же маршрутом отправлять, и спешно, и в огромном количестве. Даже санитарные эшелоны задействовали. Кстати, мои родители так и познакомились – отец-офицер ехал со своей частью на Дальний Восток в санитарном эшелоне, где медсестрой была мама.

Японцев выселяли с советских островов тоже массово. На паромах. И поныне у японцев с русскими сложные отношения в связи с отдельными островами. Японцев можно понять – земли у них мало. Но и русских можно понять – земля эта, включая Аляску, была открыта ими и не раз полита кровью в защите. Но не об этом речь. И не о том она, что американцы взорвали две атомные бомбы, и война приобрела уже совсем другой характер – еще более страшный, беспощадный. Ад.

А мои родители к тому времени уже жили там, почти рядом, воспитывали сына и ... мечтали о дочери. Какое-то время весь этот многочисленный народ жил рядом. Не вместе, но рядом. Скажем, советские офицерские семьи жили в домах японцев, потеснив хозяев по праву победителей. И какое-то время японцы все еще более или менее свободно расхаживали по островам. И немцы, как выясняется, тоже где-то тут жили, не по своей воле, понятно. И продолжали корчиться в страшной боли Нагасаки и Хиросима. А ведь, в общем-то, все это совсем небольшая территория. И все возбуждены, все на взводе. Тогда не знали еще слова «стресс», но можно себе представить, каково было людям в то время и в том месте.

И вот особенность человеческая – кругом все рушится, а люди налаживают частные, отдельные отношения, помогают друг другу, кто-то еще плачет, а кто-то уже смеется. По ночам русских офицеров, если зазевался или расслабился, убивали. Но всем нужна была поддержка друг друга, потому что иначе не выжить.

Моя мама, к примеру, очень подружилась с хозяйкой дома, и когда тех (семью японцев) вывозили, то женщины обнялись и долго плакали. Папе-офицеру потом сделали замечание. Наверное, еще и за то, что старик-японец взял за руку своего внука и

ручку моего брата, родившегося в Тояхара, скрепил их и пожелал никогда не поднимать меч друг на друга.

Где, когда и почему встретились пленный немец и юная японка – никто, кроме Бога, не знает. Но случилась у них любовь, кто любил, тот знает, что это такое. Наверняка, в тот момент они и не думали о том, что принадлежат разным народам, что любовь их совсем неуместна там, где идет война, и где все решают военные правила. Они жили в небесах.

Какой была эта японка? «Сахарная тростиночка, кто тебя в бездну толкнет? Чей серп на тебя нацелится, срежет росток?» Юная и прекрасная, нежная и смешливая, ни о чем не рассказавшая своей матери, потому что в мире их было только двое, он и она? Или её матери уже не было в живых? Она и он. Каким был он? Может быть, совсем юным солдатом или офицером. Акушерка, забрав домой юную японку, когда той пришла пора рожать, потом рассказывала, что немец брал на руки крошечную дочь, нежно прижимал ее к себе и улыбался от счастья. Значит, это был его первый ребенок? «На какой плантации мельница сотрет тебя в порошок?» Когда любишь, невозможно расстаться и на минуту. Прикосновение, касание пальцами, встреча глазами – лишь бы рядом. Самое тут страшное событие – потерять из виду, утратить эту непрерывную, божественную связь. Это все равно, что умереть. Вмиг возникает пустота. Мгновенно осознаешь, что кроме тебя и него, есть еще огромный мир, который живет другими радостями и печальями, не твоими. Мир, которому до тебя, по большому счету, нет никакого дела. А они ЗНАЛИ, что не быть им вместе НИКОГДА.

До какой же остроты и высоты должны были подняться их чувства, их любовь, чтобы наслаждаться близостью друг друга?! Или все это происходило от отчаянья, от бесконечного стояния над бездной? Или было всего лишь попыткой прикоснуться к счастью хотя бы на миг?

Хотя уже прошло пять лет после войны, Владивосток все еще кипел, бурлил, эшелоны шли и на запад, и на восток, страна никак не могла остановить движение, забыть недавнюю войну, повсюду бегали беспризорные дети, а тут какой-то странный младенец. Ну, родился, а дальше то что? Что произошло с японкой – не известно. Ничего не известно. Известно только, что имя ее дочери дали другие люди. Как говорит мама: все так решили.

Людмила, людям мила – это про тебя, чтобы так у тебя жизнь прошла. Кто, эти все? Ну, все. Точка.

Что будет с немцем, тогда толком никто не знал. Да и кому он был интересен? И только одной давным-давно позабытой всеми акушерке они были нужны. Она раскрыла над ними свои усталые руки, словно крылья, и как могла – оберегала...

Если принять во внимание, что девочка родилась в феврале, то получается, что встретились японка и немец в мае. Не знаю, каким бывает май в Японии, я вообще ничего не знаю про эту страну, и про ее людей, я никогда не бывала там, ограничивая свои познания чтением, скажем, Кобо Абэ. И еще рассказами родителей о Японии. Иногда, летними вечерами мы собирались вокруг круглого стола, и родители начинали разговаривать на японском языке, ломаном и, конечно, не богатом, но дорогом для них. Мама до сих пор хочет, чтобы мы желали друг другу спокойной ночи только по-японски – «аясо минасай». Иное пожелание не приемлет – голову на подушке отворачивает к стене. Почему мне так трудно произнести эту простую японскую фразу – понять не могу. Но мама тут же откликается, начиная улыбаться, бесконечно, с чувством повторяя «аясо минасай!». И укоризненно мне: так нужно говорить...

Но продолжу-ка я свою историю. В один из осенних месяцев к акушерке в госпиталь пришла жена офицера с трехлетним сыном, которого принимала у нее эта самая акушерка. Вместе порадовались бутузу, потискали его. И вернулись к давнему разговору. Три года назад акушерка сказала: радуйся, сын родился. Но знай – это первый и последний твой ребенок. После фронта, после того, как ты таскала на себе раненых, отдавала им кровь, отмораживала ноги, у тебя все-таки родился сын. Не всем так повезло. Тебе повезло. Но это твой первый и последний ребенок.

...Дочку бы мне. Еще бы дочку. Я бы на нее платочек надевала, платяница бы шила.

...Опять ты за свои мечтания! И тогда – только сыну порадовалась и сразу: теперь бы еще дочку! Сказано: радуйся тому, что имеешь.

Так поговорили и разошлись. Мама пошла вместе с сыном в японскую фанзу, в которой, кроме самих хозяев-японцев, проживала еще одна семья офицера с маленьким сыном. В тот

день хозяин собирался чистить трубы. Они проходили через всю фанзу, и было абсолютно непонятно, по какому принципу вся эта система работает. Еще в первый год он объяснил русской женщине, что японская система отопления очень непростая, и если она хочет, чтобы все было хорошо, то пусть позволит ему следить за ней, за что он регулярно будет получать консервы и русскую водку, в которых у русских офицеров недостатка никогда не числилось.

...Кира-сан – плохой женщина, японец сделал вид, что сплюнул на пол, Дуся-сан – холосая женщина, и ребенок у нее холосий, толстый, у Кира-сан ребенок худо-худо. Но тут в комнату вошла Кира-сан, и японец забормотал уже только себе под нос. Кира-сан и в самом деле женщина была злобная и завистливая. Когда Евдокия вынашивала сына, то от вида вечных макарон и мясных консервов у нее начиналась тошнота. Таико-сан, хозяйка, иногда готовила рыбу, и они менялись едой. Но фронтовичка решила обеспечить рыбой себя сама. С пузом впереди и с рюкзаком с консервами за спиной, она смело отправилась к рыбакам. Выменивала живых крабов, рыб разных, морские водоросли, потом училась у Таико-сан все это правильно приготовить. Понравилось ей это занятие. А ну-ка, посиди целый день в фанзе, когда муж со службы возвращается глубокой ночью! Друзей себе новых завела, и даже стала потихонечку говорить на японском языке. «Мусумэ!» – кричали ей мальчишки, ходи сюда, рыба есть. Она смеялась: хороша мусумэ-девушка с эдаким-то пузом! Ее вежливо стали называть мадама. Кира-сан терпела это безобразие недолго. Словом, вызвали мужа Евдокии куда надо и вежливо попросили «призвать жену к порядку». А если убьют?! А если диверсия какая?! Отравят?!

Оказалось, что в тот день хозяин чистит трубы в последний раз, завтра – на паром и в Японию. Таико-сан плакала. Хозяин сказал: Дуся-сан, вина на мне, совсем не надо было чистить трубы так часто, все нормально, вам хватит их на пять лет, может, больше. А чистил, чтоб еду брать. И еще – водку. О, водка! Он пытался шутить, но глаза его плакали. На прощание обошел весь свой дом, что-то шептал, Таико-сан вязала узлы. Как не проводить?! Плакали все. А если мужу и за это попало, то она-то причем?! Уже давно не военнослужащая. А тут выяснилось, что и

Кира уезжает – похоронив слабого своего сынка, замерз ночью, простудился, решила вернуться на Украину.

Все менялось. Паромы с японцами отходили один за другим. Многих военнослужащих демобилизовали, оставшимся нужно было передислоцироваться на Курилы. Отец пал духом: в армии с 1938 года, сколько можно?! Демобилизуюсь!

Между тем, мама уже успела пожить на гражданке. Когда их санитарный поезд сделал свой последний рейс на Дальний Восток, привезя сюда солдат и офицеров, его расформировали, и всех отправили по домам. Ее дом – во Владимирской области. Поехала. Но офицер, с которым едва познакомилась, успел взять адрес: так, на всякий случай, смущаясь, сказал он. Господи, адрес? Да, пожалуйста. В те дни все только адресами и обменивались. Шутка ли сказать – четыре года одной командой в военно-санитарном поезде жили, всякое видели, через многое вместе прошли и вот – расформирование... Вроде и не плакал никто, а сердца у всех щемило. Фотокарточками обменивались, договаривались обязательно встретиться. Да и другим, отчего бы это, не дать адрес? Свои, ведь, фронтовики. Человек всегда думает, что будет так, как он захочет. А получается все с точностью наоборот. Жизнь послевоенная так всех закрутила, что и на карточки глянуть, и просто вспомнить былых товарищей времени не было.

Так вот, вернулась она с фронта домой, а мать с отцом уже в земле лежат, старшая сестра надулась: самим в квартире тесно. Сундук с твоим приданым?! Так съели мы его, милая, все, что в нем лежало, на рынок снесли, а спать на сундуке – пожалуйста. И работу ищи. Тут тебе халявных фронтовых пайков нетути...

В больницу пошла, работать, а куда еще медсестре идти? Голодно, холодно, сестра косится. Как жить? Что дальше будет? А тут, хлоп, и посыльный от будущего мужа: раненого офицера в Москву вез, так будущий муж адрес ему дал и напутствие: спроси, если лучших вариантов нет у нее, так я жду. Варианты! Вертелся рядом один с какой-то неблагозвучной фамилией. Фу! Уж лучше одной век вековать. Да медбрат однажды крепко за грудь взялся: хороша! Так она его так фронтовой своей рукой огрела, что он с копыт брякнулся. Главный врач, тоже бывший фронтовик, на деревянной ноге, поддержал ее: добавь ему еще, не то я сам ему добавлю! Женихи! Не отпустив посыльного, бросилась в

больницу, уволилась, с трудом, правда, но все-таки фронтовичке пошли навстречу, тем более на Дальний Восток, к жениху ехала. Сундук свой ладонью погладила, внутрь заглянула, о матери всплакнула и с посыльным в путь отправилась. Так что знает она, что такое без офицерского пайка жить. От кальсон до пальто – все купи, консервов ящиками тебе там никто не приготовил.

Но муж ее теперь, спустя годы, уперся: демобилизуюсь. До главного штаба в Москве дошел, в госпиталь лег – вроде, был у него когда-то туберкулез, каверна точно была, правда, когда появилась и когда затянулась – не известно, но демобилизовали его все-таки.

И вот пока он по Москве разъезжал, пока о гражданской жизни мечтал, встретила она ту самую акушерку. Вот судьба-то!

Идет та размашистым шагом, юбка вокруг худых ног путается, на ходу шаль перевязывает, видно, что торопится. Окликнула. Не слышит. Догнала, за острый локоть взяла: куда так спешишь, Марья Ивановна?

Акушерка обрадовалась: ты-то мне и нужна! Стой, как это я про тебя забыла?!

Да что такое?

Дочку хочешь?

А?

Спрашиваю тебя, дочку хочешь? Девочка есть. Сейчас вот отнесла ее в дом малютки, потребовали, а сердце болит – пропадет там, крошечная детка, а глазками так умоляюще на меня смотрит, будто просит – не отдавай!

Откуда девочка?

Пойдем, все расскажу.

Да у меня сын, дома один.

Так и пойдем к тебе, там лишних ушей нет?

Ой, да одни мы с сынком, муж в Москве, на волю проситься поехал, а что нас на воле ждет? И кто?!

И рассказала акушерка ей историю. Про японку и немца. Про то, как девочку принимала. Рассказывала, нервно курила, водки попросила, плакала. И Евдокия с ней плакала. Акушерка – женщина явно не простая, из интеллигенции, а тут и слухи в ход пустила. Говорят, что японцы таких прижитых детей с паромов сбрасывают, люди рассказывали, что вокруг паромов акулы выют, ждут своей добычи, ну умер там кто, или вот никому не нуж-

ный ребенок. Японочка моя взяла бы девчонку, но тоже слухам верит. Завтра ее провожаю, уж и не знаю, как сердце выдержит, без памяти валяется, как бы молоко в голову не ударило. А немец как расстроился! Вояка. Жалко мне их всех, да что же это за жизнь-то такая! Ему не дали. Он просил, но ему отказали. Сидят вчера, за руки держатся, в глаза друг другу смотрят и молчат. Девочку между собой положили, а та, будто понимает, смотрит на них такими осмысленными глазками. Нет, Евдокия, налей-ка мне еще. Увели его потом. Оказывается, никто и не знал, как он уходил, и почему вольно тут разгуливал, до дитя догулялся. Меня тоже вызывали: орут, что, да как, да почему, да про врагов. А я им про любовь, про людей, про детей, которые только от любви и получают. Пригрозили мне. А что мне грозить: мне уж мало осталось, а тепло моему сердцу все-таки, что японке я помогла и деточке ее, а что разлучаются они теперь навсегда, так в том моей вины нет, в том война виновата.

Евдокия! Возьми девочку, а? Хорошенькая такая. Возьми?

Плакали. Потом акушерка домой пошла, тихо так, еще с японочкой своей прощаться, где сердце взять?!

...Странно, мама много и охотно рассказывает о себе, иногда со смехом вспоминает детские оговорки сына, которые очень забавляли взрослых. Отец, уже умерший, продолжает для нее существовать. Говорит: если нет света, то, как же ты НАС накормишь? Или утром: отец уже встал? На меня же периодически взглядывает так, будто встретились мы с нею впервые, и будто бы не очень хорошо понимаем друг друга. Впрочем, так оно и есть. Но почему? Так и не срослось за долгие годы? Или все-таки дело во мне, в неправильности моей какой-то?..

Наутро Евдокия помчалась в дом малютки, а там девочку эту уже армянин какой-то с женой своей на себя оформляют! И оформили. А муж, как сидел в Москве, так и сидит! Что делать?! Девочка, родная уже почти, как ей там, в чужих руках?

Вернулся, наконец, муж, радостный: демобилизуют скоро, приказ вот-вот поступит. А она ему про девочку. Успокаивает жену: ну, взяли же ее, ну, взяли, ну, хочешь, другую возьмем? А она в слезы ударилась: какую, другую?! А эту – акулам? Тут он уже рассердился: армяне, может, не на пароме поплывут, а на катере, и не в Японию же, а на Большую землю. Причем тут акулы?! Но в дом малютки все-таки с ней пошел – адрес армян узнать. А

там им, здрасьте, девочку вчера вернули – ни на кого не походит, не нужна девочка, значит. Евдокия в крик: на меня похожа, мне отдайте!.. Но – ни к какому. А время идет. Девчонка плаксивой стала, хилой. Евдокия день-деньской тоже нервничает. Пошла, было, к акушерке, посоветоваться, а той нет. Ни дома, ни в госпитале, уволилась, сказали, а сами глаза отводят. ..

...Так вот все и переплетается! Правда, вперемешку с вымыслом. Однажды, перед сном, мама вдруг говорит: детей-сирот и во время войны, и после войны много было. Временные дома малюток даже создавали. А вот выбирать никому не давали, только спросят: мальчика хотите или девочку? И сами выносят. А выбирать, нет, не давали. Смотрите, говорят: ручки целые, ножки целые, глазки есть – берите. А не то, уходите, другие возьмут. У нас не так было. Мы знали, кого берем. И ты, когда меня увидела, ручки протянула навстречу. Только знай: ты – русская. Там всякие дети были, но ты – русская.

А тогда, неведомо когда, мужа ее на службе вежливый такой офицер на разговор приглашает: демобилизуешься? Куда поедешь? Предлагаю Среднюю Азию, там медики нужны. Направление дадим. Да, и вот еще что, девочку эту вам отдадим, но не сразу, посыльным отправим на место твоей новой службы, в детский дом, там потом и возьмете. Или другие планы есть?

Хотел к братьям заехать, еще до войны последний раз виделись. А девочку возьмем. Может, сразу? Жена совсем извелась.

Нет, поезжай, погости, а девочку мы отправим в Киргизию, не беспокойся. Зачем и тебе, и нам лишние разговоры?

...Когда я всю эту историю более или менее стала представлять себе реально, то масса вопросов возникла. Кто бы только ответил на них, но нет таких, сплошной туман. Офицер этот явно был из НКВД. Кругом много сирот бегало, а с этой девочкой просто морока всем была. С одной стороны – никакого отношения к СССР она не имела. Но с другой стороны – «земли своей врагу не отдадим и пяди». Никаких немцев, никаких японцев, все наше. Эх, если бы заглянуть в те времена! Я тяжело вздыхаю. Поздно, все поздно, ничего не узнать, ничего не понять. Я, не я, и судьба не моя. Не знаю, мила ли людям, а вот старому, беззубому, с большим ухом коту, который иногда, явно от полноты чувств, трогает мой подбородок лапкой и вздыхает, я явно

мила. Я тоже вздыхаю. Да и не хочется мне быть милой людям, абсолютно. Зря старались эти «все», давая мне такое имя. Кто они, эти «все», какие? Ничего не знаю. Тебе уже много месяцев было, говорит мама. А кто мои родители, ты знаешь? Нет. И вдруг оживляется: так узнать можно! Как ТЕПЕРЬ узнаешь? И почему вы мне раньше не сказали? Раньше нельзя было. Зачем? Ребенок должен знать только одних родителей, которые воспитали. В то время, дочь, многие искали своих детей. У кого фотографии остались, те их увеличивали и сравнивали, сравнивали с фотографиями детей из детских домов, даже списки были всех этих детей-сирот. Но тебя в этих списках не было! Даже младенцев как-то там регистрировали, все-таки был порядок в стране, хоть и война страшная прошла. Но тебя в этих списках не было! Никто не знал, что мы тебя взяли, родственники отца были против этого, но мы поступили так, как хотели...

...Словом, офицер НКВД передал отцу документы на девочку – на всякий случай. Потом – поступишь с ними, как знаешь, понял? А новые бумаги вам все равно выпишут, но там, в Киргизии. Бери, читай. Все понял? И никому никогда ни одного слова. Это в ваших же интересах, да и девочке, когда вырастет, совсем не нужно знать свою историю.

Вот я и удивляюсь: дел других у этого офицера, что ли не было, чтобы на засекречивание этой девочки время свое драгоценное тратить?

Поехали к братьям. Пока только с сыном. Все, что из Японии с собой взяли – раздали. Муж сказал: неудобно, все-таки столько лет не виделись. Пожили сколько-то. Муж все с братьями. Однажды ночью слышит – кричат друг на друга. Не понять, но шума много. Тут муж вернулся. Зажигай лампу и собирайся, уезжаем. Как, что, почему? Собирайся, рассветет, подводу нам дадут, на вокзал поедет. Потом выяснилось, что речь зашла о ней, фронтовой жене. Что, мол, мы тебе тут юную девушку не сосватали бы? Привез. А чем она вам плоха? Да ничего сказать не можем, и хозяйка, и подарки хорошие, и сын ухоженный. Но четыре года на войне, а?

Вот она женская доля. Без нас и шагу шагнуть не могут, а как только все позади, то первым вопрос: чиста ли была? Зачем столько лет рядом с мужиками? Откуда им знать, скольким Ев-

докия кровь свою прямым переливанием отдавала, скольким раны перевязала, скольким слезы отирала, под бомбежкой из вагона тащила тяжелых мужиков, а потом снова назад, на нары. На фронт она попала совсем юной девушкой, после окончания РОККОВских курсов. Российское общество Красного креста. Быстро обучали медсестер, несколько месяцев – и на фронт. Маме еще повезло, что попала она в военно-санитарный поезд, а не на передовую, как многие выпускницы. Хотя и поездкам доставалось – бомбили их на подступах к фронту весьма энергично.

Пишу про все это, а перед глазами, то отец, то мать. Будто сверяю с ними – правильно все написала? А тут мама просыпается и решительно так идет к столу: ты телеграмму дала? Они же должны нас встретить! Кто?! Так ведь мы уезжаем, отец сказал. А как поедет, если его родственники еще не знают об этом? Они ведь должны нас встретить. Я нервно сглатываю. Пока я писала слова «собирайся, уезжаем», именно это же самое отец говорил маме во сне! Минута в минуту. Они все время рядом. И у них продолжают разговоры между собой. И кажется мне, будто бы видят они меня насквозь, и знают нечто такое, что мне так и не открылось. Слава Богу, разговор плавно перешел на Красный крест. Это уже знакомо, в этом нет ничего мистического, так что лучше поговорим о нем.

Красный крест еще не раз будет принимать участие в маминой судьбе. А заканчивается это все тем, что теперь, когда голова не помнит даже того, что было час назад, Красный крест всегда с ней. Пропали мочалки? Значит, их украл Красный крест. Приходили выселять из квартиры? (Болезненная, навязчивая идея). Значит, это – Красный крест. Может быть, шок этот на тему Красного креста произошел еще тогда, когда ее, девчонку, оторвали от матери, быстро на курсы и сразу – на фронт? Не знаю. Что могли знать о ней и войне братья мужа, которые не были на фронте? По какому праву они смели вообще судить ее? Но даже сейчас, когда отец, давно ушедший в мир иной, будто бы сказал: едем к моим родственникам, она и не подумала возражать! Муж сказал, значит, так и будет.

А тогда они быстро собрались и уехали от его братьев.

И вот она, Киргизия, мирная жизнь! Жить негде. А тут Красный крест в заброшенном, может быть, купеческом доме, дере-

вянном, с земляными полами, расположил лабораторию. Занял полдома. Другая часть дома, долго бывшая конюшней, пустовала. Вот ее на время и предложили: живите.

Народ тогда все-таки был другой. Помогли маме отремонтировать комнатку, печь выложили. Отца дома опять не было. Дали ему должность помощника санэпидемиолога, а тогда в Суусамырской долине свирепствовал ящур. И он, верхом на коне, каждый день мотался в ту сторону. Мне это даже трудно представить, если на машине добраться не просто, когда есть тоннель, то, как же верхом и без отчетливых путей-дорог?! Зато по пути на Суусамыр, в селе Сосновка, обнаружился детский дом. И девочка там обнаружилась, с готовым именем, но с прочерком в графе родители. Отец поначалу матери ничего не сказал. Оба худые, полуголодные, зарплата мизерная, Красный крест грозит выселением, а на что и как строиться?! Тут бы сына сохранить, а девочку куда?! Когда сказал, наконец, – поскандалили. Отец говорит: нет, нет и еще раз нет, я свое слово сказал. Но мать ему быстро напомнила о разговоре с НКВДэшником. А если запрос будет? Ну и что? Я уже не офицер. Так совсем и не страшно? А документы, которые у нас, сжигать будешь или в детский дом отдашь? Давила на него, нажимала, пугала. Он только рукой махнул: делай, что хочешь...

И она поехала туда, и взяла ребенка, поскандалила там с персоналом, которые не смогли вырвать девочку из ее рук. Тогда мы документы на нее не отдадим! Мама сказала мне недавно, что выхватила те документы с прочерком, разорвала их и победно заявила: нет документов, нет ребенка, и увезла меня. Так просто. И появилась у меня метрика совершенно новая, как теперь выясняется – насквозь фальшивая.

Если бы они все это рассказали, а то так, по обрывкам собрано. Одно откроется, потом другое, а концы никак вместе не сведешь.

...Красный крест дотерпел их пребывание на своей территории как раз до того времени, когда девочке исполнилось три года. Дверь в комнату тяжелая, из грубых, неотесанных досок, изнутри закрывалась на толстый крючок. Родители уходили на работу, а дети закрывались на крючок и играли с вороной, привязанной лапкой к ножке стола – у нее было сломано крыло, и мама ее лечила.

Очередная комиссия Красного креста по выселению пришла днем, громогласная и шумная. Дверь дергали безостановочно, толстый крючок сопротивлялся. Выселяйтесь! Сколько можно предупреждать! Сейчас будем выламывать двери и выносить вещи! Мальчик спрятался. Девочка взяла табуретку и поставила ее к двери так, чтобы ртом доставать до крюка. Если именно он шевелится от ударов, значит и говорить нужно здесь – крик главный...

«Мамы и папы нет дома, как же вы будете выносить наши вещи, а нас с братиком тоже? Разве можно выносить детей с вещами?» Семейная история сохранила воспоминание о том, что комиссия рыдала. Красный крест – это ведь всегда женщины. Тем самым я спасла семье еще полгода, за которые отец успел достроить землянку, но зато с деревянным полом. Полы стелил пожилой чеченец, тоже жертва репрессий, стелил аккуратно, на совесть, молчаливый. И когда в одной из комнат уже был пол, стали переезжать. Я помню, как чеченец перенес меня на руках в комнату с полом, сказал: стой твердо, это твой дом. Я, еще красивая, еще любимая, бегала по половицам и кричала: это настоящий наш дом?! Совсем, совсем настоящий, и нас отсюда никто не выгонит? Взрослые смеялись: наш, и никто, никогда не выгонит, чеченец отер глаза – пыль попала, объяснил.

Жили рядом с нами не только чеченцы, но и свои немцы, бывшие работники трудовых лагерей, уйгуры, сбежавшие из Китая, корейцы, вернувшиеся с Дальнего Востока. История просто витала в воздухе, скручивала в тугие спирали человеческие судьбы. Мне всех их было жалко. Открыв рот, я слушала рассказы немцев, корейцев, чеченцев, но, по правде говоря, очень скупыми были эти рассказы. Люди с неохотой приоткрывали свои тайны. Странная девочка, говорили они потом своим детям, когда я уже уходила домой, зачем ей это все знать?

Кобышек! Подай мне кобышек, – кричала мать моей подруги-корейки. Что подать?! Выясняется – ковшик. Тогда многие наши соседи еще только осваивали русский язык. Сосед-уйгур, у которого не было дочерей, а были сплошь сыновья, звал меня Любичко золотой и учил танцевать. Смесь русского, украинского, кыргызского, уйгурского, корейского, чеченского, белорусского, польского, немецкого языков – это был наш родной, уличный язык. Все понимали всех. И если между мальчишками иногда в пылу

драки и возникали оскорбительные для той или иной нации слова, то в ход событий решительно вмешивались взрослые, и пацаны надолго забывали о том, что, в общем-то, все они в массе своей разных национальностей. Дядя Сергей отстегивал свою деревянную ногу и кричал: мы только что выиграли войну! Все вместе. Еще раз услышу такое, всем вам мало не покажется! Нога была из грубого обрубка дерева и представляла собой весьма грозное оружие. Женщины поступали иначе. Уйгурская мама угощала пацанов пельменями из клевера, если была весна, или мантами из тыквы, если была осень. К моей маме все ходили есть «черную» кашу – гречку. Украинцы щедро делились салом. Корейцы – острой приправой. У чеченцев можно было полакомиться нежнейшими лепешками из тыквы. Хлеб можно было перехватить у соседей в любое время дня и ночи. Угоститься можно было у всех и всегда. Но почему-то совершенно запрещено было обносить сады! И с тем большим энтузиазмом мы это делали...

К слову сказать, улица считала меня умной, и поэтому, когда отец купил проектор и киноленты к нему – все детское, недорогое, но все равно особенное, то читать тексты поручалось исключительно мне. Сидим всей улицей, пялимся на стену дома, сказки смотрим. Но были во мне две особенности, которые позволяли улице считать меня, мягко сказать, странной. Во-первых, во мне совершенно отсутствовало чувство принадлежности, к какой либо национальности. Мне это было не интересно. Во-вторых, я категорически не признавала тот способ производства новеньких детей, о котором улица говорила вполне откровенно, без каких-либо купюр! Помню, что у меня было ощущение: я возникла просто так, из неизвестного ниоткуда. И потому спорила до хрипоты и даже дралась, не соглашаясь. Но как-то вмешался Шурка, и все просто перестали разговаривать со мной на эти темы. Однажды только уйгур Махмуд сказал: земли у тебя нет под ногами, но, увидев приближающегося Шурку, быстро замолк.

Теперь старая, потерявшая память, мужа и сына, мать помнит тех людей и совершенно не знает нынешних. Боится их. И снова боится выселения. И опять слова «Красный крест» звучат для нее, как некий неоспоримый приговор.

...Вот тебя не было, а приходил Красный крест и сказал, чтобы мы собирали вещи, потому что нас выселяют.

Как же они зашли, если меня не было дома, а сама ты дверь открыть не можешь?

Так они по телефону позвонили!

Тут настроение уже портится у меня: несколько лет веду борьбу с ЖКХ, сто раз просила их: оставьте моих стариков в покое, разбирайтесь со мной. Но незадолго до смерти отца ЖКХ принесло устрашающую бумагу: если не рассчитаетесь по долгам, то мы вас выселим. Большой, но с ясной головой отец испугался: куда мы пойдем?! А мама твердо произнесла: это все Красный Крест! Отец умер. А недавно позвонили маме: выселим! Недаром мои боевые родители всю свою жизнь боялись чиновников. И с удивлением и даже испугом смотрели на меня, время от времени превращающуюся в чиновницу, по счастью затем вновь вырывающуюся в журналистику.

Господи, та давняя радость, когда Красный Крест приютил в заброшенной конюшне, сегодня оборачивается такой болью! Да простит мою маму эта благородная организация...

Отец и мать спрятали документы, которые принадлежали девочке. Случись совсем другой поворот судьбы, я могла бы ими воспользоваться и хотя бы что-то узнать о самой себе подлинное. Но у отца был брат, крупный чиновник, который никогда не помогал деньгами, зато на советы не скупился. В один из редких своих приездов, попивая чай у жарко растопленной печи в землянке, заговорили о том, сем. Возможно, что и о девочке. Я в это время уже спала, слыша сквозь сон то смех, то разговоры взрослых. И вот этот крупный чинуша вдруг узнает, что документы на девочку так и не сожжены! Что тут началось! Ты хочешь подставить меня и мою карьеру, кричал брат, не то двоюродный, не то троюродный, но всеми уважаемый, потому что занимал важный пост. Причем тут твоя карьера?! И причем тут ты сам?! Вырастет, ей отдадим. Еще чего! Сожги, немедленно сожги, и прямо сейчас, у меня на глазах! Ты знаешь, что бывает за связь с врагами? Какими врагами, о чем ты?! Мама категорически отказалась принести документы. Скандал набирал обороты. Пока гость не опомнился: тише, соседи услышат. Потом вкрадчиво и сладко, как умели это делать в разговоре с «простым народом» партийные деятели, брат приступил к обработке непокорных родичей. Ну что долго говорить? Поддались, сожгли.

Интересно, что было в тех бумагах? Вроде бы, какие-то

имена, вроде бы, какие-то адреса. Мама долго сокрушалась из-за того, что отец, такой слабохарактерный, поддался устрашениям. Трус, ты – трус, сказала она однажды отцу, и тот рассвирепел. О сожженных бумагах она давно рассказала мне. Вот, сожгли бумаги, связь, видите ли, какая-то с врагами, чепуха, какая связь?! Правда, когда я, заинтересовавшись, наконец, после очередного ее воспоминания о бумагах, спросила: а что в них было? Мама коротко, заканчивая разговор на эту тему, сказала: ну, адреса там всякие...

И вот как тут не скажешь после всего этого «япона-мама», в том смысле этого выражения, которое известно всякому, разбирающемуся в тонкостях русского языка?!

Все куда-то уходит, исчезает, меркнет. В памяти остаются только какие-то штрихи, мелочи. К примеру, то, что я, советская девочка, вполне естественным считала витающий вокруг советских людей страх. Боялись начальства, боялись комиссий, боялись неожиданностей. Старательно скрывали свой вечный страх, но боялись всего. Отсюда и тяга к водке, и злоба в общении, может быть, и зависть тоже отсюда, но испуг, обязательный и привычный, это точно проявление устойчивого страха. Помню, что во времена Хрущева по улицам ходили и выясняли, у кого есть радиоприемник! Вот зачем, спрашивается?! Оказывается, их владельцы должны были быть зарегистрированы. Или вдруг начинали пересчитывать яблони, и от их количества начислять налог. Так народ сады свои чуть ли не под корень вывел. Помню, как младший сын тети Кати, увидев грозного проверяющего верхом на лошади, радостно сообщил, что у них радиоприемник есть и очень красивый. Потом его отец долго бегал за ним с камчой в руках.

Поэтому меня несколько не удивил мой отец, когда я вступала в партию. Он почему-то страшно перепугался: а про родителей спрашивали?! Ну, да, спрашивали, беспечно отмахнулась я. Но вы ведь у меня фронтовики – раз, и работаете в «почтовом ящике» – два, так что вполне благонадежны, если ты об этом. Да, но мой отец, твой дед, был репрессирован. Однако фраза эта была произнесена им как-то вяло, и потом, не сразу. Тем более что к тому времени своими политически репрессированными родственниками уже можно было даже гордиться, такие пришли времена. Что же скрывалось за испугом? Когда я в первый раз поле-

тела в Германию, отец, опять с испугом, спросил: а ты не боишься? Чего?! Он подумал-подумал и снова вяло так: ну, лететь самолетом. Так ведь сколько летала по стране! Когда я писала о президенте так, что едва живой осталась, отец пошел на очередные выборы (перевыборы клятого Акаева) и проголосовал за него. Почему?! Ну, может быть, хоть это тебя как-то защитит. И немой вопрос в сторону мамы: «Почему она такая?»

Всегда такая, сызмала. Мы с братом годами донашивали отцовские шинели, которые в руках матери превращались то в курточки, то в пальто. Потом перелицовывались. Сейчас, наверное, никто и слова такого не знает, а тогда знали все. Выносятся сукно, потеряет цвет, а его, раз, и на другую сторону перешьют, и снова, как новое. Сукно было очень жесткое. Натирало шею, потому что когда много бегаешь, платок сбивается и шея торчит голая и незащищенная. Значит, шинель нараспашку, а платок вообще долой! Повязывался он коряво и неловко только тогда, когда приходила пора возвращаться. Я все время не оправдывала материнских надежд. Почему она такая? – всю жизнь говорили родители. Что я должна сделать еще, чтобы они, наконец, полюбили меня? – Всю жизнь думала я.

Однажды, давным-давно я узнала о том, что у меня первая группа крови. А у вас? У папы и меня – вторая. А у брата? Тоже вторая. Попыталась пошутить: ну, теперь рассказывайте правду, где взяли меня, если вторая группа крови никак не может родить первую! Не заинтересовались темой. Бросили: всякое бывает. Или специально интереса не проявили?! И я вспомнила слова профессора по крови: так не должно быть, но кто ее, эту генетику, знает? Может, это давний предок в вас выскочил...

Говорю же: ситуация полная япона-мама! А я – не ищу доступные объяснения необъяснимому явлению. Мне никто ничего не говорит, я ничего не спрашиваю. Просто удивительно! Аморфность какая-то, нежелание ничего менять, и, напротив, сильное желание, чтобы ничего такого не было и в помине. Страус! Информационные песчинки, как я теперь понимаю, постоянно крутились вокруг меня в воздухе. А я их, раз – и себе под ноги, чтоб голову еще глубже спрятать. Почему? Не знаю. Сейчас страусиную голову из многочисленного песка все-таки выдернули. Кручу ею по сторонам – где начало, где конец, кто же есть я на самом деле?! Да поздно. Никто не скажет. Никто не ответит. Никто

никуда не позовет. Хорошо, что нет родителей? Хорошо, что нет друзей? Хорошо, что нет братьев и сестер? Хорошо, что нет родины? Огромная, пугающая пустота, и я в ней – точка.

Ничего нет прочного на земле, все приходит и все уходит. Встретились двое, родили ребенка и бросили его? Отняли его у них? Сколько таких историй. Вдруг возникает нечто, а потом, вдруг, исчезает. Мне это не нравится. Мне трудно терять друзей. Мне трудно оттого, что я уже не верю людям. Самое страшное для меня – это предательство, забвение, обман. Мне жалко брошенных собак. Мне невыносимо смотреть на брошенные дома...

... Как-то, на повороте большой трассы, бросился в глаза дом на пригорке. Голые, без занавесок и цветов, окна, будто огромные испуганные глаза, больно ужалили мое сердце. Такая же глазастая землянка, какая была моим первым домом. Тоже, наверное, построена она в то время, и тоже бесконечно радующая, и согревающая кого-то. А теперь – брошенная. Всегда, проезжая мимо этого дома, я зажмуривалась, но все-таки успевала увидеть – окна-глаза блестят, будто от слез. Потом исчез забор. Потом – пустые глазницы, темные и страшные. Потом дом рухнул. Теперь там бугорок, словно могила. Зимой он покрыт снегом, летом – травой. Был, и нет. Вместе с ним умолкли и голоса тех, кто строил его, кто радовался ему. Еще один дом в мою печальную копилку. А что осталось у меня? Слабая мама, воспоминания, да еще, пожалуй, отчаяние, которое с каждым днем становится почему-то сильнее. Трудно дышать и невозможно спать. И ведь ничего – не изменить! Почему же мне так печально?! Если они, мои мама и отец, в свое время ничего не сказали мне, то как можно верить другим людям?! Всюду ложь или полу-правда, всюду недоговоренности и обман. Хорошо, что природа не лжет, хорошо, что птицы благодарно посвиркивают в ответ на брошенные зерна даже в морозы, хорошо, что есть солнце, хорошо, что расцвел мой кактус. Хорошо, что скоро весна. Хорошо, что, в общем-то, ничего не изменилось. Осталось только – забыть. Уже многое пробегает мимо и никак мне это пробегающее не остановить.

Но как быть с воспоминанием из детства, когда перед сном, перед вот-вот наступившей темнотой, мама вынужденно, устало брала меня, лежащую в кровати, за руку и долго держала? Мне всегда казалось, что мрак обязательно и необратимо что-то изме-

нит в сложившемся ходе вещей, а я этого так боялась, будто бы бывало это уже со мной, и будто бы бывало не один раз. Будто опускался занавес, все погружалось в темноту, а потом занавес поднимали снова, но это был уже совсем другой театр. Мне и поныне не хватает постоянства в людях. Но уже давно не боюсь никаких перемен. Обрыв, обрыв, обрыв – это так привычно. Было, и нет. Слишком привычно. Куда удивительнее, если что-то не исчезает бесследно, если вдруг кто-то помнит тебя, если ты кому-нибудь все-таки нужен. Это поражает! И это – потрясает! А обрыв, что же в этом удивительного? Привычно. А тогда боль от перемен, от первых потерь, наверное, была, хоть и неосознанна и не понятна, все же очень сильна. И потому крик: мама, не уходи, мама, не отпускай мою руку! Слезы переходили в рыдания. Я постепенно засыпала. Последнее, что слышала: «Почему она такая?»

А вчера, больная и уже уставшая от жизни мама, перед сном взяла мою руку. Мы поменялись ролями: она держит мою руку и плачет. Я устало успокаиваю ее. И вдруг слышу: ты будешь моей дочкой? Ты согласна быть моей дочкой? И слезы, переходящие в рыдания...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Погоня

Человек в черном плаще и серой шляпе бежит по обочине. Я гонюсь за ним. Он точно что-то знает, он так подозрительно посмотрел на меня в подземном переходе. Потом побежал, а я и погнался за ним.

Он бежит очень быстро. Даже не оглядывается. Явно что-то задумал. Но меня ему не проведи. У меня в кармане револьвер и я буду стрелять. Прежде нужно догнать и остановить беглеца. Потом посмотреть ему в глаза и выстрелить в сердце. Я не боюсь смотреть ему в глаза и выстрелить в сердце. Еще вчера я не смог бы этого сделать, у меня задрожала бы рука. Но сегодня она не станет дрожать. Только бы догнать его.

Уже довольно поздно. Стемнело. Зажглись фонари. Он может свернуть куда-нибудь и спрятаться в темноте. Но от меня он не уйдет. Я достану его из-под земли!

Человек бежит очень быстро. Придерживает правой рукой шляпу, чтобы не слетела. Плащ застегнут. Похоже, беглецу хочется жить. Ничего, шесть пуль в барабане, они найдут его тело.

Мое сердце бьется ровно. У меня неплохое дыхание. Не выдохнусь. А беглец уже начинает сбавлять темп. Конечно, можно было застрелить его прямо сейчас, в спину, но вокруг много людей. Могу попасть в кого-нибудь из них ненароком. Нет, уж

лучше в темном переулке, где мы будем одни. Ему не уцелеть.

Вдруг беглец сворачивает вправо и выбегает на дорогу. Бежит к противоположной стороне. Я бросаюсь за ним. Не замечаю машин. Перебегаю. Его маневр не принес никакого успеха. Я даже стал немного ближе к нему.

Мужчина бежит к домам. Хочет затеряться в переулках. Я догоню его. Я хорошо вижу в темноте – ему не укрыться.

- Стой! – кричу и машу ему рукой.

Он останавливается. Стоит ко мне спиной.

- Повернись, – говорю ему.

Беглец поворачивается.

- Вам что-нибудь нужно? – спрашивает беглец дрожащим голосом.

- Да, твоя жизнь, – достаю из кармана револьвер.

- Не надо, – мужчина замахал руками, его лицо приняло страдальческое выражение, – ведь это все, что у меня осталось. У меня больше ничего нет. Только способность дышать и чувствовать...

- Ладно, живи.

Я спрятал револьвер в карман и пошел к автобусной остановке.

Взгляд

В прихожей стояло большое зеркало. Я посмотрел в него и вышел из квартиры. Закрыв дверь на ключ. Замок звонко щелкнул.

На лестничной площадке было темно, лампу еще не зажгли. Мне было все равно – я быстро пошел вниз. Туфли шаркали о ступени. Шарканье казалось неестественно громким.

Дверь открылась, скрипя. Закрылась с громким треском.

На скамейке возле подъезда сидели двое – парень и девушка. Они о чем-то болтали. Мне было все равно – я быстро прошел мимо.

Шел и смотрел прямо. Шел просто так, никакой цели у меня не было. Так лучше.

Прохожу мимо знакомых домов. В окнах горит свет. Люди смотрят телевизор, занимаются нужными делами. Ну и ладно.

- Слышь, приятель, – хриплый мужской голос слева.

Оборачиваюсь. Вижу мужчину лет пятидесяти, худого и сутулого, с лицом мученика. Он подходит ко мне. От него неприятно пахнет.

- Погибаю, – хрипит мужчина и протягивает руку, – дай червонец, будь человеком.

Улыбаюсь в ответ и ничего не даю. Поворачиваюсь и ухожу.

- Козел! – кричит мужчина.

Мне все равно – я иду дальше. Тоже мне, страдалец.

Где-то впереди крики: мужской и женский голос. Похоже, скандал. Вижу силуэты: парень и девушка выясняют отношения, машут руками. Нет, чтобы спокойно разойтись, они шумят, скандалят. Делают меня невольным свидетелем сцены из их личной жизни. Зачем им это? Мне ведь все равно, в любом случае я пройду мимо. И прохожу. Голоса отдаляются.

Впереди назревает потасовка. Несколько горячих парней выясняют отношения. Конечно, пьяные. Говорят о псевдоценностях на псевдоязыке. Прохожу мимо, даже не смотрю на них. Мне так скучно.

Подхожу к светофору и перехожу дорогу, даже не глядя на то, какой свет горит. Машины недовольно гудят. А мне все равно.

Иду по тротуару, прохожу мимо парка. В парке деревья уже набираются листвой. Листва шелестит от ветра. За парком горят яркие огни кафе. Слышится музыка. Мне неинтересно. Хочется пива, но не хочется тратить деньги. Ладно, обойдусь без пива.

Можно позвонить друзьям или девушке. Можно погулять в одиночестве, что я и делаю. Не хочу ни с кем говорить.

Мне кажется, что во мне нет никакой тяги к жизни, словно я вечно заставляю себя делать то, что мне ненужно. И на самом деле я ничего не хочу, совсем ничего. Даже моя размеренная жизнь становится мне в тягость. Мне все равно, на что ее тратить.

Вскоре гулять надоедает и я возвращаюсь домой. Уже поздно и мне пора спать.

Поднимаюсь на третий этаж, открываю дверь и вхожу. В прихожей включаю свет. Смотрю в зеркало. Не вижу отражения. В зеркале меня нет. Снимаю туфли и иду в свою комнату – мне все равно.

Зомби, который играет на трубе

*Зомби играет на трубе,
Мы танцуем свои танцы.*

Группа «Крематорий»

На улице было прохладно и сыро. Воздух пах прошедшим дождем. Земля была влажная, местами поблескивали лужи.

Человек в длинном сером плаще и серой шляпе остановился у ступеней магазина, свет фонаря под острым углом падал на него и на землю под ним. Человек остановился на кусочке земли, освещаемом фонарем. На широкой скамейке с козырьком, установленной возле подъезда, сидели и о чем-то болтали двое. Молодые парень и девушка. Их звали Артур и Алина. Алина громко засмеялась в тот момент, когда человек подошел к магазину. Поэтому человек и остановился. Он посмотрел в сторону сидевших на скамейке. Его взгляд выразил замешательство, правда, этого никто не видел.

За спиной человека приоткрылась дверь охранного домика, домик был однокомнатный, с высоким фундаментом, с лестницей с перилами и собственной крышей. Из-за двери выглянуло лицо охранника, и выскочила полоска света. Охранник с безразличием посмотрел на спину незнакомца, потом глянул по сторонам и закрыл дверь. Он снова уселся на свой любимый раскладной стульчик и продолжил смотреть юмористический концерт по маленькому цветному телевизору.

Человек в плаще смотрел на молодых людей. Парень и девушка сидели спинами к человеку в плаще, они не знали о его существовании. Человек постоял еще немного и решил зайти в магазин. В руке у него был футляр для саксофона.

Он поднялся по ступеням и, потянув на себя, открыл тугую дверь в магазин. Над головой тонко зазвенел колокольчик. Человек вошел в магазин. Продавщица, смотревшая телевизор, установленный над холодильниками с напитками, поднялась со стула и с ожиданием посмотрела на вошедшего. Она даже поправила очки на переносице, выказывая тем самым свою заинтере-

сованность. Человек, не обращая внимания на продавщицу, подошел к холодильнику с алкогольными напитками и, немного наклонившись, стал рассматривать через стеклянную дверь бутылки и банки с пивом. Он прошел так быстро, что продавщица не успела разглядеть его лица.

- Здравствуйте, – лениво протянула женщина и опустила очки на кончик носа. Затем поправила короткие кудрявые волосы.

Человек ничего не ответил. Он стоял и смотрел через стеклянную дверь на содержимое холодильника.

- Вы что-то ищете? – спросила продавщица, немного наклонившись к стойке.

- Да, – ответил человек очень хриплым голосом.

- Скажите, что вы ищете? – спросила продавщица.

- Пиво.

- Так оно перед вами.

- Я выбираю.

Женщина сморщилась и иронично покачала головой. Человек, тем временем, приоткрыл дверцу холодильника и достал банку пива. Закрыв дверцу, он повернулся к продавщице и поставил пиво на весы, стоявшие на стойке.

Продавщица уставилась на вошедшего. Лицо у него было сухим и морщинистым, земляного цвета. На левой щеке у него была большая дырка. Из дырки на стойку упал червяк. Глаза человека были впалыми. Женщине показалось, что перед ней стоит мумия. Вошедший походил на человека, из которого выкачали половину жидкости, из-за чего он и ссохся напополам.

- Кто вы? – вырвалось из горла женщины.

- Я – зомби, – прохрипел не-человек, – зомби, который играет на трубе.

У продавщицы побледнело лицо и расширились зрачки. А еще у нее задрожали руки. Это произошло не от сказанного, а от увиденного.

Зомби откупорил банку пива и сделал глоток. Женщина уставилась на дрогнувший кадык зомби.

- У меня есть всего два занятия, – сказал зомби, глубоко вздохнув, – всего два, это не так уж и много.

Женщину сковал страх, все ее мысли пришли в беспорядок.

Зомби посмотрел в ее глаза. И в то же мгновение выключился телевизор над холодильниками. Женщина перевела взгляд на погасший экран телевизора, не понимая, почему он погас, и почему она на него теперь смотрит. От вида женщины зомби стало смешно: он улыбнулся и отпил еще пива. Затем стал рассматривать коньяки за спиной женщины. На улице в эту минуту снова закапал дождь. Артур на скамейке обнял Алину. Охранник в домике переключил канал. Ко двору подъехала черная BMW, из нее вышел парень в черной куртке, белой футболке и черных джинсах и направился к полуоткрытым воротам, чтобы открыть их настежь и загнать машину во двор. Полина курила на балконе четвертого этажа. Пятилетняя немецкая овчарка Чип в тридцать четвертой квартире стала скрестись во входную дверь. Хозяйева Чипа занимались любовью в спальне.

- Первое занятие – пить пиво, – сказал зомби, словно его об этом кто-то спросил, и для наглядности приподнял пивную банку, – это занятие безобидное. Видишь ли, я зомби, поэтому мне можно вообще ничего не есть и не пить, но мне очень нравится пиво. Поэтому я пью пиво. Только пиво и все. Больше ничего не пью.

Зомби пристально посмотрел на женщину, по всей видимости, в ожидании комментария. Комментария не последовало. Женщина стала отходить от зомби в сторону, задевая спиной бутылки на прилавке. Она постепенно стала приходить в себя. В ее голове появилась мысль о том, что же ей делать в данной ситуации? А зомби не с того не с сего посмотрел на стойку и увидел червяка. Червяк вызвал в нем негативные эмоции, поэтому зомби взял червяка большим и указательным пальцем левой руки, сунул его себе в рот. Продавщицу чуть не стошнило от увиденного, но она сдержала себя, сделав еще один шаг в сторону от незнакомца, полагая, что таким образом отдалается от опасности.

- Есть еще одна причина, по которой я пью пиво, – сказал незнакомец, жуя червяка, – только я хочу, чтобы вы у меня спросили о ней. Ну же, смелей.

Продавщица немного смутилась. Ей совсем не хотелось разговаривать, ей хотелось убежать. И еще она пожалела о том, что у нее нет баллончика с газом или с перцовым раствором. Из баллончика можно было брызнуть в глаза незнакомцу и убежать.

Почему-то продавщица ни разу не подумала о том, что можно закричать.

Лицо зомби сделалось суровым, из чего следовало, что он недоволен поведением женщины. И она это поняла.

- Ну, – сказал зомби и сделал еще один глоток.

- Почему вы пьете пиво? – выдавила из себя продавщица. Кстати, ей немногим за сорок, пять лет как она разведена, у нее есть дочь двадцати одного года. Они с дочерью живут в двухкомнатной квартире в трехстах метрах от магазина. Дочь учится на экономическом факультете престижного университета и занимается плаванием. Папа помогает ей деньгами.

- Нет, не так, – сказал зомби и махнул левой рукой, – ну, не так. Конечно, я понимаю, что я зомби и выгляжу не очень, но знаешь, если честно, то меня вот такая вот реакция на мою внешность уже давно достала. Ну, вот достала, вот тут она у меня. Это невыносимо, честное слово. Просто бесит. Главное, в кино смотришь и не удивляешься, а тут вдруг раз – и ступор. Знаешь что? Закури.

Женщина посмотрела на незнакомца с удивлением.

- Ну, ты же куришь? – спросил он резко.

Женщина кивнула.

- Вот и закури, успокой нервы.

- Мне нельзя в помещении, – пролепетала продавщица.

- Не раздражай меня, пожалуйста. Нельзя ей. Мне вот нельзя быть живым и что? Где логика? А?

- Не знаю.

- Вот и я не знаю. Так что кури.

Продавщица достала из кармана своей синенькой вязаной кофты пачку тонких дамских сигарет и пластмассовую зажигалку. Посмотрела на зомби, зомби кивнул в знак одобрения. Продавщица достала сигарету и закурила, выпустила струйку прозрачно-белого дыма с запахом мяты. Ей действительно стало легче. Ее зовут Ирина.

- Теперь спрашивай, – сказал зомби, когда Ирина выкурила сигарету примерно на половину.

- Почему вы пьете пиво? – непринужденно спросила Ирина.

- Так лучше, – улыбнулся сухими губами незнакомец, – пью я потому, что мне нужно... нужно... достигать одного состояния.

Нет, не опьянения, а покоя. Чувство того, что все в порядке и так должно быть. Если это чувство проходит, то я берусь за второе занятие.

И тут зомби поднял лежавший на полу у его ног футляр для саксофона и положил его на стойку. Бережно провел рукой по исцарапанной поверхности футляра.

В этот момент Ирина перестала бояться насилия со стороны незнакомца, в ней появилось чувство, что незнакомец не причинит ей зла. Она глубоко затаилась и выпустила струю дыма изо рта так, словно с дымом она выпустила из себя еще что-то. Она почти успокоилась, однако, ей никак не удавалось смириться с тем фактом, что перед ней стоит зомби. К тому же он пьет пиво и разговаривает. Ирина подумала, что если его не провоцировать, то он может убраться восвояси, ничего не натворив. Она никому не расскажет о случившемся и все будет хорошо.

С этой мыслью она затаилась еще раз, а зомби допил пиво. Он поставил пустую пивную банку на чашу электронных весов и повернулся к холодильникам. Снова открыл тот, в котором охлаждались алкогольные напитки, и вновь стал выбирать. Ирина молча ждала, стряхивая пепел прямо на пол. Раньше она никогда не стряхивала пепел на пол.

Зомби зазвенел бутылками, достал пиво той же марки, что и пил, только в бутылке. Закрыв холодильник, он повернулся к Ирине и показал, что выбрал. Продавщица кивнула. Зомби откупорил бутылку, сбив крышку о край стола, и хлебнул немного. Затем почмокал губами.

- Никакой разницы, – сказал он, – хотя должна быть. Здесь стекло, а там железо. Странно. А может, так и задумано, чтобы не было никакой разницы.

Зомби взял пустую банку и заглянул в нее. После этого заглянул в бутылку. Ирину крайне удивило такое поведение незнакомца, но она покосилась на футляр. Почему-то Ирина подумала, что в футляре пила и молоток. Незнакомец снова поставил пустую банку на весы и выпил пива. Ирина заметила, что плащ незнакомца совсем сухой, а ведь он только что с улицы.

- Хотя разница все-таки должна быть, – сказал зомби, – пора рассказать о моем втором занятии, которое намного страшнее первого.

Он выжидающе посмотрел на Ирину.

- Расскажите о своем втором занятии, – попросила Ирина и бросила окурок на пол.

- Хорошо, – согласился зомби, – я расскажу о своем втором занятии.

Парень в черной куртке загнал машину во двор, поставив ее у самой ограды, перед которой тянулась тонкая полоска потоптанной травы. Парень вышел из машины, закрыл ее на ключ и включил сигнализацию. По его телу пробежала легкая дрожь от холодного ветра и дождя. Он тряхнул плечами и пошел к первому подъезду, за дверью которого и скрылся.

- Эта машина всегда приезжает поздно, – сказал Артур и посмотрел на BMW, ему нравились BMW, – кто это?

- Не знаю, – сказала Алина и улыбнулась.

- Но он же в твоём доме живет, – Артур повернулся и посмотрел девушке в глаза, – как ты можешь не знать?

- Ну, вот так, – Алина надула губки, – мы с ним не пересекаемся, мне до него дела нет. Да и вижу я его раз в месяц. Почему спрашиваешь?

- Просто так, – сказал Артур, – мне интересно стало.

- А как ты определил, что всегда поздно приезжает? – Алина положила руку на колено Артура.

- Просто заметил, – сказал Артур.

- И запомнил машину?

- Да, – кивнул Артур, – уже в третий или четвертый раз вижу эту машину, и все разы она вот так вот поздно заезжала.

Минуту помолчали. По истечении этой минуты Алина поднялась со скамейки и стала у самого края козырька, так, чтобы дождь не попадал на нее. Она провела носком туфли по линии, разделяющей промокший бетон от сухого. С козырька тонкими струйками бежала дождевая вода, Алина протянула ладонь под одну из струек, и вода стала падать ей на ладонь. От брызг стал влажным рукав ее кофты.

- Ты что, обиделась? – спросил Артур.

- Нет, все в порядке, – сказала Алина, не оборачиваясь, – мне просто дождь нравится.

- Может, в машину пойдем, а то совсем холодно стало?
- Мне не холодно.

Охранник выглянул из домика подышать свежим воздухом. Лицо у него было немного сонное и даже безучастное. Он сдвинул кепку на затылок и сунул руки в карманы брюк, от чего его вид сделался деловым. На поясе у него болтались резиновая дубинка, фонарик и свисток. Постояв несколько секунд, он пошел к воротам проверить, насколько крепко они закрыты без замка и быстро вернулся обратно к домику, так как несколько капель дождя залетело ему за шиворот. Эту маленькую прогулку охранник устроил с единственной целью немного размять уставшие от сидения ноги. Он постоял еще с минуту и зашел в домик.

Полине в голову лезли странные мысли, большинству из которых она была не рада. Настроение у нее было подавленное с признаками развивающейся меланхолии. Сегодня она не выходила в Интернет и не написала ни одного SMS. А еще не включила телевизор и даже не слушала музыку. В общем, старалась всячески оградить себя от всех внешних раздражителей.

Сигарета, которую она курила уже пятую минуту, ее ничем не вдохновляла, поэтому и курила уже пятую минуту. Созерцала почерневший от дождя двор. Видела, как из домика выглянул охранник, даже понаблюдала за ним. Потом посмотрела на Алину, подставившую ладонь под струйку дождя, убила сигарету в пепельнице, что стояла рядом на оконной раме, и решила бросать курить, дабы хоть что-то изменить в своей жизни.

Чип, не прекращая, скребся в дверь. Ему очень хотелось выбежать из квартиры. Он бился носом в дверь, царапал когтями, ложился, пытаясь заглянуть в щель между дверью и полом. А потом громко залаял.

Его хозяева все еще были в спальне.

- Я уже сказал, что я зомби, который играет на трубе, – сказал зомби и глотнул пива, – поэтому мое второе занятие: играть на трубе.

- Это интересно, – неожиданно для себя сказала Ирина, после чего чуть не прикусила язык.

- Да? – зомби злобно ухмыльнулся.

Он скривил губы и глянул на Ирину. В его глазах не было ничего, кроме пустоты. Только сейчас Ирина заметила пустоту в глазах зомби, и от этого ей стало не по себе. Она начала понимать, что перед ней существо из другого мира. И это было слишком странно, чтобы воспринимать его всерьез.

- Да, – вдруг кивнул зомби, похоже, слова продавщицы напомнили ему о чем-то неприятном, – интересно. Я прихожу и играю на трубе. Я не знаю, зачем это нужно, я не знаю, кому это нужно, но я прихожу и играю на трубе. Мне интересно, кому же нужно, чтобы я играл на трубе.

Ирина смотрела на него молча. Ей снова захотелось курить, но она боялась спросить разрешения, точно также она боялась курить без разрешения. Сейчас она даже не думала о словах зомби.

- Можно подумать, что мне нравится играть на трубе, – сказал зомби и, допив бутылку, поставил ее на весы рядом с банкой, – да, нравится, но мне нравится играть просто так. Мне нравится извлекать из трубы звуки. Понимаешь? Просто так. Но просто так не выходит. Обязательно бывают последствия.

Ирина глянула в сторону двери и вдруг подумала о том, что будет, если в магазин кто-нибудь войдет. Потом она подумала о дочери Лене, о том, что Лена должна скоро позвонить. Она не слышала слов зомби, словно погрузилась куда-то в себя. Смотрела на холодильники.

Вдруг ее что-то толкнуло в лоб. Ирина вздрогнула и посмотрела на зомби. Зомби смотрел ей в глаза. Пустота из зомби стала пробираться в глаза Ирины, находя в них место для себя. Ирина отвела взгляд. Ее посетило осознание того, что зомби говорит что-то важное. И еще она почувствовала кусочек пустоты внутри себя. Женщине стало неприятно, словно над ней надругались. Ей стало очень неприятным присутствие зомби в магазине. Но присутствие зомби было неизбежным.

- Потому что не просто так, – сказал зомби, договаривая прослушанную продавщицей фразу, – что ты сейчас чувствуешь? Ирина сморщила лоб.

- Не знаю, – сказала она, – мне как-то не по себе.

- Потому что я здесь?

Продавщица замялась, боясь ответом разозлить незнакомца. Незнакомец пристально посмотрел на нее. Он ждал ответа.

- Да, – вытянула из себя Ирина.

- Я понимаю, – кивнул зомби, – мне тоже не по себе оттого, что я здесь. Ты не понимаешь, почему я здесь, я тоже не понимаю, почему я здесь. Видишь ли, когда я играю на трубе, все вокруг меня начинает изменяться, выходить из равновесия. Когда я играю на трубе, все вокруг меня начинает превращаться в хаос и разрушаться. В буквальном смысле слова. Люди, слушая мою музыку, сходят с ума и начинают подчиняться мне. Я же подчиняюсь непонятной мне силе, заставляющей меня играть. Эта сила превращает мою музыку в нечто чудовищное. Моя музыка сеет хаос. И мне это нравится. То есть, кто-то сделал так, что мне это нравится. Вот так. Меня не заставляют извне. Мне кажется, что кто-то поместил в меня механизм, который вынуждает меня захотеть сыграть в нужном месте и в нужное время. И это моя участь.

Ирина немного изменилась в лице. Она мало что поняла из сказанного незнакомцем, но почувствовала что-то тяжелое и злое в его словах. Зомби велел ей закурить, и она спешно закурила.

- Я шел под дождем сюда и думал, что вот опять мне надо сыграть на трубе, – сказал зомби, – я понимаю, что это кому-то нужно, что из-за этого кого-то я и буду играть, но дело в том, что я не могу не сыграть. В этом все дело. Я не могу не сыграть, иначе я перестану существовать. Правда, я не знаю, насколько я в данный момент существую, но все же. Это мое существование, метафизика. В этой трубе метафизика. В этой трубе хаос, который определяет смысл моего существования. Вот так.

Зомби замолчал. Ирина понимающе смотрела на него. В магазине образовалась тишина. Ни одного звука не стало. Ирине стало очень страшно. Слова зомби начали достигать ее сознания и усваиваться им. Конечно, непросто было сразу понять сказанное, но сознание Ирины вдруг приняло все за данность и не сочло бредом. Сама же Ирина немного удивилась тому, что все это произошло без ее воли. Словно слова зомби воспринимала та часть Ирины, которой эти слова предназначались.

Тишина стала постепенно нагнетаться, женщине показалось,

что воздух в магазине изменил энергетику, сделавшись заряженным от слов незнакомца или от его пребывания.

- Но сегодня я пью пиво, – сказал зомби, – странно, когда идет дождь, меня начинает мучить жажда. Я не понимаю этой взаимосвязи, но она существует без моего понимания. И вот я зашел в твой магазин. И выпил пива. Оно не самое лучшее, если честно, но ничего, пить можно. Его достаточно, чтобы поддержать покой во мне. Слушай, что ты сейчас чувствуешь?

- Что? – спросила Ирина.

- Говорю, что ты испытываешь сейчас, что чувствуешь?

- Не знаю, – сказала Ирина, в голове у нее сейчас вертелось много чего, – что-то страшное.

- Ты боишься? – спросил зомби и потер футляр.

- Да, – кивнула Ирина.

- Все бояться, – сказал зомби, – все. Все время. И я боюсь. Знаешь, меня постоянно занимает вопрос, а того ли мы боимся, чего нужно бояться? Может, нужно бояться совсем другого. Или существует опасность куда большая, чем та, которую мы боимся. Я не знаю, почему говорю с тобой сейчас. У меня иногда возникает непреодолимое желание поговорить с живыми. Это не занятие, а так, досуг или хобби, не знаю. Это своего рода терапия. Извини, что сейчас пользуюсь тобой.

Зомби замолчал. Почесал лоб.

- Что-то я задержался, – вдруг сказал он. – Идти мне надо. Ладно, пойду.

Зомби взял футляр и направился к выходу. У самой двери он остановился и повернулся к продавщице.

- Все равно твоя жизнь изменится, – сказал он, – прощай.

Зомби вышел из магазина. Дождя уже не было, на улице было сыро и даже холодно. Фонарь вновь осветил человека в плаще. Человек в плаще не обратил внимания на фонарь, не посмотрел он и в сторону скамейки, на которой сидели парень и девушка. Он обошел автомобили, стоявшие у магазина, перешел дорожку и побрел по аллее вдоль реки в сторону гор.

- Мне завтра вставать рано, – сказала Алина, пытаясь вырваться из объятий Артура, – Артур, отпусти.

- Ну, еще пару минут, – сказал Артур, пытаясь поцеловать девушку.

- Никакой пары минут, отпусти, – Алина стала колотить ладонью Артура по плечу.

Артур отпустил. Алина отошла на пару шагов.

- Ну, все, до завтра, – сказала она и хотела было уйти.

- Что значит «до завтра»? – спросил Артур и улыбнулся.

- Даже так?

- Нет, не так.

- Очень смешно.

- Без поцелуя не уйду.

Алина подошла к Артуру, и они поцеловались.

- Спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

Алина подошла к двери, набрала код и вошла в дом. Артур отправился к автостоянке, где был припаркован его VW Passat.

Охранник вышел из домика на звук заведенного двигателя, увидел, что это Артур завел свою машину – Артура он быстро запомнил – постоял немного на свежем воздухе, зевнул и вернулся в домик.

Полина долго не могла уснуть. Около часа она ворочалась в постели, потом не выдержала и встала. Она пошла на кухню, включила там свет. Выпила кружку воды, посидела на стуле. Ей мерещился странный печальный человек в плаще и шляпе. Ей было не по себе. Стараясь отогнать от себя зловещие мысли, Полина вышла на балкон, открыла окно. Снова посмотрела на двор. Вдруг заметила собаку, которая выбежала из-за соседнего дома. Собака обежала ограду и вбежала во двор дома, в котором жила Полина. Полине стало интересно, она стала следить за собакой. Собака подбежала к магазину, находившемуся в этом же доме, села возле фонаря и залаяла в сторону магазина, залаяла и завиляла хвостом. Это был Чип.

Долг

Лицо Анны выразило сострадание, почти искреннее. Однако, Андрюше приятно от этого не стало. Как ни странно, но не стало. Он даже сам удивился немного. Вроде в нем приняли уча-

стие, посочувствовали, пожалели, проявили теплые нежные чувства, чье-то сердце по нему защемило, но мимо – не задело. Андрюша облокотился о стену и, сдерживая зевоту, смотрел на то, как ему пытались уделить внимание, сам же больше думал о том, что сигареты кончились, нежели о внимании. Анна, конечно, это заметила и, чтобы хоть как-то сгладить свой неудачный выпад, поправила прическу, тем самым – хотя, может, и другое имела в виду – давая понять Андрюше, что она очень занятой человек. Андрюша почесал щеку, поросшую густой черной щетиной, и вздохнул.

– Я не надолго, – сказала Анна и сняла сумочку с плеча, – ну и вид у тебя.

Он кивнул. Вид у него был действительно не очень, он походил на бродягу. Лицо вспухшее, глаза красные, волосы взъерошенные и слипшиеся, одежда измятая, будто он в ней спал. И как при этом приглашать в гости?

Надежды на исправление не было никакой. Все время ее ждало разочарование. Каждый раз она надеялась, что вот зайдет сейчас в квартиру, а в ней порядок, все чисто, прибрано, брат в выглаженной рубашке, обнимает, говорит, что исправился; и каждый раз заходила не в квартиру, а в пещеру, чуть ли не с самого порога спотыкаясь обо что-нибудь, чертыхаясь про себя и ударяясь о стеклянный взгляд не брата, но какого-то заросшего щетиной алкоголика. И это мучило Анну, потому что, как она ни старалась помочь брату, ничего у нее не выходило. Со временем пришло смирение, она свыклась, и уже не так остро реагировала на многое из того, что раньше ее потрясало. Правда, сестринские чувства порой вырывались из глубин души и Анна, не находя в них ничего актуального, пыталась всячески их заглушить и не проявлять, зная, насколько ее жалость раздражала брата. Так и сейчас, после минутной жалости, она старалась притворяться и снова делать вид, что все в порядке и что вид Андрюши ее несколько не трогает.

Держа сумочку в руке, Анна прошла на кухню. Раковина и стол были заставлены грязной посудой, которую, конечно, не мыли уже очень давно. Под столом пивные бутылки, сигаретные пачки, измятые спичечные коробки. Слой пыли на кухонном шкафу придавал ему вид антиквариата. Про газовую плиту лучше не

говорить. Чистым оставался только единственный на кухне стул, но все же Анна не рискнула положить на него сумочку.

Прошла в зал. Зал был складом для невероятного количества всяческих вещей, вплоть до банок с маринованными огурцами возле книжного шкафа. На круглом столике, поставленном перед диваном, стояла пепельница с пирамидой из окурков, причем это не было случайностью – пирамиду явно строили. Белая скатерть на столике была вся в пятнах, большинство из них от кофе. Возле двери стоял в маленьком милом горшочке маленький милый кактус, причем земля в горшочке была влажной.

В спальне постель была расправлена, но на ней никто не спал. В прошлый раз там спала незнакомая девушка, брюнетка.

- А где твоя... ну эта? – Анна указала на постель.

- Не знаю, ушла, – развел плечами Андрюша.

- Сколько ей лет?

- Девятнадцать.

Анна вернулась в коридор, не найдя чистого места, чтобы присесть. Желание находиться в этой квартире быстро прошло, оно всегда проходило быстро. Она поправила воротник блузки и посмотрела на Андрюшу.

- Деньги есть у тебя? – спросила сестра.

- Есть.

- А еда?

- Тоже есть, все в порядке.

Сестра не поверила и пошла проверить холодильник. Правильно сделала – холодильник оказался пустым и не размороженным. Велела Андрюше сегодня же разморозить.

- Что ты будешь есть? – спросила Анна, закрыв холодильник и вновь выйдя в коридор.

- Зайка принесет что-нибудь вечером, – сказал Андрюша и сунул руки в карманы джинсов.

- А как ее зовут?

- Это не важно. Может, чаю попьем?

Неприлично было отказываться, но Анна, посмотрев сначала на брата, потом на заваленный грязной посудой стол, подумала, что в этой квартире уже давно не до приличий. Уже давно не до приличий было и в их с братом отношениях, ставших совсем сухими и натянутыми.

- Какой чай, у тебя присесть негде, – сказала она резче, чем хотела.

Андрюша удивленно посмотрел на сестру, будто и не знал, что у него на кухне завал, будто надеялся, что сестра поверит в то, что он действительно хочет напоить ее чаем. Потом сморщился от презрения к собственному притворству и на пару секунд опустил голову в знак согласия с Анной.

- Тебе еще не надоело, Андрей? – Анна попыталась заглянуть ему в глаза, что делала редко и то только с назидательной, профилактической целью, то есть попытаться пристыдить.

- Что надоело?

- Так жить?

- А как я живу?

- Живешь как в сарае. Как затворник какой-то.

- Мы уже говорили об этом и не раз. Как никак, а это моя жизнь.

- Как никак, а ты мне брат.

Андрюша кивнул в знак смирения с тем, что он Анне брат. Анна покачала головой. Теперь она жалела о том, что пришла, и корила себя за то, что жалела. Она понимала всю бессмысленность своих мер, но совсем ничего не предпринимать она не могла и поэтому в среднем раз в месяц у них с братом случались подобные встречи с подобными разговорами. В этом и состояло их родство с 2005 года.

Анна пыталась хотя бы так поддерживать связь с братом. Целью ее сегодняшнего визита было предложить брату денег, но не срослось.

Анна покачала головой еще раз, не нашла, что сказать и пошла в прихожую.

- Уже уходишь? – спросил брат из коридора.

- Да, пойду.

Андрюша пошел за ней.

- Зачем ты так, Андрей? – спросила Анна в прихожей, обувшись.

- Аня, не начинай, – сморщился Андрюша.

- Скажи мне, я не понимаю.

- Я тоже не понимаю.

- Чего?

- Всего.

Замолчали. Сестра потянулась к двери, но помедлила и опустила руку. Ее глаза заслезились, и она опустила голову, чтобы брат не заметил. Что-то больно кольнуло сердце Анны, к горлу подкатился тугой ватный ком. Ей захотелось обнять его, заплакать, ей захотелось поговорить с ним, они так давно не разговаривали, они отделились друг от друга. Анна чувствовала в этом свою вину. Ее остановило ее смирение, смирение, которое она сама себе навязала, с которым легче было наблюдать со стороны падение близкого человека. Тугой ватный ком не позволил ей ничего сказать, слова просто застряли где-то внутри и не вырвались. Слов было сказано и так слишком много, опять подумала она и посмотрела на брата почти с укором.

- Знаешь, – сказала Анна, – порой мне кажется, что...

- Что кажется?

- Нет, ничего. Я пойду.

Попрощались, даже не обнявшись, Андрюша захлопнул за нею дверь.

Через 30 часов Анна запишет в своем дневнике следующее:

«Вот так всегда, не срослось, сорвалось – и опять ничего. Опять пропасть. Стена, и холодом веет. Там, под ребрами, опять камень, опять вина и мысли о том, что же не так. Все не так, и сами мы не те и не такие – ничего тут не поделаешь. Пора смириться, и не думать о смирении как о слабости и грехе. Смирение – есть осознание безысходности, с которым намного сложнее, чем с напрасной верой».

Андрюша относился к встречам с сестрой как к некой формальности. Раз в месяц нужно с ней увидеться и все тут. Ничего он от этих встреч не ждал и не хотел ждать. Денег у сестры он не брал – было неловко. И даже немного жаль ее, сестру. Было неприятно причинять ей боль, но сделать все как-то иначе он даже и не пытался. Ему бы хотелось, чтобы она приняла все как данность и перестала его жалеть, ведь причин для жалости, как считал Андрюша, не было. Да, у него была сорная жизнь, но он ни о чем не жалел, в принципе его все устраивало, да и, в конце концов, это была его собственная жизнь, которой не хотелось ни с кем делиться, даже с самыми близкими людьми. Андрюша добивался от сестры смирения и ничего больше. Поддерживать пустые, по его мнению, отношения было лицемерием. Отсюда

натянутость их отношений. Они оба понимали, что их теперь уже ничто не сблизит.

Взяв немного денег, Андрей сходил за сигаретами. Вернувшись, он сразу же напустил на кухне прозрачного голубого дыма и, стряхивая пепел в маленькое грязное блюдце из-под неизвестно чего, уселся на любимый табурет и уставился в запыленное окно. Благодаря окну небо тоже казалось запыленным, благодаря сигарете запыленной казалась жизнь, точно такой же, как посеревший от недостатка внимания кухонный шкаф в полуметре от курильщика. Вот только жизнь не напоминала собой антиквариат. Она была где-то там. Андрюша вдруг вспомнил, что Анна назвала его квартиру сараем, и улыбнулся. Сам-то он называл ее иначе – пещерой, а себя – пещерным человеком. Конечно, ради смеха, но все же в этом определении что-то было.

Раздался звонок. Курильщик затушил сигарету, поднялся, пошел открыть дверь. Пришла зайка. Она мило улыбнулась ему с порога и сразу бросилась на шею, будто давно не виделись. Обнимать упругое тело зайки было приятно, было приятно запускать руки ей под одежду. Зайка нехотя сопротивлялась, но все же ей это нравилось.

Андрюша втянул зайку в квартиру и закрыл за ней дверь, на ощупь задвинул щеколду. В прихожей они прижались к стене и поцеловались. Пакет с продуктами выпал из правой руки зайки. Андрюша стал раздевать зайку, несмотря на мелькнувшую в голове мысль о том, что она ему больше не нужна.

Полночь

Ну вот, подумал он, она там, а я здесь, она там, где темно, а я здесь, здесь светло. И посмотрел на чашку кофе, которая стояла на столе перед ним. Потом взял ложечку и помешал кофе – сначала по часовой стрелке, а потом против часовой стрелки. Затем вынул ложечку и положил ее на стол. Сделал глоток кофе и снова подумал.

Да, она была там, а он здесь. Это факт. Это часть объективной реальности. И хоть в воображении его она возникала каждый раз, когда он думал о ней, она все равно была там, а не с ним. Он хотел, чтобы она была с ним, но она не была с ним. Не потому что

не хотела, а потому что была там. И неизвестно кому это было нужно. Парень подумал о том, кому это было нужно и почему все не может быть так, как хочется. Почему всегда как-то иначе? Ведь он хочет, чтобы она была здесь, ее здесь нет. Он не хочет, чтобы она была там, но она там. Наверно, она хочет быть там. Хотя это вряд ли. Он чувствовал, что она тоже хочет быть здесь, но ее нет. Отсюда вопрос: если они оба не хотят, чтобы она была там, то кто этого хочет и почему она там? С другой стороны, почему он здесь? И тут парень задумался. И посмотрел на чашку кофе. Потом взял ложечку и помешал кофе – сначала против часовой стрелки, а потом по часовой стрелке. Затем вынул ложечку и положил ее на стол. Да, он здесь, и где ему быть как не здесь, если он здесь живет? Он не может жить в другом месте, потому что его дом здесь, нигде больше у него домов нет. Вот так-то. Но почему он не с ней? Потому что ее дом в другом месте и далеко. Она в том месте, где ее дом, и тоже далеко от него. И это пока невозможно изменить. Поэтому она там. А он здесь. Они в разных местах.

Конечно, можно было позвонить ей сейчас. Телефон был здесь, а ее телефон был там, то есть, где она. Она взяла бы трубку, и он услышал бы ее голос. Он и позвонил ей час назад. Она взяла трубку и сказала, что у нее дела. Он не знал, с кем и какие у нее были дела, но они точно были очень важными, раз она была ими так занята. Она не с ним из-за очень важных дел, дела отняли ее у него на сегодня. И вот ее нет. Она там, где темно, а он здесь, здесь светло. Интересная все-таки штука эта жизнь, подумал он и нахмурился. Ему стало очень уныло и одиноко. Он взял ложечку и помешал кофе – сначала по часовой стрелке, потом против часовой стрелки. И еще раз – против часовой стрелки, а потом по часовой стрелке. А потом добавил сливок и еще раз помешал – спать ему не хотелось.

Участие

Тишина.

Уже около часа ночи.

Он не может уснуть. Проснулся полчаса назад и теперь не может уснуть. Причина – головная боль. Она возникла внезапно. Может, оттого, что проснулся, а может, уже проснулся с ней.

Лежит и смотрит в потолок. Ничего другого не приходит на ум. Так проходит полчаса. Потом он встает с постели и начинает ходить по комнате. От двери к окну, от окна к двери. Делает глубокие вдохи, затем выдохи.

- Милый, почему ты ходишь по комнате? – слышится сонный женский голос. Она проснулась.

Он почувствовал минутное облегчение, словно ждал этого вопроса.

- Голова болит, не могу уснуть, – сказал он, глянув на нее.

- Выпей таблетку, – предложила она и повернулась на другой бок.

- Что? – не понял он и остановился посреди комнаты.

- Таблетку выпей, говорю, – прошептала она и обняла подушку.

- И все? – он удивился.

- Что значит все?

- Это все твое участие?

Она подняла голову и посмотрела на него.

- А чего ты хочешь? Чтобы я сама нашла тебе таблетки?

- Нет. Могла бы просто уделить внимание.

- Внимание? Милый, уже час ночи, я хочу спать.

- А я не могу уснуть, у меня болит голова.

- Я все понимаю. Только не надо делать из этого трагедию.

- Понимаешь? Мне кажется, ты не понимаешь, – он подошел к кровати.

- Ну, конечно, – она недовольно покачала головой, – я не понимаю. Это ты не понимаешь.

- Чего же я не понимаю?

- Того, что я очень устала и хочу спать.

- Зато я не устал.

- Не заводись. Говорю же, выпей таблетку и ложись ко мне.

- Спасибо, родная.

- Что не так?

- Все хорошо, – он снова стал ходить по комнате.

- Скажи, что не так. Я ведь должна знать.

- Ничего. Все в порядке. Спи. Тебе завтра рано вставать.

Лужа

Дождь шел всю ночь. Под его монотонную дробь спалось на удивление приятно и безмятежно. Именно поэтому утром у меня хватило сил подняться на полчаса раньше обычного и совершить утреннюю прогулку.

Луж было довольно много. Они были настолько глубоки, что приходилось либо обходить, либо перепрыгивать их. К тому же нужно было сторониться проезжающих автомобилей, чтобы не забрызгали. Все эти неудобства, о которых я даже не подумал, выходя на улицу, совсем испортили настроение и стали причиной моего уныния.

Я стал идти без всякого удовольствия, смотря под ноги и на дорогу. Но не пошел обратно домой. Потом, когда вспомнил эту историю, мне показалось очень странным, почему не пошел обратно. Может, думал о чем-то важном. Или никак не мог решиться, точно не помню. Дело не в этом, а в том, что я встретил очень странного человека.

Когда увидел его впереди, стоящего посреди проспекта, я сначала не заподозрил ничего удивительного. Человек просто стоял без движений и все. Вполне возможно, что он кого-нибудь ждал. Так я думал, когда был в ста метрах от него и еще не знал, в чем дело.

Люди, проходящие мимо, с улыбками на лицах смотрели на него, оглядывались и перешептывались. Почему они перешептывались, я понял, лишь подойдя к нему.

Дело в том, что этот человек – на вид ему было лет сорок – стоял на самой середине огромной лужи. Стоял и улыбался. Он утопил в луже не только туфли – мне показалось, что он был именно в туфлях – но и края брюк. Однако, на лице его не было выражено никакой досады, наоборот, сияла улыбка.

- Гражданин, – обратился он ко мне, заметив мой заинтересованный взгляд.

Я остановился у края лужи и посмотрел на него.

- Гражданин, вам не кажется странным то, что я стою в луже? – спросил меня мужчина.

Похоже, ему было интересно мое мнение.

- Кажется, – ответил я.

- Почему вам так кажется? – вновь спросил он и немного опустил голову.

- Я ведь не стою в луже, – сказал я, – никто не стоит, только вы. Именно поэтому.

Мужчина кивнул и нахмурился. Несколько секунд молчал, обдумывая мой ответ.

- Интересная теория, – сказал он и улыбнулся, – оригинальная. Можно спросить, что вы делаете?

- Как что? Гуляю, – ответил я.

- А вот эти люди, что делают? – мужчина указал руками на прохожих.

- Не знаю, спросите у них.

- А вы как думаете?

- Скорее всего, идут по делам. На работу, на учебу. У всех ведь так.

- А почему они идут?

- Так надо, – сказал я, – такова их жизнь.

- А они осознают ее смысл?

Честно говоря, мне не хотелось философствовать, особенно в то утро и в том месте. Я стал подумывать, как бы скорее отвязаться от этого чудака и пойти дальше.

Чудак смотрел на меня и ждал ответа. Я развел плечами, ожидая, что он преподнесет мне какую-нибудь идею.

- Вот видите! – сказал он, хлопая в ладоши, – вы не знаете! И они ведь тоже не знают! Значит, не осознают. Знаете, почему?

- Почему? – автоматически спросил я, мне даже не было интересно.

- Потому что смысла нет! Вот такая вот штука! Кажется, что он есть, а на самом деле его нет. И не было никогда.

- А в том, что вы стоите в луже, есть смысл?

Он лукаво посмотрел на меня.

- Конечно. Иначе бы я не стоял. Ведь так?

Я кивнул.

- Почему у вас смысл есть, а у них нет? – спросил я, теперь мне стало интересно.

- Я ведь наделяю смыслом мое стояние, это если узко мыслить. А если широко, то существование вообще, – и он изобра-

зил руками круг, пожалуй, имея в виду жизнь или бытие, – понятно?

Я вновь кивнул. Мне было понятно.

- Становитесь вместе со мной, – предложил он и даже указал место рядом с собой.

Я немного подумал и пошел дальше.

Тапочки

В час ночи раздался звонок. Арнольд проснулся, не понял в чем дело и перевернулся на правый бок, потому что на спине он никогда не спал, только на боку. Обычно он спал на левом боку, но мог и на правом. Когда он спал на левом боку, то лежал лицом к ближней к кровати стене, на ней висел красно-зеленый ковер, а когда спал на правом, то лежал лицом к дальней стене, на дальней стене ничего кроме обоев не было. Комната была прямоугольной, то есть у нее были две длинных стены и две коротких, кровать стояла параллельно длинным стенам и перпендикулярно коротким. Длинные стены делились на ближнюю и дальнюю к кровати, короткие – на стену с окном и стену с дверью. Стена с окном была за кроватью, стена с дверью была до кровати. Вот такая была комната.

Позвонили еще раз, теперь уже звонили дольше, настойчивей. Несколько секунд жали на звонок. Арнольд открыл глаза и лег на спину, заворчал.

Позвонили в третий раз – долго звонили, дольше второго раза на три-четыре секунды. Было неприятно, потому что звонок у Арнольда хоть и старый, но хороший, и звонил он очень противно и громко, так противно, что всегда хотелось добежать до двери быстрее, чем второй раз позвонят. А тут позвонили три раза, да еще и ночью.

Арнольд поднялся с кровати, сунул ноги в тапочки и пошел как есть в трусах к двери. Подойдя к двери, он прильнул к глазку, посмотрел. На лестничной клетке было светло, так что Арнольд увидел в глазок морщинистое лицо незнакомого старика.

- Что вам нужно? – спросил через дверь Арнольд.

- Доброй ночи, – услышалось ему в ответ.

Арнольд сказал, что тоже желает старику доброй ночи. На самом деле не желал.

- Извините, что так поздно, – стал оправдываться гость, – просто у меня к вам неотложная просьба.

- Какая? – поинтересовался Арнольд, потому что не знал, какая просьба, так бы не спрашивал.

- Мне нужны тапочки. У вас случайно не найдется тапочек?

- Каких тапочек? – спросил Арнольд, он ничего не понял.

- Обычных, домашних. Можно старые. Лишь бы тапочки, – объяснил гость.

Зачем ему тапочки, удивился Арнольд, а потом подумал, что наверно еще до конца не проснулся и поэтому не понял. Или все-таки проснулся, но все равно не понял, зачем старику тапочки. Назрело противоречие. Но Арнольд разрешил его быстро – он решил, что почти проснулся и что поздний гость был немного странный.

- Вы дадите мне тапочки? – между тем спросил гость, так как Арнольд все еще не отвечал.

- Зачем вам тапочки? – спросил Арнольд.

- Они мне очень нужны, иначе не просил бы.

Старик прав, подумал Арнольд и покачал головой. У Арнольда были тапочки, но он их не хотел отдавать.

- Дадите? – услышался настойчивый голос старика.

- Нет.

- Почему?

- У меня всего одна пара. Мне самому нужны тапочки.

- Зачем тебе тапочки?

- Я в них хожу по квартире, а когда выхожу из квартиры, то снимаю тапочки и обуваю туфли или сандалии.

- Ходи и по квартире в туфлях, а тапочки отдай мне! – крикнул старик. Он явно разозлился.

Как бы чего не вышло, подумал Арнольд. Потом подумал, что наверно нужно отдать тапочки, ведь если человек просит, то они ему действительно нужны. Вместе с тем Арнольда возмутила наглость и бесцеремонность ночного гостя. Да еще и такой грубый голос, настойчивый такой голос. Его даже передернуло.

- Ты что там, заснул?! – закричал старик.

- Нет, не заснул! – закричал в ответ Арнольд.

- Давай тапочки!

- Не могу. Понимаете, я не могу ходить по квартире в туфлях, потому что у них подошвы запачканные и вообще так не положено. В квартире положено ходить в тапочках.

- Ты что мне голову морочишь?- начал хамить гость. – Положено – не положено, да кто тебя видит там, в квартире?

- Знаете, не в этом дело. Дело в воспитании. К тому же я так уже привык, – сказал Арнольд и улыбнулся, потому что ответ ему очень понравился.

Старик начал чертыхаться и даже три раза ударил кулаком в дверь. Может, и не кулаком, хотя, скорее всего, кулаком, потому что показалось, что били почти в самый глазок. Арнольд отошел от двери на шаг – не от испуга, а из предосторожности, даже отметил для себя, что именно из предосторожности. Он немного разозлился и теперь молчанием выражал свое недовольство поведением позднего гостя. Конечно, старик не мог вышибить дверь или как-нибудь повредить ее, так как дверь была прочная, просто было неприятно, что в дверь колотят.

- Давай тапочки! – закричал старик.

- Не дам, – решительно ответил Арнольд, теперь он точно знал, что не отдаст тапочки, чего бы ему это не стоило.

- Вот все вы так, – послышался обиженный голос.

За дверью все стихло. Арнольд постоял еще немного, потом подошел к двери и посмотрел в глазок. На лестничной клетке никого не было. Арнольд вздохнул с облегчением.

Голубь на асфальте

Утро. Третий этаж. Балкон. Чашка кофе в руке. Тихо. Взгляд устремлен вниз, на дорогу.

Проехало несколько машин. Голубь сел на асфальт.

Половина восьмого. Воскресенье. Зачем так рано проснулся? Алексей задумался. Причин нет. Спи себе и спи. Все же проснулся.

Открыл окно. Шум. Черт с ним!

Где-то в глубине комнаты звонит мобильник.

- Хочешь разбавить день философией?

- Да.

- Приезжай.

Приехал. Встал у подъезда, а нужно на крышу. Дом шестнадцатипятиэтажный.

Лифт тронулся. Коробка! Наводит тоску. Стены исписаны матерными словами. Алексей читает. Ничего нового. Всюду одно и то же. Разочарование.

Выходит на крышу. Вниз лучше не смотреть, а то голова закружится. Она и так кружится от высоты. Ветер дует в лицо. Руки в карманах. Карманы пусты: кроме рук в них ничего нет. Жаль...

Алексей видит холст. Видит художника рядом с холстом. Видит краски рядом с художником.

- Здорово, – говорит художник. Его зовут Толя.

Алексей тоже здороваётся. Смотрит на картину. Абстракция. Опять. Надоело.

- Опять абстракция, – в тоне Алексея чувствуется нота уныния.

- Что значит «опять»? – Анатолий смотрит удивленно. – Абстракция абстракции рознь. Моя картина живет и дышит. Смотри, как лучи света преломляются в лабиринте города.

Алексей смотрит. Не видит. Мазня.

- Где?

- Вот, – показывает рукой Анатолий.

Алексей подходит ближе.

- Вот?

- Да. И вот. И еще вот. Символично?

Алексей кивает. Думает. Одно из двух: либо это мазня и он ничего не смыслит в живописи, либо это картина и он ничего не смыслит в жизни.

Садятся на стулья. Курят. Крыша. Дует ветер.

Странно. Что Алексей тут делает? Разве он проснулся так рано только для того, чтобы сидеть на крыше и курить с абстракционистом? И какая в этом философия? Какая мораль? Ведь он не может взлететь. Ему это ни к чему: он человек, а не птица.

Возвращается на землю. Идет по обочине. Видит голубя. Тот по-прежнему сидит на асфальте. Алексей смотрит на голубя. Голубь смотрит на Алексея. Голубь смотрится нелепо, но ему все равно. Алексей хочет пригласить его к себе на чашку чая. Скорее всего, пернатый откажется.

И тут Алексей понял, что голубь на дороге, что он на крыше – звенья одной цепи. Ведь каждому свое и с этим ничего не поделаешь. Каждый выбирает...

Где-то в глубине комнаты звонит мобильник.

Олег БОНДАРЕНКО

ПОРТРЕТ

Рассказ

Никогда в жизни Нестор Кенгурюк не вглядывался в изображения на монетах и банкнотах. Оно ему надо было!.. Судьба и так преподносила сюрприз за сюрпризом, была ключом по голове, проблем вечно хватало, и смотреть еще по сторонам – тем более деньги разглядывать – это уж увольте, всякая живопись хороша в музеях, где ей и положено быть! А купюры и мелочь – извините, не тема для изобразительного искусства, денежки должны лежать в карманах или на счете, нечего, нечего делать из них выставочное полотно.

Так или примерно так думал Нестор Кенгурюк в тот самый вечер – во всяком случае, мог бы подумать, если бы вообще имел привычку о чем-либо задумываться. Но досужие мысли редко посещали его – из-за всё тех же жизненных проблем, и поэтому будем считать, что он не думал об изображениях на деньгах, а мог бы подумать, если бы это ему было надо и если бы он очень захотел.

Нестор ехал в маршрутке – возвращался домой с опостылевшей службы, – сидя на переднем сидении, у входа (никому на фиг не уступлю место! я имею право! я устал!) и тупо уставившись в одну точку. Точкой этой оказалась монетка, оброненная кем-то из пассажиров на выходе или входе в маршрутное такси; она слегка поблескивала на грязном полу, и – странное дело – никто, кроме Нестора, ее не замечал. Нестора она в принципе тоже не интересовала – не нагибаться же ради такой ерунды! – но

всё равно надо было куда-то смотреть, и поэтому он смотрел на монету.

Минут через десять-пятнадцать смотрения Нестор наконец начал краем сознания улавливать профиль, изображенный на монете. Он более или менее был виден при определенном угле обзора, и Нестору вдруг начало казаться, что профиль ему чем-то знаком. Нестор нахмурился. Вгляделся внимательнее – насколько позволяло расстояние до монеты и освещение в салоне. Так и есть – он его знает. Но кто бы это мог быть?..

Маршрутка повернула на знакомую улицу. Надо выходить... Нестор быстро наклонился – чуть ли не с места, ухватил монетку негибкими волосатыми пальцами и сунул ее в карман, бросил водителю сквозь зубы: «Здесь останови!..» и выскользнул в вечернюю мглу. Была зима, и вдоль дороги лежал снег, где-то, за сугробами сверкали сотнями огней микрорайоновские новостройки, а зимнее небо уже ощерилось светом ранних колючих звезд.

Нестор Кенгурюк прошелся по протоптанной в снегу рваной, корявой дорожке, направляясь к родной высотке через белый пустырь. На ходу он вытащил из пальто подобранную монетку и ещё раз вперился в нее чуть рассеянным взором. Точно – профиль до боли родной. Нестор остановился. Это... Это... Нет, не может быть!.. Нестор сощурился и – несмотря на заснеженный вечерний полумрак – всё же, прямо нутром, определил.

Конечно, это был его профиль – Нестора Кенгурюка. Никаких сомнений в том не оставалось. На монете, на аверсе, был изображен именно он.

Потрясенный, Нестор уставился на чудо, лежавшее у него на ладони. Немного помедлив, он оживился и принялся лихорадочно рыться в карманах в поисках других монет. В зимней одежде это было не так-то просто, но Нестору удалось, расстегнувшись, проникнуть в карманы брюк. Вот – он достал пригоршню мелочи, рассмотрел ее при свете луны и с замиранием сердца убедился в том, что его профиль украшал каждую монету – и малого, и большого достоинства. Внезапно, доверившись какому-то шестому чувству, Нестор решил проверить и банкноты. Покопавшись в бумажнике, он вытащил парочку, расправил их, взглянул – и выпучил глаза. Его портрет, неясно видимый в полумраке, всё же угадывался, и только идиот мог здесь себя не узнать.

Нестор от отчаяния всхрюкнул, во всяком случае, издал звук, до сих пор не характерный для него. Он беспомощно огляделся – но заснеженное поле мало чем могло ему помочь. Нестор побежал – насколько позволял снег, неуклюже, то и дело проваливаясь, – к своему многоэтажному дому, видневшемуся вдаль.

Он мчался, и сердце его бешено колотилось, в висках стреляло, испарина покрыла лоб, несмотря на то, что был самый разгар зимы. Ворвавшись в подъезд, Нестор наскоро вызвал лифт, сгорая от нетерпения, пританцовывая и тем самым стряхивая налипший на ноги снег. Уже в лифте – при искусственном освещении – он еще раз взглянул на банкноты и монеты, изъятые из кармана, и боль отозвалась у него где-то в груди.

В квартире Нестора было пусто – как и всегда, семьи у него не было (с женой развелся давно), и никто его никогда не ждал. Не раздеваясь, Нестор пробежал в комнату и разложил на столе все деньги, которые имел при себе, – лицевой стороной, портретом кверху. Сел к столу. Наклонился, разглядывая, всмотрелся. Электрический свет не оставлял вообще никаких сомнений. И на бумаге, и на металле был изображен он сам – причем, как Нестор понял, в любимом шерстяном свитере, по крайней мере, на бумажных деньгах.

Первой мыслью Нестора – после того, как прошел начальный испуг, – было подозрение, что его просто-напросто разыграли. Но вот вопрос – кто? Друзей у Нестора не было, имевшиеся приятели – замученные люди, как и сам Нестор, – вряд ли когда-нибудь решились бы на нечто подобное, да и с чувством юмора у них было туго. Может, телевизионная программа «Розыгрыш»? Но если так, то почему именно Нестор? Вроде никакая не звезда, кто будет смеяться над замешательством маленького, ничемного, ничем не выдающегося человека?..

Нестор застонал – от отчаяния, от беспомощности. Это фальшивые деньги! – вынужден был решить он сам для себя. Но как это проверить? Сняв наконец пальто, несчастный вооружился лупой (давно валялась без дела в столе) и принялся очень тщательно, миллиметр за миллиметром рассматривать поверхность денег, вглядываясь в мельчайшие детали узоров, в микропечать и особенно – в свой собственный портрет, обрамленный красивыми волнистыми линиями.

Кстати, портрет Нестор, пожалуй-таки, узнал. Он был срисован с фотографии, сделанной несколько лет назад, – удачный снимок, который нравился Нестору в свое время; на нем Нестор казался представительным и где-то даже одухотворенным (понятное дело, слово «одухотворенный» Нестор не знал, но интуитивно чувствовал, о чем идет речь, в некоторых, правда, редких ситуациях). На портрете были удивительно живые, выразительные глаза. Они блестели, и в результате персонаж на рисунке казался тонким, мудрым, прекрасным. Нестор прямо засмотрелся. Ему было чертовски приятно видеть себя со стороны.

Самый тщательный осмотр банкнот, увы, в конечном итоге так ничего и не дал. Бумажные деньги выглядели абсолютно нормальными, и буквально не за что было зацепиться. Мало того, на купюрах был еще и водяной знак – тот же Нестор Кенгурюк, хорошо просматриваемый на свет; и, чтобы совсем не осталось никаких сомнений, под портретом стояла подпись – имя и фамилия Нестора, а также, маленькими цифрами, год его рождения.

Расчувствовавшись, Нестор пошел на кухню и достал початую бутылку ирландского виски «Джон Джеймсон», подарок сторожа его дачного кооператива. Нестор держал ее на всякий случай, для друзей, – которых у него не было. Налив себе порядочную порцию, Нестор проглотил ее, даже не разбавляя. И – закурил. Чем самым нарушил собственный запрет, ибо от курения он закодировался еще летом.

Взволнованно, не будучи в состоянии унять дрожь в груди, он взглянул в окно, на ночное небо и принялся размышлять, за какие такие заслуги его изобразили на банкнотах и монетах собственной страны. Было страшно, страшно – и удивительно торжественно на душе. Нестор курил и размышлял, он думал, думал до боли в голове, и ничего почему-то ему на ум не приходило.

Перед глазами Нестора пронеслась вся его жизнь. Вот он маленький – единственный ребенок в семье; мама и папа тряслись над ним, и он пользовался моментом, проказничал, как только мог. Разбил мамину любимую вазу, ударил папу игрушечным молотком, пока тот спал в краткие, в перерывах между работой, минуты отдыха. Это ведь не в счет?.. Это ведь не повод для изображения на банкнотах?.. Вот он уже школьник и подклады-

вает учителю кнопку на стул. Вот он дернул девчонку за косу – кажется, ее звали Алёной... Не повод, не повод... Они с пацанами из их двора избили «маменькиного сынка» – он только вселился в их дом, да и вообще я, Нестор, его не бил – не то, чтобы бил, только наблюдал, как большие пацаны били, они мне сказали: смотри! Я и смотрел. Ну, так, пнул потом, когда всё уже завершилось...

Вот я студент... Списывал на экзаменах... Сдал сокурсника – но ведь он сам виноват... Не надо было тогда с этой, как ее звали... С Настей, что ли... Я ведь первый ее «застолбил»... Нет... Не за это – на банкноты...

И не за то, что экзамен выпускной завалил – папа с мамой тогда подсуетились, с проректором беседу имели (тоже знакомый чей-то – не помню уж чей)... Нет, не за это...

Нет...

Нестор Кенгурюк прямо расстроился. Он выпил еще виски, еще курнул и – решил проверить самого себя в Интернете. Ну не может, не может быть, чтобы существовали деньги с его изображением! Это фальшивка! Грубая подделка! Нестор включил домашний комп, зашел в Интернет – скорость маленькая, но позволяет просматривать нужные страницы, хорошее подспорье к соединению на работе. Так... Проверим... Нестор набрал Google. Так. <http://www.whoyougle.com>, раздел money, подраздел banknotes. Бумажные деньги моей страны. Так... Нестор открыл нужную страницу – и уставился в монитор. На экране отрылись нужные изображения банкнот, с его портретом...

Это было нечто. Нестор расчувствовался, оделся кое-как – и выскочил в коридор, вызвал лифт, застегиваясь на ходу, спустился на первый этаж. Тусклый свет провожал его в подъезде при выходе на улицу – а там морозный воздух... Звезды... Луна... Ночь – уже почти настоящая, быстро опускающаяся на город ночь...

Нестор закричал. Он кричал громко, отчаянно – и неся во весь дух, насколько позволял снег, по двору. Он мчался – и соображал, мучительно соображал. Вот он, после университета, который удалось окончить благодаря взятке замдекана. Он – молодой специалист. Не нужный, правда, на хрен никому. Так ведь и мир ему был не нужен!.. Женился. Ее звали Надей (Надя ведь?

Хорошее имя... Но, кроме имени...) Нет! Не он ей первый изменил! Не он! Не он! Во всяком случае, ему так хотелось в это верить. Когда она ушла – нет, когда он ушел от нее, так правильнее (или наоборот?), была еще Жанна. Или Люда?.. Да какая сейчас разница... Они все похожи, похожи, похожи...

Нестор задумался. Он поднял голову, всматриваясь в звезды, в луну, и мучительно пытался понять – за что? за что? за что?.. Что я оставлю после себя? Что я сделал такого для увековечивания себя на банкнотах?.. Было больно, было обидно, хотелось выть...

Нестор упал в снег. Он зарылся лицом в холоднющую субстанцию, чтобы не чувствовать слез, сбегających по щекам. Что было еще?.. Была работа, служба – тупая, неинтересная, о которой нечего сказать и которой нечего гордиться. Да, были и взятки – по мелочам... За что, за что, за что?.. Что я сделал такого?.. Господи, прости...

Нестор плакал. Плакал от того, что не мог припомнить ни одного эпизода в своей жизни, который мог бы хоть отчасти оправдать честь, оказанную ему при помещении его изображения на банкноты. Стоп!.. Стоп. Нестор с надеждой вспомнил о том случае, когда он утихомирил хулигана в автобусе. Было ведь это, было?.. Может, за это?.. Но, правда, хулиган был слаб и брал своей наглостью, Нестор понимал это, и потом у него в кармане лежал электрошок – как тут не быть смелым?.. И еще – да, в том автобусе ехал ревизор, которого он, Нестор, встречал – и провожал. Легко было усмирить этого идиота-хулигана. Нельзя было ударить лицом в грязь. Тем более, что ревизор всё вычислил, и у него, Нестора, немного оставалось шансов – насчет всего остального... А хулиган-то был из соседнего двора... Его и так скрутили бы в бараний рог – свои, договорные ребята... Нет... Нет... Он был не прав... Он был прав... К черту! Всё было нормально!.. Блин, только вот при чем здесь изображение на банкнотах...

Была ночь. Глубокая ночь. И Нестор, обезумевший, с воспаленными глазами, шатаясь, подошел к супермаркету, работающему круглосуточно. Деньги!.. Он оставил все деньги дома, на столе – деньги со своим собственным изображением. Что будешь покупать? С моими деньгами, на которых я изображен? – да что угодно!.. Нестор, волнуясь, подошел ко входу в супер-

маркет, к банкомату. И трясущимися руками вставил кредитную карту в узкую банкоматную щель. Мое изображение, говоришь?.. А вдруг это приколы, вдруг это издевательство над здравым смыслом, вдруг это фальшивка долбанная! Кто проверит?.. Я проверю! Сейчас, сейчас, наберу только код... Издеваетесь надо мной? Не выйдет... Не выйдет!

Нестор Кенгурюк с замиранием сердца забрал банкноты, послушно выданные банкоматом. Взглянул на них – так и есть!.. Его вновь заколотило при виде собственного изображения. Так, войдем... Войдем в этот долбаный супермаркет, который должен быть обязан мне за то, что я в него лишь захожу...

А может, всё же, я не прав?.. Может, не дело это – испытывать судьбу в первом попавшемся магазине?.. Жизнь... Жизнь – она странная штука, и не каждому дано возвыситься в ней, оставить свой след, сделать ее достойной...

Нестора бросило в жар. Он шел вдоль длинных полок ночного магазина – с металлической корзинкой в руках и вновь, в который раз за вечер, проверял себя – всё своё, что было в нём и что стоило, наконец, проверить.

Банкноты, банкноты, монеты... Вдруг это обман?.. Вдруг это мираж, подделка, фальшивка – как и вся моя жизнь?! У Нестора остановилось сердце. Он верил и – не верил, хотел – и не мог, жаждал – и проклинал себя. Стоп. Остановись, мгновение!..

С полной корзиной продуктов, которые ему были совершенно не нужны, он подошел к кассе. В круглосуточном супермаркете, ночью – да-да, ночь уже вступила в свои права! – не было иных покупателей, кроме Нестора Кенгурюка, и кассирша одиноко ждала у кассового аппарата, а единственный охранник – секьюрити – отошел куда-то, наверное, покурить. Нестор молча выставил перед продавщицей на черную, движущуюся ленту корзинку с покупками. Девушка, дежурно улыбнувшись, посчитала и выбила счёт.

– Девушка... – слегка заикаясь от волнения, сказал Нестор. Ему очень – невероятно – хотелось сыграть, понять, постичь. – Девушка... Тут такое дело... Я получил из банкомата купюры... Не знаю, не знаю... Вы проверьте их – на всякий случай... Чувствую – что-то не то... Если что – вы не думайте! – я тут же заявлю в полицию. Я честный человек. Надо проверить... Надо проверить...

Продавщица, всё ещё улыбаясь, недоверчиво посмотрела на него и приняла ассигнации. Нестор старался подгадать с покупками таким образом, чтобы потратить всю наличность, полученную из банкомата, чтобы ничего – на хрен! – не осталось.

Девушка профессиональным движением пропустила банкноты через аппарат с ультрафиолетовым контролем.

– Всё в порядке! – ещё шире улыбнувшись, сказала она.

Нестора бросило в пот. Всё ещё не веря своему счастью, он продолжал настаивать:

– А вы посмотрите внимательнее... На изображение смотрите... На портрет...

Улыбка сошла с лица продавщицы, и она, уже серьезно, взглянула на бумажные деньги, полученные от покупателя. Нестор внимательно наблюдал за выражением ее лица.

Прошла минута, другая... Девушка молча и сосредоточенно смотрела на принятые деньги. Нестор деликатно кашлянул. Ему очень хотелось узнать результат и тем самым проверить себя. Решить для себя вопрос – да или нет. Быть наконец или не быть. Очень, очень важное дело.

Ему даже не было страшно. Ни чуточки. Нет. Глупости. Он боялся, он не мог пошевелинуться от волнения. Его страшила ситуация, его страшил весь мир...

Девушка-продавщица молчала. Молчание затягивалось. Неловкими движениями Нестор переложил все свои покупки в полиэтиленовый пакет с эмблемой супермаркета и, как-то скособочившись, пытаясь быть незаметным, тихонько скользнул к выходу. Позади него всё ещё сохранялась тишина.

Нестору предстояло пройти довольно большую торговую площадь – целый зал перед выходом из магазина. Днём здесь торговали вспомогательные отделы, ларьки, бутики. Ночью же не было никого. Торговая площадь перед выходом на улицу была залита светом – в расчете на так и не пришедших сегодня сюда ночных посетителей. Не было видно и охранника, вышедшего покурить, да так и застрявшего где-то с сигаретой – увольнять надо таких, и сразу; но, к счастью или к несчастью, руководство супермаркета отдыхало и не ведало, что сию минуту творит ее никогда не спящая охрана.

Двое только оставались в магазине – Нестор и продавщица за кассой, восседавшая где-то сзади, с выручкой на руках.

Нестор, затаив дыхание, осторожно направился к выходу. Он шел и думал, шел и ждал – оставаясь на взводе; каждое мгновение он ожидал грозного, пронзительного оклика продавщицы, которая наконец увидит правду и раскусит всю эту авантюру с поддельными деньгами.

Нестор считал минуты, секунды в душе. Он был почти уверен, что сейчас развеются все чары сегодняшней ночи.

Вот и выход... Продавщица не давала о себе знать. Нестор, которого била крупная дрожь, остановился. Замер. Он отчетливо слышал биение своего сердца – громкое, гулкое: тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Он обернулся – очень осторожно повернул голову, стараясь всё ещё оставаться незаметным, не попадаться никому на глаза. И как бы невзначай бросил взгляд назад.

Продавщица ему была хорошо видна – она сидела невдалеке, в окружении полок с рекламной продукцией, в специальном огороженном уголке, за кассовым аппаратом... Девушка по-прежнему держала деньги в руке – те самые, которые дал ей Нестор. А в другой руке у нее было карманное зеркальце, и продавщица в смятении поочередно смотрелась то в него, то переводила взгляд на зажатые в ладони банкноты. Лицо ее было бледное, встревоженное, в глазах застыл страх.

Нестор сглотнул слюну и шагнул к дверям. Те неслышно, под действием фотоэлементов раскрылись перед покидающим магазин покупателем.

Нестор вышел наружу, на морозный воздух и, весь обессиленный, поднял лицо вверх. Над ним простиралось огромное звездное небо, бесконечное, как мир, видевшее всякое на своем веку.

Нестор вздохнул, и двери за ним так же бесшумно затворились.

Защитник Корана

Я понимаю, ни сейчас и ни в будущем мне никто не поверит. Никто никогда не поверит. И все-таки, я ни в силах больше скрывать эту тайну. Я убежден, я должен рассказать правду. Весь Мир должен знать правду.

Разве кто-нибудь из вас поверит мне, если я скажу, что летом 2011-года я летал в Америку, и был в доме мэра Нью-Йорка, Майкла Блумберга? Естественно нет, учитывая то, что я один из тех простых смертных, которые кое-как сводят концы с концами.

И все-таки кто-то из вас может представить, значит, может быть, и поверит, а, значит, у меня есть надежда...

В рабочей комнате дома мэра Нью-Йорка нас было пятеро: трое священников-евангелистов, мэр Майкл Блумберг, и я, Кыдыров Медер Абзиевич, один из самых простых, но любимых граждан Кыргызской Республики.

- Так вы мусульманин?! – усмехнулся один из священников. - Я, Терри Джонс, тот самый пресловутый Терри, который публично, под прицелом множества видеокамер, сжег Коран. Вы искали меня, да, да, вы искали меня.

Я не стал выражать свои чувства; скажу откровенно, у меня было желание скорее выполнить данное обещание и покинуть мэрский дом.

- Да, я мусульманин! Меня зовут Кыдыров Медер Абзиевич, но для друзей и близких я просто Медер байке, - я предста-

вился так, чтобы как-то чувствовать себя веселее в этом мэрском доме.

Гостеприимный Майкл Блумберг был в восторге от себя; он, словно гений, организовавший ужин с придурком.

- Медер байке, расскажите подробнее, что вы привезли для нашего пресловутого Терри.

У меня в руках был ноутбук – подарок для Терри Джонса.

- Я привез ноутбук для вашего пресловутого Терри. В этом ноутбуке есть пятиминутная видеозапись. Я обещал исполнить просьбу просто-волшебника, и если вы, Терри Джонс, просмотрите эту видеозапись, не отрываясь от начала до конца, значит, я сдержу свое обещание.

Двое священников, которые стояли за пресловутым Терри, держались за руки, нежно глядя друг на друга; их как будто ничто не тревожило, они словно жили в своем блаженном мире. Но Терри Джонс вернул их на землю, наступив им на ноги.

- Простите, Медер байке, вы сказали, какого волшебника? – одновременно вскрикнули два священника.

Это было действительно смешно. Я улыбнулся.

- Просто-волшебника зовут Айбар. У него божий дар – помогать людям, лечить людей, поэтому в Бишкеке все, кто знают его, называют его просто-волшебником.

Мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг, глубоко задумавшись, обнаружил необходимость задать мне дискомфортный вопрос.

- Медер байке, я хочу задать вам один вопрос, почему просто-волшебник Айбар доверил вам эту важную миссию?

Вы не поверите, но мэр был прав! Десятки раз я спрашивал себя: почему Айбар именно меня попросил исполнить его просьбу? Когда однажды я поинтересовался у Айбара, он ответил мне так:

«Я хотел сам встретиться с Терри Джонсом, ибо считаю его больным человеком, которому необходима моя помощь, но я не могу из-за одного священника-евангелиста бросить сотни нуждающихся во мне людей. Я сделал эту волшебную, лечебно-оздоровительную видеозапись специально для него, и убежден, что, кроме вас, Медер Абзиевич, никто не найдет Терри Джонса».

Я не знал, что ответить мэру...

- Я думаю, Айбар никому больше не мог доверить эту важную миссию.

Интерес к личности Айбара возрастал. Терри Джонс, словно детектив, ведущий расследование, начал вести допрос.

- Как давно вы знакомы с просто-волшебником?

- Я видел Айбара всего два-три раза. У меня был творческий кризис. Вот так судьбе было угодно познакомить нас. Последний раз я видел его перед вылетом в Москву.

- О чем еще он просил вас?

- Он просил меня только об одном; он повторял много раз: «Медер байке, уговорите и проследите, чтобы Терри Джонс досмотрел эту видеозапись до конца».

- А вы, Медер байке, видели эту видеозапись?

- Да, видел! И ничего сверхъестественного там нет; те же движение рук, тот же волшебный, лечебно-оздоровительный сеанс.

- Какие движение рук, какой сеанс? Если можно, расскажите подробно?

- Все очень просто! Волшебник Айбар лечит людей таким образом, помогает им. К примеру, у вас мистер Мэр запой, и вы, предпочли сходить на прием к просто-волшебнику. Он посадит вас перед собой и будет двигать руками по-разному: и по вертикали, и по горизонтали, и по диагонали, и будет рисовать в воздухе, перед вашим носом круги, ромбы, треугольники, и будет шептать что-то в течении трех-пяти минут. И все! Когда закончится волшебный сеанс, тяга к спиртному будет полностью ликвидирована. Мистер Мэр, вы будете чувствовать себя превосходно, как сейчас!

- Все ясно! Ничего странного и подозрительного! Может вы, Медер байке, поделитесь откровенно своими наблюдениями?

- Да, было... Когда, я в первый раз вошел в квартиру Айбара, он спросил меня: « Вы ни один из тех, кто готовится выдумать новую религию?» Странное и подозрительное поведение, не правда ли?

- И что вы, Медер байке, ответили ему?

- Я сказал: « Нет! Я один из тех простых смертных, которые кое-как сводят концы с концами!»

Терри Джонс снова усмехнулся. Майкл Блумберг принялся тоскливо разглядывать свои ногти. Двое священников пребывали во взаимовыгодных нежных отношениях.

Наконец пресловутый Терри, оглядевшись вокруг себя, решительно объявил свое мнение:

- Господа-единомышленники, я думаю так: перед нами мусульманин, но не террорист, в его руках ноутбук, но не бомба, видеозапись, но не ядовитое вещество, давайте просмотрим эту видеозапись от начала до конца! Удовлетворим просьбу нашего гостя!

Наконец-то! Я вздохнул с облегчением. Это долгожданное согласие Терри Джонса обрадовало нас всех. Я поставил ноутбук на изящный мэрский стол и открыл видеозапись.

Перед монитором встал пресловутый Терри, справа к нему присоединился Майкл Блумберг, и слева за ними порхали, как голубки, два священника.

Я взглянул на часы: было девять сорок пять по бишкекскому времени. Длительность видеозаписи ровно пять минут.

На мониторе появился Айбар. Волшебный, лечебно-оздоровительный сеанс начался.

Я понимаю, мне никто никогда не поверит. Но я видел это своими глазами.

Как только Айбар начал двигать руками и как обычно что-то шептать, мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг шокировано замер на месте; он был дьявольски напуган. Ужас в глазах Терри Джонса загорелся адским пламенем. Его руки беспощадно вцепились в собственное горло, и я видел, как пресловутый Терри начал судорожно душить самого себя. Что случилось с двумя священниками – стыдно сказать! Но весь Мир должен знать правду! Это было жуткое зрелище! Эти двое, как зомби, начали срывать с себя одежду. Раздевшись до гола, один из них встал за спиной мэра, другой за Терри Джонсом, и они, как сумасшедшие, принялись танцевать ламбаду! Я взглянул на часы: было девять сорок восемь. Все это жуткое зрелище произошло в течении трех минут. Я снова посмотрел на пресловутого Терри; на его лице выскочили волдыри, вдвое больше, чем на руках Ринго Старра. Его руки безжалостно сжимали горло. Пресловутый Терри задыхался. Еще одна минута – и весть о безвременной кончине священника-евангелиста Терри Джонса облетела бы весь Мир...

Я понимаю, мне никто никогда не поверит, но если бы я не захопнул ноутбук в тот момент, пресловутый Терри уже горел

бы в аду! Да, я осознанно захлопнул ноутбук, и прекратил это жуткое зрелище!

«Есть легенда о человеке, которому довелось поговорить с Всемогущим Создателем. Этот человек от счастья не знал, что спросить и задал Создателю такой вопрос:

- О, Всемогущий, что Вы дали человеку прежде – совесть или вечный гуманизм?

На что Создатель ответил:

- Прежде Я дал человеку основной инстинкт, затем вечный гуманизм, затем совесть!»

Да, в тот момент я вспомнил эту легенду и осознанно захлопнул ноутбук и прекратил это жуткое зрелище!

Мэру Нью-Йорка как будто было стыдно за свое поведение...

Два голых священника схватились за одежду...

С лица Терри Джонса исчезли волдыри; он тяжело дышал...

- Миссия невыполнима! – я объявил итог, и поспешил покинуть мэрский дом...

Гудбай, Америка, я возвращался домой, в Бишкек. У меня было одно желание – посмотреть в глаза Айбару.

Он жил в центре Бишкека, в пятиэтажном доме.

Первый подъезд, третий этаж, крутые лестницы...

Я постучал в его дверь.

- Открыто, входите! – я услышал его голос. Я вошел в квартиру. Айбар не ждал меня. Он как будто увидел привидение.

- Вы как будто увидели привидение! Я пришел, чтобы сказать вам: я не из тех, кто готовится выдумать новую религию! Я один из тех простых смертных, которые кое-как сводят концы с концами!

Айбар молчал.....

Я вышел на улицу. Как бы там ни было, а невезучий Бишкек прекраснее всех городов Мира. Я подумал, как жаль, что мне никто никогда не поверит!!!

Талип ИБРАИМОВ

Самый могучий враг

*Человечество
возрождается, смеясь над
своими слабостями*

Автор

Победа – всего лишь слово одно, один выдох, но сколько отчаянных усилий и стойкости духа, горя и слез остаются за ней. Предали кыргызы земле погибших, справили заупокойные тризны, огляделись и призадумались. Уйти в родные кочевья все три рода кыргызов не решились – поредели их ряды и было сомнение: сумеют ли они и врозь и вместе устоять против недремлющих соседей. Не раз ведь бывало, что те, видя, как ослабели кыргызы после очередной битвы с захватчиками, набрасывались и терзали безжалостными шакалами. Пока небо хранило кыргызов, но ведь милость его не бесконечна.

Скрепя сердце, остались три славных рода среди тозокцев, образ жизни которых они терпели раньше в силу необходимости выжить, а теперь с каждым днём раздражал все больше. Вспомнили, между прочим, что тозокцев, как собак паршивых, в свое время изгнали из родных кочевий, и это дало нетозокцам неоспоримый повод для спесивого отношения к ним. Ее проявления поначалу были сдержанными – не забылось, что тозокцы приняли их в лихолетье, откормили, отпоили, в человеческое состояние привели, а потом и врагов помогли разбить. Но постепенно память заросла жиром, как поле сорной травой, и она, то есть эта выпестованная спесь, стала проявляться при всяком

(продолжение, начало романа см. «ЛК» №3, 2011г.)

удобном случае, принимая порой обличия неприличные. Не станем задерживаться на более или менее изысканных формах ее проявлений, для понимания которых потребуется немалое усилие ума, остановимся на самом доступном; например, игнорируя общественные туалеты, могли справить нужду там, где приспичит, а потом спокойно удалиться, считая, что тозокцы обязаны прибраться за ними, раз они не понимают, что на каждую попу туалетов не напасешься. Всякое замечание по таким фактам осквернения общественных мест нетозокцы воспринимали как посягательство на священные обычаи предков. Наш великий предок никогда для свершения этого интимного деяния не запирался в специальный закуток, предпочитая опорожняться под высоким куполом небес, обдуваясь ветрами непринужденной природы.

Тозокцы терпеливо прибирали за ними, не теряя надежды, что нетозокцы со временем привыкнут к нормам цивилизации и начнут стесняться вести себя таким образом. Наивные, не понимали они, что нетозокцы люто ненавидели все то, что касается цивилизации, потому что она, проклятая, отобрала у них возможности быть впереди всех. А какой кыргыз откажется от того, чтобы, не напрягаясь, погарцевать в роли первого? Пускай незаслуженно, зная, что незаслуженно, зато все видели, слышали! За счастье хоть пять минут прожить в центре общего внимания можно ведь, не колеблясь, жизнь отдать. Естественно, что после таких высоких жизненных установок, кто захочет горбатиться над чужеземными премудростями, как эти жалкие тозокцы. Не сберегли они хоть капельку первородной гордости, чтобы подняться до осознания простой истины: самые верные знания – свои, знакомые с детства по запаху, вкусу, цвету.

Как мы упоминали однажды, греки, персы, арабы и китайцы несколько сот лет тому назад в слезах покидали киргизские кочевья. Так вот, оказалось, они не уехали насовсем, а осели в долине Тозок, наладили связи со своими историческими родинами, и таким образом стали причиной всех перемен в жизни тозокцев. Понавезли ученых всех мастей и повадок, выучили тозокцев, словно ручных мартышек, и те вообразили, что они – самые умные кыргызы, теперь вот носы от нетозокцев воротят. Ничего, время покажет, кто самый умный, и отсохнут, отвалиться без вся-

ких оснований задранные носы. Изгои есть изгои, и никакие знания не облагородят их. Дайте только срок, и над заблудившейся в тумане толпой засияет звезда прозрения.

Похоже, что этот срок настал, когда греки, арабы, да еще китайцы вдруг наперебой заговорили о великом эпосе «Манас», доказывая упомянутое величие, приводили сложные соображения, которых нетозокцы не понимали, но, чтобы цитировать и хвастать, выучили наизусть. А сами ценность эпоса, особо не мудрствуя, перевели на свои мерки: «Манас» в двадцать раз длиннее того-то, в сто раз того-то и его надо сказывать не день, не два дня и даже не месяц, а целых полгода. У кого горло такое луженое, зад такой железный, чтобы полгода, не сходя с места, эпос сказывать? Тигр или лев, самые могучие из зверей, без передышки не прорычат даже несколько дней, свалятся замертво, захлебываясь в кровавой пене.

Тозокстан, как и в давние времена, переполнился манасчи. . Такому чрезвычайно романтичному субъекту, как кыргыз, глупо наполевать, что будет со страной, если половина жителей в течение полугода будет сказывать эпос, а другая половина слушать их, потом поменяются ролями, и все это будет продолжаться до тех пор, пока все не передохнет с голоду или не налетят и не перебьют их какие-либо лиходеи.

Вождь тозокцев с тоской наблюдал, как народ, слушая манасчи, впал в эпидемию ненасытного самодовольства. И вспомнил он слова своего деда, великого Талкана: «Манас» – это самое значительное, что сотворили кыргызы за свое пребывание на земле. Неиссякаемый источник духа. Для других – это сказка. И когда мы начинаем хвастать эпосом, мы сами собственной волей лишаем его сокровенного значения в нашей жизни, превращая в сказку. В руках дураков наш «Манас» превращается в заговор, в колдовство для оглупления. Вспомнил также изречение не то китайского, не то персидского царя древних времен: «Кыргызов не испугаешь воинственными криками, они не побегут под натиском превосходящих сил, они отважны в бою, выносливы в беде. Есть у них одна слабость: они беспомощны перед лестью. Выдай один комплимент – они начинают таять, и, чтобы оправдать комплимент, начинают поступаться своими принципами, выдай два комплимента – они превращаются в слепцов:

веди их, куда хочешь, делай с ними, что хочешь. Выдай три комплимента – они начинают сходить с ума.

О себе начинают думать и говорить только в превосходных степенях. У них самый великий эпос, самый великий язык, у них самое великое будущее, и даже естественные выделения организма у них самые замечательные в мире».

Вождь тозокцев понял, что его народ у порога третьей стадии. Ещё немного и будет поздно. Позвал он Медера-манасчи, который в отличие от своих коллег был предрасположен к размышлениям.

- Что будем делать? – спросил вождь, кивая налево, потом направо. И там и там в окружении людей закатывались в речитативе манасчи.

- Я сочинил новый эпос, – сказал Медер.

- О, боже мой! – испугался вождь.

- Это не то, что ты подумал. Мой эпос можно рассказать за два часа. Он такой же увлекательный, как «Манас». Так что люди смогут и жить, и работать, и в свободное время упиваться патриотизмом.

- Ты не преувеличиваешь?

- Ты сам сможешь оценить. Слушай!..

Медер, не торопясь, начал сказывать свой эпос.

Рождение Эр-Тештюка

Это было давным-давно, так давно, что можно принять за небывль или сказку. Человек ведь недоверчив, верит только своим глазам, а время уносит людей, выветривает память.

Издrevле кыргызы жили среди гор, которые, скрывая горизонты, создавали у них иллюзию о своей избранности. Некогда жил, веря в свою незаурядность, бай Элеман. Было у него восемь сыновей, были у него тучные стада — отрада всей его жизни. Сыновья пасли овец, лошадей, наращивая богатство, а Элеман в кожаные мешки складывал альчики, ведя счет количеству поголовья. Родится ягненок или жеребенок — ложился в мешок альчик¹. Стояли возле юрты семь громадных мешков, переполненных альчиками.

¹ Альчик - коленная косточка овцы или козы, используется в играх

Любимое занятие Элемана — считать, пересчитывать альчики. Опрокинет мешок, рассыплет альчики, потом сидит и с блаженной улыбкой, считая, опять складывает в мешки. И не было в его жизни большей радости, чем сидеть вот так, считать-пересчитывать.

А сыновья что? Обуза одна, единственное утешение — не надо никого пасти стада и отары нанимать. Так и перемогали дни и ночи сыновья, носясь по горам, по долам за овцами, лошадьми, не признающими порядок, а ночами стеречь их от волков, тигров и прочих охотников на чужое добро. А в благодарность вечно подозрительный взгляд отца, который жил в твердом убеждении, что все норовят обмануть его.

Сыновья, грязные, обросшие, бродя за стадами, сами медленно и неотвратно превращались в разновидность животных. Бывало, старуха-мать, крадучись, пытается приласкать, причесать кого-либо из сыновей, как раздавался грозный крик отца и удар плетью.

Так что, со временем сами сыновья, страшась наказания, стали не откликаться на ласковые призывы матери. И старуха, видя, что дети избегают ее, сама стала отвыкать от материнского чувства.

За общий достархан сыновей не садили, кормили объедками, да тем, что оставалось. Бывало, ест-давится Элеман, да бросает недоеденные куски мяса, недообглоданные кости за спину, а там сразу куча-мала. Элеман ел так много, что объедков хватало на всех, но все равно, драка за объедки была постоянной. Не раз случалось, что лежат вповалку, наевшись от пуза сыновья, а Элеман все ест, да бросает за спину недообглоданные кости, а драться за них некому. Лежат, осоловелые, двинуться лень. Протянется рука, чтобы поднять кость, да на полпути обмякнет безвольно. Но краток час блаженства, Элеман, наевшись, пинками поднимал детей, гнал к стадам.

Вот так жили-поживали Элеман, старуха и сыновья, и казалось, что так будет всегда.

Однажды утром проснулся Элеман и обнаружил, что сыновья исчезли. Стада пасутся сами по себе, а грозных окриков, да посвистов сыновей не слышно. Объехал он горы, долины — никого нет. Показалось ему, что и половины стад тоже нет. Стал он счи-

тать-пересчитывать. Потом бросился к юрте, опрокинул мешки с альчиками, чтобы узнать количество потери. Считает, пересчитывает альчики Элеман, сбивается со счету, опять начинает пересчитывать. Много дней и ночей считал-пересчитывал. Тем временем несчастная старуха обошла горы, доли и, не находя сыновей, слезами горячими умывалась. Доплелась старуха до юрты родной, а там Элеман альчики с места на место перебрасывает. Набросилась старуха на мешки, опрокинула их, да давай с диким криком хватать альчики да метать их в разные стороны.

- Проклятый старик! От тебя вся беда. Ты любил лишь свои стада, дети для тебя ничего не значат. Тебе дороже скот! Кто нас похоронит, кто нас оплачет, кто продолжит твой род?

Бросился Элеман к старухе, стал ее унимать, и между делом альчики собирать. Только вдруг догнал сознанием помутившимся слова старухи своей несчастной: «Кто продолжит твой род?», и затрясся, и заорал истошно, и тоже начал метать в разные стороны альчики.

Разбросали они альчики, обнялись и заплакали. Потом взяли за руки и пошли куда глаза глядят. Не все ли равно куда?! Будут идти, идти, пока их не догонит спасительница-смерть.

Шли день, шли ночь, набрали на гору. Повернули, пошли, опять набрали на гору. Полезли в гору, помогая друг другу: какая разница, где умирать, а одному или одной и умирать страшно. Лезли по кручам, выбились из сил, легли под сенью отвесной скалы, надеясь не проснуться. Ночью поднялся страшный ураган, с воем вырывался из ущелий, летел в небо, потом падал на горы. Казалось, мир перевернулся, земля и небо поменялись местами. Подхватил ветер Элемана со старухой, закрутил, завертел и унес в непроглядный белый мрак.

Проснулся утром Элеман, огляделся. Светило солнце, горизонт просматривался на все три стороны, а на четвертой – вдали, громоздились горы. И почти рядом увидел старуху. Она лежала, открыв рот. Когда Элеман глянул на нее, из ее рта вылетела бабочка. Зигзагами бабочка пропорхала ввысь, Элеман проследил за ней, пока душа старухи не растаяла в небе, потом, тяжелея сердцем, подошел к старухе, опустился на колени, заплакал: «Зачем ты одна ушла в мир иной, не подумала ты, что станется со мной. Не уйду отсюда никуда, умру, обнимая тебя».

Элеман лег рядом с ней, судорожно обнял ее и, всхлипывая, закрыл глаза. Мрак, беспроглядный мрак, скоро и он уйдет туда, в этот блаженный мрак.

- Пусти! – истошный вопль старухи разнес вдребезги бедную фантазию Элемана.

- Живая? – вскрикнул он.

- Живой! – вскрикнула она.

Они вскочили, озираясь.

- Лучше бы мы умерли! – сказал он.

- Легко хочешь отделаться! – сказала она. – Сумел стать подлым, изволь терпеть.

- Меня есть за что наказать, а тебя за что?

- За то, что отреклась от материнского долга. Это грех пострашнее твоего... Пошли!..

Она двинулась вперед. Он за ней. Через некоторое время он догнал ее и они, шагая рядышком, двинулись в глубину знойной пустыни.

Брели старик и старуха по пустыне, по краю моря, по горам, удивляясь бесконечности поднебесного мира. Набрели на диковинный город, где дома, ложась друг на друга, высились подобно скалам, и на выступах между домами цвели диковинные растения и деревья. По улицам бродили веселые, нарядные люди и, поскольку старик и старуха исхудали, пообносились, люди, принимая их за нищих, давали им хлеб и твердые маленькие кругляшки. На просторной веранде сидели дети и слушали мужчину, который водил крохотным брусочком по плоской доске, оставляя за собой диковинные знаки. Мужчина, указывая на эти знаки, что-то говорил, а дети повторяли за ним эти слова. Старика и старуху поражали отношение взрослых к детям. Их водили за руки, ласкали и вели себя так, как будто эти недоноски — самые главные люди на земле. Вот один недоносок заплакал, упал на землю, да сучит ногами, выпрашивая что то. Нет бы, дать ему пинка под зад, так нет же, мать суетится над ним, что-то ласково лепечет, слезы вытирает. А отец застыл над ним в молитвенной позе, предлагая ему то одно, то другое. Повсюду встречались им люди, которые что-то писали или учили слова. Старик и старуха, как бы ни были они недоразвиты, догадались, все-таки, что этими знаками обозначали слова.

- Вот бы нам научиться! – сказала старуха,

- Зачем? — сказал Элеман. — У них слабая голова, вот и пишут, чтобы запомнить. А у нас сильная — миллион слов запоминаем.

Старуха не нашла, чем крыть, и они двинулись дальше

Чудный город остался позади, впереди пустыня и багровый диск солнца. Набредли на еще более чудное место — на земле высились громадные наконечники пик, а рядом строились еще и еще. Тысячи людей, как муравьи, сновали туда-сюда, громадные камни медленно ползли вверх.

Обратили внимание старик и старуха, как здесь бережно относятся к старым людям. Вот один несет мать за спиной, другой катит отца в коляске, то и дело останавливаясь, чтобы вытереть его вспотевшее лицо. Поняли они, что наконечники строятся в честь родителей — видели как вносили покойного старца в разверзлый зев нижней части наконечника, и тысячи женщин в черных платках плакали, ломая себе руки, царапая себе лица. А на возвышении стоял молодой вождь, суровый и гордый.

- Никто нас не похоронит, никому мы не нужны! — заплакала старуха, и Элеман повел ее прочь, надеясь, что дорога развеет ее горе.

Встретилась им в пустыне колонна людей, которых вел могучий бородатый старик. Люди шли, бормоча что-то, отрешенно глядя себе под ноги. Старик и старуха хотели было присоединиться к ним, потому что им пришлось по душе смиренная сосредоточенность этих людей, но бородатый вождь сказал им:

- У каждого народа своя дорога. Ищите свой путь!

- А вы куда? — спросил Элеман.

- Куда глаза глядят, — отвечает вождь.

- И долго вы будете идти?

- Пока все не избавятся от старых привычек.

Долго глядели Элеман и старуха на удаляющуюся колонну людей

- А у нас какие привычки? — спросил Элеман

- Жрать, воровать, хвастаться, — сказала старушка.

- Вот повести бы свой народ, чтобы избавиться от мерзких привычек! — вздохнул мечтательно Элеман.

- Ленивые мы — никто не пойдет.

Солнце палило, не жалея себя. Голодные старик и старуха набредли на чудное дерево с громадными плодами. Сколько ни

старались старик со старухой, не смогли они залезть на дерево, чтобы сорвать хоть один плод. Сколько ни трясли — ни один плод не упал. Обессилев, они уснули под деревом.

Какой-то странный шорох разбудил ночью Элемана. Осторожно открыв глаза, он увидел, как плоды друг за дружкой сбегают с дерева и затевают разные игры: прыгают, гоняются друг за другом, а то собьются в кучу и поют ангельскими голосами. Изловчился Элеман и схватил два плода, остальные дружно взбежали по стволу и закачались на ветвях. Элеман жадно проглотил один плод, второй поднес было ко рту, но передумал. Разбудил старуху и дал ей плод. Старуха, чавкая, принялась есть. Старик, чтобы не дразнить себя, отошел. Когда он вернулся, то увидел вместо старухи молодую красивую женщину.

- Какой ты стал красивый! — сказала она.

- Какой ты стала красивой! — сказал он

Она, радостно засмеявшись, побежала в ночь. Он за ней. Ночь спрятала их, слышался только смех — мужской и женский, вперемешку с невообразимо сладострастным пением диковинной птицы.

Утро настигло их в пути. Шли по горам, по пустыням помолодевшие Элеман и его жена. Чем дальше они шли, тем больше становился живот старухи. Он понес ее. Через реки, через леса, через горы. Внес как самую драгоценную ношу в свою юрту на зеленом холме на берегу белопенной речки.

Стояла юрта, краса и гордость кыргызов, стояла, будто позируя, и вдруг окрестности потряс пронзительный плач новорожденного, потом из юрты вышел сияющий Элеман. Сложив рупором ладонь, прокричал он в мир безбрежный:

«Сын! Сын родился! Эр-Тештюком наречем его! Да прославит он род наш!»

Сватовство Эр-Тештюка

Надо ли говорить о том, как безмерно были счастливы старик и старуха. Сын рос не по дням, а по часам, еще в младенчестве показал он свою недюжинную силу. Нес однажды, сюсюкая как обычно, Элеман сына своего, а младенец хватить одной ручкой за ветку дерева, да ухватился крепко — не отпускает, сколь-

ко ни старался отцепить Элеман его ручку. А потом раз — и Элеман почувствовал, как его ноги оторвались от земли. Заорал он, не отпуская сына, прибежала старуха, ухватилась за ноги Элемана — и тоже взлетела в воздух. А младенец что, ручками ветки перехватывает, да все выше, выше родителей поднимает. Слава Богу, ветка одна, не вынеся тяжести, сломалась, и они сорвались вниз. Старик охает, старушка охает, встать не могут, а малышу хоть бы что — хохочет над трагическими ужимками родителей. Старик и старуха с умильными рожами подползли к сыну, и Элеман с пафосом произнес:

- Нет на свете храбрей тебя, Тештук,
- Нет на свете сильнее тебя, Тештук,
- Нет на свете умнее тебя, Тештук.

Это что — цветочки, ягодки начались потом. Не стало жизни детям всей округи от буйного и сильного Тештюка. Играют, бывало, дети в альчики, и Тештук вместе с ними, казалось бы — все хорошо, идиллия полная, но вот — не дай Бог, кто-то возразит ему, иль попробует доказать свою правоту. У Тештюка один ответ — удар легонький, попробуй заступиться за бедолагу — тебя ожидает то же самое. Случалось, лежат то там, то тут игроки, лежат альчики, и Тештук один тоскливо озирается — не с кем играть.

Дальше — хуже. Едет, бывало, по аилу Тештук, так все прячутся. Ни приведи господь попасться ему на глаза. А Тештюку что, едет, грудь надувает, да поет:

- Нет на свете храбрее меня,
- Нет на свете умнее меня...

Скучно стало Тештюку среди людей, полюбил он охоту. Гонялся он по горам, по долам за дичью, да разил их, руку и глаз набивал. Погнался он однажды за ланью молниеподобной, невообразимо красивой. Стрелы, будто не осмеливаясь поразить красоту, взмывали то ввысь, то ныряли вниз, да и скакун, жмуря глаза, стал спотыкаться. Но у Тештюка азарт разгорается, стрелу за стрелой пускает, коня неверного погоняет. Только исчезла лань, словно в воздухе испарилась. Едет дальше Тештук, недоумевающий, и вдруг перед ним открылась чудная долина, рекой опоясанная, лесами, как бахромой, прошитая, а посреди долины этой скала возвышалась, а на вершине скалы дворец, зубчатыми сте-

нами огороженный. А вдоль стены по саду ходит девушка красы невиданной. Движения, жесты были полны грации, свидетельствуя о тонкости душевной, о существовании которой Тештук не подозревал. Он вмиг очаровался ею и остро почувствовал свое несовершенство. Чтобы стать лучше, он должен жениться на ней. Он не может жить без нее. Эр-Тештук стал спускаться в долину, чтобы потом подняться к поразившей его воображение красавице. По дороге увидел всадника, который бился головой о громадный камень, другой бился головой о дерево, пугая птиц, а третьего он едва успел спасти, перерубив веревку, на которой тот вешался. Но, вскочив, недоповесившийся бросился вниз со скалы.

- Что тут творится? Почему люди себе лбы расшибают? – спросил Эр-Тештук у встречного всадника.

- Они добивались руки Кенже, дочери Сарыбая, но не смогли ответить на ее вопросы.

- А ты почему не добиваешься?

- Я ее не заслуживаю, – сказал всадник и проехал мимо.

- А я заслуживаю! – вскричал Эр-Тештук. Он не мог представить себе, что существует на свете нечто такое, чего бы он не заслуживал. Разогнав коня, взлетел на холм напротив башенки на крепостной стене, с которой Кенже задавала вопросы претендентам.

Вблизи она оказалась еще более прелестной. Он гарцевал напротив, пучил глаза и не знал, что говорить, что делать.

- Кто ты, витязь прекрасный? – спросила она.

- Я Эр-Тештук, нет никого храбрее меня, нет никого сильнее меня, нет никого умнее меня!

- Начало многообещающее, – улыбнулась она, – но не кажется ли тебе, что гонишь семь паршивых коз, а свист твой землю разрывает?

- Нет, не кажется. В этом мире только я достоин тебя! Я — Эр-Тештук!

Он орлом смотрел на нее, а она опустила глаза, задала свой первый вопрос:

- Сколько дней идти от востока на запад? – спросила она.

- Один день — солнце утром восходит на востоке, вечером закатывается на западе.

- Какое расстояние между небом и землей?

- Расстояние между небом и землей равно расстоянию между бровями и щекой. Глянешь вверх, чтобы увидеть брови

— увидишь небо, глянешь вниз, чтоб увидеть щеку, — увидишь землю.

- Что на свете всех жирнее?

- Земля. Всех кормит, не истощаясь.

Кенже пристально глядела на Тештюка, непонятно, то ли смертельно очаровалась, то ли с той же силой разочаровалась. Эр-Тештюк, привыкший ко всеобщему обожанию, предположил первое.

- Я посылаю сватов! Я жить не могу без тебя!

- погоди! — остановила она его движением руки.

- Ты обманула меня! Ты обманула всех этих несчастных! — вскричал Эр-Тештюк, поднимая коня на дыбы и указывая на ближние предгорья, где бились о камни здоровенные мужики.

- Не горячись, ты и в самом деле самый достойный. Но есть у меня в сердце одна заноза — если ты ее не вынешь, то она будет отравлять нашу жизнь.

- Какая заноза?! Будь она проклята!

- У тебя восьмеро братьев. Почему ты не ищешь их? Какой же ты мужчина, если тебе честь семьи не дорога.

- Восьмеро братьев?!

- Об этом знают все.

Тештюк стеганул коня и помчался вниз. Потом взлетел опять вверх и умчался, оставляя столбы пыли.

Лежал возле юрты Эр-Тештюк в великом горе. Элеман заходил с одной стороны — сын отворачивался, с другой стороны — опять отворачивался. Мать принесла миску с едой, он не глянул даже на нее. Стояли на земле рядом груды мяса, мисок с нетронутой пищей. Плакал старик, причитала старуха, а Тештюк лежал как неживой.

- Мы не говорили тебе, потому что боялись, что ты уйдешь их искать и тоже пропадешь, — сказала старуха.

- Если солнце погаснет, что с белым светом станет? Если уйдет последний сын, что станет с нами? — причитал Элеман.

- Вы только о себе думаете! — Вскочил Эр-Тештюк. — А я, не зная о них, героя из себя корчил! Собирайте меня в дорогу! Я их найду живыми или мертвыми. Лучше смерть, чем жизнь в позоре.

И поехал по свету Эр-Тештюк, ведя за собой верблюда с поклажей. Едет день, едет ночь, едет месяц, едет другой. Через горы, через леса, через реки бурные, через топи непроходимые.

Однажды остановился он на гребне горы, чтобы передохнуть и оглядеть местность. Несколько странных заросших созданий, впрочем, чем-то похожих на людей, рассыпавшись полукругом, гнали стадо архаров вверх по ущелью. Одно из этих созданий было совершенно седым, трое других — с более или менее обширной проседью, а четверо были черноволосы и более подвижны. Они изредка пересвистывались, видимо, координируя свои действия. Вдруг там, где горловина ущелья сужалась и куда спешили преследуемые архары, из засады выскочили волки и начали терзать архаров. Подбежали странные создания и, взяв пару туш, на что волки не возражали, понесли в сторону редкого леса. Было видно, как они разожгли костер под треножником. Когда Тештюк подъехал к ним, они сидели полукругом и обгладывали кости. Они смотрели на подъезжавшего Эр-Тештюка со страхом и удивлением.

- Мир дому вашему! – приветствовал Эр-Тештюк.

Они, переглянувшись, кивнули.

- Кто вы такие, из какого рода-племени? – спросил Эр-Тештюк.

Седой глянул на полуседого, полуседой на с проседью, с проседью на черноволосого, а тот еще дальше, а последний, поскольку кивать было некому, ответил:

-Из рода кыпчаков, отец наш Элеман. От него не слышали доброго слова, поэтому мы ушли и живем сами по себе.

Тем временем подошли восемь волчиц и, усевшись подальше от костра, наблюдали за происходящим.

- Он каждый день вспоминает вас и плачет. – сказал Тештюк.

- А ты откуда знаешь? – спросил молодой после привычного переглядывания.

- Я тоже сын Элемана, брат ваш! – сказал Эр-Тештюк, раскрывая объятия и ожидая, что братья бросятся к нему.

Но братья, как всегда, переглянулись, потом каждый стал по очереди подходить к Эр-Тештюку, и обнюхав его со всех сторон, уходить на свое место.

Потом подошли волчицы и, обняв Тештюка, сели рядом с братьями: возле каждого брата — волчица. Тештюк в реке помыл братьев, обстриг их, одел в одежды, взятые из тюков, что на верблюде. Волчицы сидели на холме у берега и тоскливо глядели на неузнаваемо изменившихся братьев.

Караван во главе с Эр-Тештюком уходил к горизонту. Братья ехали, оглядываясь и плача. На гребне горы сидели волчицы и, плача, глядели вслед уезжающим братьям. Караван скрылся за горизонтом. Волчицы на гребне горы подняли морды к равнодушному небу, завывали – и родился плач по потерянной любви.

Взлетел на холм напротив башенки на крепостной стене Эр-Тештюк. Встретились глаза Тештюка и Кенже.

- Хоть я и дурак, но жить не могу без тебя! – сказал Эр-Тештюк.

- Присылай сватов! – сказала Кенже и, открыв клетку, выпустила на волю белоснежных голубя и голубицу.

Небо. Синее, бездонное. А в нем, кувыряясь, повисая, парят голубь и голубица, ощущая, что весь мир создан для них.

Душа народа

И двинулся караван сватов с калымом, подарками во главе с Элеманом к крепости Сарыбая, отцу несравненной Кенже. Хоть и считался соседом недалчим, все равно неделя-другая пути.

Семь дней, семь ночей шел караван, и погода была ясной, как благие помыслы, и явление каравана было праздником для мест, по которым он проходил.

Трубили зурнаи, бил барабан, щебетали флейты, когда открывались ворота, и караван торжественно проходил в крепость Сарыбая. И по алой дорожке, настеленной на земле, спешил навстречу сватам Сарыбай со свитой. И сказала Кенже отцу, Сарыбаю, когда они уединились перед отъездом к жениху:

- Отец, не надо мне в приданное ни табунов лошадей, ни отар овец, дай мне коня Чал-Куйрука, дай мне оселок волшебный и дай мне чайинги² непробойную, чтоб мужа сберечь!

Сарыбай задумался, засопел: любил он Чал-Куйрука, на

² Чайинги- панцирь

любые стада не променял бы, любил он и дочь — никуда бы не отпускал, но, увы, девочкам замужество суждено. Сказать «да» не хватает сил, стоит бедный, сопит, а Кенже как былинка дрожит. Такое мать снести не могла, и Чал-Куйрука привела.

Ехал Элеман с невесткой, ехал недовольный, хотя и пытался скрыть это. Сам от природы жадный, не чаял, не гадал, что есть на свете люди жаднее его. Пригнал отары, табуны, а назад — с одной клячей. Какой бы конь ни был необыкновенный, все равно один. Вот потешатся, поиздеваются над ним люди! От расстройства он сбился с пути. Глянь — местность неизвестная. Здесь птицы не летают, кузнечики не сверчат, лягушки не квакают. Остановились на привал. Пока разжигали костер, чтобы согреться и сварить пищу, Элеман решил оглядеть окрестности. Шел по высоким травам, как по лесу густому, вышел к реке, вода в которой была черной и, пугая, мерцала, как глаза убийцы в ночи. Увидел, как приближался, покачиваясь на волнах, голубой шар, опоясанный несколькими полосками, которые блистали алмазами и золотом. Возбудилась алчность Элемана, изловчился и, проткнув пикой шар, подтянул его к берегу. С шипением буря вырвалась из шара, подбросила Элемана в воздух, и не успел он опомниться, как оказался оседланным семиголовой ведьмой, которая уселась на его шею и торжествовала. Одна голова — центральная, подпрыгивала, изображая триумф, три головы, изгибаясь, подгоняли прутиками, зажатými в зубах, норовя хлестануть по пяткам и лодыжкам, а три головы наперегонки издевались, заглядывая в глаза, показывая язык, скаля зубы. Помчался Элеман, выкатывая обезумевшие глаза.

- Отпусти, ведьма высокородная, оплот добра и милосердия! — взмолился он.

Захотели все семь голов на все лады, на все позы.

- Оплот добра! Ха-ха-ха! — сказала одна голова.

- Дурак-дураком, а соображает как купить! — откликнулась другая.

- А давай купимся, и сделаемся добрыми! — поддержала третья,

- А как? — спросила четвертая.

- Давай спросим его? — подхватила пятая.

- Эй, слушай, как стать добрым? — шестая.

- Отпустите меня! — сказал Элеман

- Ладно, мы будем добрыми, а что ты нам сделаешь? – спросила одна из голов.

- Я все свои отары отдам! – сказал Элеман.

- Да плевать нам на твои отары, когда весь мир наш! – сказала другая голова.

- Я восьмерых своих сыновей отдам! – сказал Элеман

- Зачем нам твои дурачки, мы сами такие! – сказала третья голова.

- Эр-Тештюка отдам!– выдавил из себя Элеман.

- самого сильного, самого умного! Он же гордость кыргызов!

- Жизнь дороже гордости, ха-ха-ха! – не унимались головы.

- Стой! – крикнула центральная голова. – Пускай передохнет. Мертвый он нам ни к чему.

Вздыхая с притворным сочувствием, головы подождали, пока Элеман отдышится.

- Ты нам оселок отдай! – сказала центральная голова.

- Какой оселок? – удивился Элеман.

- Он в сундуке твоей невестки... И оставь в золе очага.

- Что за чудо оселок, если он дороже всех моих сыновей? – спросил Элеман.

- Тебе не понять, – ответила центральная голова.

- Ну да, я же самый слабоумный!

Головы засмеялись, а центральная усмехнулась.

- Ты еще в состоянии иронизировать? Может, не все мозги выбило? Так вот, вникни: в этом оселке честь народа.

- Чья честь? Народа? – Элеман закатился смехом, который он не мог удержать, остановить, несмотря на недоуменные и осуждающие взгляды всех семи голов.

- Какая у него честь, если он готов продать все, что угодно за пару баранов?! – сказал Элеман.

- Короче, ты согласен? – прервала его центральная голова.

- Да!

Между тем, в лагере, где остановился караван, горели костры и вокруг них кучковалась челядь. Тревожно было Кенже. Она отошла от костров, не решаясь идти вглубь высоких трав. Вдруг из зарослей вынырнул с победоносным видом Элеман.

- Куда вы запропастились? – спросила Кенже.

- Да тут чудовище, вроде дракона, напало. Кожа как железо.

- Вы убили его?

- Да, только меч вот затупился. Дай оселок, подточу. Мало ли кто еще в пути встретится.

Кенже, сомневаясь, глянула на Элемана, но отказать не решилась.

- Уезжать надо поскорее, – сказала она.

- Дай оселок!

Слуги суетились, собираясь в путь.

Кенже уже сидела на верблюде, а Элеман все водил оселком по лезвию меча. К нему подвели коня. Элеман глянул на караван: Кенже и ее свита уже трогались в путь. Элеман сунул оселок в золу костра и с помощью джигита сел на коня. Поскакал, чтобы занять подходящее ему место во главе каравана.

Семь дней и семь ночей гуляли свадьбу Эр-Тештюка и Кенже. На зеленых лужайках между белоснежных юрт бесчисленными кругами разбросались люди. Ели, пили, веселились. Молодежь резвилась на качелях, соревновались в стрельбе из лука, в борьбе, козлодрании, а там птицей полетела на коне девушка, за ней коршуном — джигит.

Сорок казанов неумоимо исходили паром, бесчисленные молодухи сновали между гостями, обслуживая и обхаживая, и ходили от юрты к юрте Эр-Тештюк и Кенже, как две звезды, гостям кланяясь, благословение получая.

На восьмой день плачет -сокрушается старый Элеман:

- Старый, я стал, забывчивый я стал, оселок волшебный в дороге я потерял!

Застыла Кенже, ни жива, ни мертва. Обвинять свекра — язык не поворачивается, себя во всем винит. Тяжесть потери душу грызет.

- Я чувствую, что оселок ведьма семиголовая нашла. Не сдобровать нам!

- А что может сделать нам эта старая карга? – спросил Элеман.

- Подлость и ложь будут почитаться, правда и справедливость изгоняться. В этом оселке — честь народа!

- Я найду оселок! – сказал Тештюк!

- Не надо, сынок! Пропадешь без следа! Одолеть чудовище не в силах простому смертному! Есть у тебя красавица-жена, отец и мать, несчитанные стада. Живи и радуйся жизни! Какое нам дело до народа? – падая на колени перед сыном, сказал Элеман.

- Отец, не унижай себя! – поднял отца Тештюк. – Какая может быть честь среди лжецов и подлецов? Какой может быть слава среди трусов и ничтожеств? Я не хочу такой жизни. Я верну оселок!

Кенже подошла к мужу, вышла с ним из юрты, подвела к Чал-Куйруку.

- Вот тебе Чал-Куйрук. В дороге тебе верный друг. Одень чайинги, защитит тебя от меча и огня. Спрячь алычк волшебный — пригодится не раз. Да хранит тебя моя любовь!

И поехал по миру большому Эр-Тештюк, чтобы найти семиголовую Джельмогуз. Не видали ее, слышали только о ней. И по слухам представляли ее старухой одинокой, на разные ухищрения мастерицей.

Эр-Тештюк, грозно оглядывая места, где проезжал, притомился, но воинственного вида не утерял. Увидел однажды на бугре старуху, застывшую как каменное изваяние. Разогнал он Чал-Куйрука, как вихрь предстал он перед старухой.

Я Эр-Тештюк — сын Элемана,

Нет никого храбрее меня,

Нет никого сильнее меня,

Нет никого умнее меня!

- О, кокуй! – перепугалась старуха. – Какое мне дело кого ты сильнее!

- Что ты здесь делаешь? – грозно вопрошал Тештюк.

- Я за внучатами присматриваю.

Только теперь заметил Тештюк, как ниже по склону, прыгая с камня на камень, резвились детишки, мал-мала меньше.

- Так ты не Джельмогуз³?- спросил Тештюк.

- Какая я тебе Джельмогуз? Сам ты Джельмогуз! Я мать пятерых сыновей, семерых дочерей, бабушка 30 внучат! А ты мне Джельмогуз! Да я тебе все волосы повырываю! Глаза выцарапаю!

³ Джельмогуз - ведьма

Старуха вскочила, намереваясь исполнить обещанное, но Чал-Куйрук унес Тештюка от ее праведного гнева.

Помчался по степи Чал-Куйрук и, то опуская, то вскидывая голову, закатываясь от смеха. Поразился Тештюк, прыгнул на землю, по холке коня похлопывает, гадая, что могло бы с ним случиться.

- Да не хлопай ты меня! – заговорил вдруг Чал-Куйрук, чем поверг Тештюка в еще большее изумление.

- Ты умеешь говорить?

- Ты настолько глуп, что у меня язык прорезался! Самодовольный дурак! «Нет никого сильнее меня, нет никого умнее меня, нет никого храбрее меня!», – передразнил Чал-Куйрук Тештюка. – Может, ты перед каждым кустиком будешь хвастать? Если так пойдет дальше, убьют и тебя, и меня. Я тебе научу, как вести себя. Чего застыл, как камень? Пошли! Слушай и запоминай!

Пошли по степи Тештюк и Чал-Куйрук рядышком, как два закадычных друга.

Чал-Куйрук непрерывно что-то говорил, жестикулируя – то вставал на дыбы, то гнул шею к земле, то ложился и вскакивал.

А потом сел на Чал-Куйрука Тештюк, и помчался конь, убыстряя свой бег, и в какое-то мгновение оторвался от земли, и выросли у него крылья. Летел Тештюк над землей родной, красоте ее удивляясь. Мимо проплывали облака, ветер свистел в ушах.

На выжженном плоскогорье опустился Чал-Куйрук на землю. Видит, сидит на бугре старуха Джельмогуз, шесть голов под платком скрыты, видна только одна — центральная. Ийреком⁴ шкуру тигриную обрабатывает. Пасется неподалеку могучий во-роной конь.

- Бог помощь, бабушка, поклонился Тештюк.

- Ступай себе мимо, милоч!

Краем глаза заметил Чал-Куйрук оселок, что выступал из-под подола и кивнул на него Тештюку.

- Что-то, бабушка, уж больно сердитая ты.

- А чему мне радоваться? Вот съела одного тигра, а все равно голодная. Может быть, и тебя съест?

⁴ Ийрек - инструмент для обработки кожи

- Ой, бабушка, кто у тебя за спиной? – вскрикнул испуганно Тештюк.

Оглянулась Джельмогуз, и в это мгновение, перегнувшись в седле, схватил оселок Эр-Тештюк, а Чал-Куйрук понесся прочь. Вскочила Джельмогуз на вороного коня и за ним. Шесть голов, сбросив платок, пики мечут, а Чал-Куйрук уворачивается, то в небо взлетит, то с горы на гору перескакивает.

- Что ты застыл как памятник? – оглянулся на Тештюка Чал-Куйрук. – Уворачивайся от стрел! Нашел время героя из себя корчить!

Стал и Тештюк уворачиваться от стрел, легче стало Чал-Куйруку. Видя, что не догнать Чал-Куйрука, метнула Джельмогуз ийрек. С грохотом страшным разверзлась земля, всадник с конем провалились во тьму.

Тьма. Без конца, без края, со всех сторон. Как будто глаза выкололи.

- Чал-куйрук! – окликнул Тештюк.

- Я под тобой! – сказал Чал-Куйрук.

- Где мы?

- Под землей.

- Мы с тобой живые?

- Да вроде... Оселок у тебя?

- Потерял...

- Вынь альчик — он осветит нам путь.

Альчик узкой полоской высвечивает черную мягкую землю, в которой при каждом шаге конь проваливался по колено. Чал-Куйрук остановился.

- Слезай! – сказал он. – Здесь не выносят гордых, красивых. Каждый норовит унизить, убить. Вынь альчик, подбрось в руке, и станешь ты плешивым и кривым.

Тештюк так и сделал, и стал плешивым и кривым.

- А теперь проведи по звездочке на моем лбу, и стану я битком. Спрячь. Не боишься остаться один?

Тештюк провел по звездочке на лбу, и свернулся верный конь в биток. Положил биток Тештюк в карман и сказал:

- Мне надо вернуться к Кенже. Поэтому я не должен бояться.

Бой с циклопом

Горели костры в подземном мире, выхватывая из мрака очертания причудливых скал, холмов, мрачных провалов и странных существ, чем-то напоминающих людей, но с какими-то судорожными, как у марионеток, движениями. Возле самого большого костра сидел Кек-Дее, возвышаясь, как гора. Плакал. Слезы ручьями стекали по лицу, струились, змеясь по земле, и с шипением втекали в речку. Влетела, разрывая тьму, Джельмогуз. Все семь голов склонились в почтительном поклоне перед Кек-Дее.

- О, ваше величество, я заманила в наш мир Эр-Тештюка!

- Я тебя за чем посылал? – взревел Кек-Дее. – Нужен мне этот засранец?! Дочь, мою дочь, Гулайым, найдите мне.

- Я весь подземный, надземный мир облетела — никаких следов...

- Не может быть, чтоб такое чудо, как моя дочь, исчезло бесследно! Я отдам ее замуж тому, кто найдет ее!

- При всем желании мы не можем жениться, – потупились все семь голов. – Мы – нетрадиционной ориентации.

- Не может быть, чтоб во всем подземном мире не осталось ни одного настоящего мужика!

- Откуда им взяться, если он сам всех задолбал! – сказала одна голова другой, и они прыснули, и тут же зажали рты под грозным взглядом центральной.

- Ваше величество, – сказала центральная, – выпустите души умерших, иначе мы никогда не найдем вашу дочь!

Кек-Дее выпрямился, уходя головой во тьму, поднатужился и сдвинул скалу, подпирая которую он раньше сидел. Мириады светлячков, оттесняя мрак, стали вылетать из бездонной пропасти и мир подземный стал заполняться светом.

Эр-Тештюк не удивился, что вдруг стало светло: он уже привык к неожиданностям. Там, где должно быть небо, не было солнца, но свет излучали мириады светлячков, их было больше, чем звезд в надземном мире. И в отличие от звезд, они перемещались. Было такое впечатление, что вверху, в разных направлениях, сливаясь, отъединяясь, текут реки переливающегося света.

Пейзаж был как бы карикатурой на земной пейзаж: не было

округлостей, мягких линий, очертаний — все было в острых углах, прямых линиях и даже деревья росли острыми зигзагами, а реки не пенились, не бурлили жизнью, а мерцали неярко и было непонятно — текут они или застыли в неподвижности.

Эр-Тештюк шел, готовый к любым переменам. Он заметил на плоскости отвесной скалы что-то вращающееся

- Освободи меня! — раздался отчаянный крик. - Зовут меня Мамыт Быстрый! Кек-Дее сказал: Нам некуда торопиться, и приковал меня к скале. Освободи меня, буду тебе верным другом!

Тештюк разорвал цепь, к которой был прикован Мамыт.

- Души — вместе, смерть — пополам! — сказал Мамыт, пожимая руку Тештюку.

Двинулись вместе по подземному миру, где топорщились скалы, деревья и за каждым поворотом, быть может, поджидала смерть. За громадным камнем увидели человечка ростом с Мамыта Быстрого, но с громадными ушами. Он прикладывался к скале то одним ухом, то другим, волоча за собой цепь.

- Кто ты? — спросил Тештюк

- Я — Чуткий Мамыт! Все на свете слышу я. Кек-Дее сказал: незачем подслушивать и посадил меня на цепь.

- Освободить тебя? — спросил Тештюк.

- Если вы не боитесь гнева Кек-Дее, — учтиво склонился ушастый.

Тештюк разорвал цепь, и они пошли прочь. Встретили прикованного к скале статного богатыря.

- Я знаю, кто ты! — сказал статный богатырь, когда они подошли к нему. — Ты Тештюк — надземный богатырь! А эта плешь — просто личина твоя. Я — Прозорливый Мамыт. Все на свете предвижу я. Только это не нужно никому. Люди предпочитают наслаждаться сегодняшним днем, чем думать о дне завтрашнем.

Тештюк разорвал цепь и они пошли дальше. Шли они, шли, только вдруг Чуткий Мамыт стал тревожиться, прикладываясь ухом то к одной скале, то к другой.

- Что случилось? — спросил Тештюк.

- Кто-то томится в этой скале, плачет, вздыхает. Судя по дыханию — девушка!

Прозорливый Мамыт стал оглядывать скалу вдоль и поперек.

- Вот здесь! – поднял он руку. – Пещера закрыта камнем и укрыта деревьями.

- Я знаю! Это Гулайым — дочь Кек-Дее! – сказал Чуткий. – Слышал вчера, как Кек-Дее обещал ее в жены тому, кто ее найдет.

- Вот и женим тебя! – подпрыгнул Быстрый Мамыт.

- Почему я? – спросил Чуткий Мамыт.

- Ты же нашел ее!

- Не я, а он! – Чуткий указал на Прозорливого Мамыта.

- Я ее уступаю тебе, – великодушно сказал Прозорливый Мамыт.

- А я ему! – Чуткий указал на Быстрого.

- А я причем!? – подпрыгнул, перепугавшись, Быстрый. – Я ее не услышал и не увидел.

- Одним словом, все мы боимся и не верим Кек-Дее, – сказал Прозорливый Мамыт. – Поэтому уходим! Мы ничего не видели, не слышали.

- Стойте! – сказал Эр-Тештюк. – Не могу я оставить кого-то в беде, даже если она дочь дьявола.

А в глубокой пещере одноглазое чудовище плясало и пело песню перед Гулайым, видимо, не теряя надежды очаровать ее своими достоинствами.

Я – Джеббатыр, нет никого сильнее меня,

Нет никого храбрее меня,

Нет никого умнее меня,

Нет никого красивее меня!

Джеббатыр остановился и сказал проникновенно:

- Ты только взглядишь, Гулайым, насколько одноглазые привлекательней двуглазых! Два глаза — фу, какое уродство! А один глаз — единственный, как сердце, как моя любовь к тебе!

- Можно полюбить и с одним глазом, но нельзя полюбить подлое сердце.

- Да я чище и святее ангелов подземных и надземных! – проревел Джеббатыр.

- Поэтому ты, друг отца, украл меня?! Каждый день, выполняю волю отца, якобы ищешь, хотя сам спрятал меня.

- Ты выйдешь за меня замуж?!

- Нет!

- Тогда ты умрешь!

- Не она, а ты умрешь! – раздался где-то за спиной громоподобный голос.

Джезбатыр оглянулся: у входа в пещеру стоял плешивый человек, рядом с ним какие-то крохотные существа. Хохоча, Джезбатыр двинулся на них, бросил пику. Прозорливый успел отвести пику, а плешивый выхватил меч и вонзил его в бедро Джезбатыра. Взревел Джезбатыр и бросился всей своей массой вперед. Те увернулись и он, вылетев из пещеры, упал на каменное плато. Вслед за Джезбатыром выпрыгнули на плато Тештюк с друзьями, и закипел бой. У входа в пещеру застыла Гулайым, наблюдая и реагируя на перипетии боя.

Разве есть на свете сила, способная одолеть человека, на чьей стороне скорость, предвидение и чуткость? Даже если этот человек – маленький, плешивый, словом, совсем неприметный.

Быстрый Мамыт, мельтеша перед Циклопом, сводил его с ума. Прозорливый Мамыт отводил в сторону камни и пики, которые метал Джезбатыр, а Чуткий оберегал Тештюка от случайностей. Прозорливый Мамыт, наконец, поразил глаз циклопу, а Тештюк, не мешкая, снес ему голову.

Эр-Тештюк с Мамытами, пробираясь по лабиринтам подземного мира, за одним из поворотов наткнулись на лагерь Кек-Дее. Гулайым, уважая статус принцессы, они несли на паланкине. Войско Кек-Дее мигом окружило их.

- Кто такие?! – взревел Кек-Дее, заноса свой громадный меч.

- Не трогай их! – прыгнула с паланкина Гулайым, – это мой спаситель и его друзья.

Опустил меч Кек-Дее, задумался. Вытянулись в недоумении все семь голов Джелимогуз.

- Так, значит, я должен выдать тебя замуж за этого?! – сказал Кек-Дее, указывая на Тештюка.

- Такова, видно, моя судьба! Не за одноглазого, так за плешивого! – вздохнула Гулайым.

И этот вздох поразил Тештюка, как удар копья. Гордость его возмутилась. Хотел было повернуться и уйти. Но что будет тогда с Мамытами? Если быть откровенным, они спасли его. Они, а не он победили Джезбатыра. Нелегко говорить правду себе, иногда победа над собой труднее победы над врагом.

- Я возвращаю вам ваше слово, я не женюсь на вашей дочери! — сказал Тештюк, выступая вперед, — Дайте свободу моим друзьям!

- Что? Не хочешь жениться на моей дочери? Любой из подземного и надземного мира мечтал бы породниться со мной! А ты, падаль плешивая, брезгуешь? Убить его! Растоптать и сжечь!

- Стойте! — вскричала Гулайым. — Они спасли меня! Я не хочу брать на душу самый страшный грех — неблагодарность.

- Хорошо, — сказал Кек-Дее, — я оставлю его в живых, если он выполнит пять моих заданий. Может быть, я самый злой, самый подлый, но я тоже не хочу быть неблагодарным. А этих, — он указал на Мамытов, — пока тоже не трогать.

Свита отпрянула от Эр-Тештюка. Гулайым отошла в тень дерева и села на услужливо подставленный чурбан. Она пристально всматривалась в Эр-Тештюка, словно хотела обнаружить что-то потаенное. Мамыты отодвинулись в сторону, и перед громадным Кек-Дее остался один Тештюк.

- Задание, значит, такое. Каждый год Алп-Каракуш крадет жеребенка от моей высокопородной кобылы. Найди и пригони мне этих жеребят.

Тештюк, плутая по горным лабиринтам подземного мира, увидел на берегу реки тигра, который, скрючившись в три погибели, лежал в кустах. Тигр, не проявляя обычной для его сородичей агрессии, жалобно смотрел на Тештюка. Тештюк поднял его лапу и вытащил занозу. Тигр попробовал, подпрыгивая, ноги. Затем, вырвав из своей шерсти одну волосинку, отдал Тештюку.

- Понадобится помощь — дунь на нее!

И исчез.

Двинулся было дальше Тештюк, но увидел на берегу громадную задыхающуюся рыбу. Тештюк поднатужился и столкнул ее в реку. Рыба поплыла, исчезла, и вдруг вынырнула у самого берега, держа в зубах одну свою чешуйку.

- Возьми, добрый человек. Подуй на нее, и я явлюсь к тебе на помощь!

Тештюк продолжил свой путь. Прошел один перевал, спустился, и у подножия увидел, как горит трава, полыхает, а где-то за стеной пламени — муравейник, и муравьи мечутся в отчая-

нии. Скинул с себя Тештюк зипун и давай сбивать пламя, затапывать.

- Спасибо! – сказал муравей, покрупнее своих сородичей, видимо, самый главный. – На, возьми: когда будет тяжело, подуй – и мы придем на помощь! – и он протянул Тештюку слюдяное крылышко.

Неожиданно грудь заходила ходуном — то бесновался биток, который лежал в нагрудном кармане. Не успел он вынуть его из кармана, как биток вырвался из рук, упал на землю и воспрянул Чал-Куйруком.

- Тебя за чем послали?! Заканчивай свою благотворительность! Здесь на каждом шагу кому-то требуется помощь, кого-то требуется спасти. Садись!

Тештюк сел на Чал-Куйрука, и они помчались, съедая пространство. Чал-Куйрук обернулся:

- Прости, не могу привыкнуть к твоей плешивой роже! Для вдохновения прими свое обличие.

Эр-Тештюк подкинул в руке альчик, и вновь стал могучим и красивым, а у Чал-Куйрука выросли крылья.

Прилетели они в неприступные горы, где громоздились острозубчатые скалы.

- Я здесь ни к чему, – сказал Чал-Куйрук и свернулся в биток.

Полез Тештюк вверх по круче. Заметил, что сбоку что-то непонятное, большое и пестрое движется параллельно ему. Он поднял глаза – и наверху, у самого гнезда, где в панике металась птенцы, увидел голову Ажидара, глянул вниз — увидел хвост, который, извиваясь, поднимался вверх. Сообразив, что это непонятное, ползущее рядом, есть часть тела Ажидара, он нанес удар, раз, другой раз. Ажидар не мог пустить в ход страшную пасть, которой он мертвой хваткой вцепился за скалу, чтобы не сорваться с кручи. Поэтому он действовал хвостом, который, скручиваясь, с силой наносил удары по Тештюку. Наконец, Тештюку удалось перерубить позвонок, и с грохотом тело Ажидара, агонизируя, стало срываться вниз, а там уже поджидали стаи волков, шакалов, которые с нетерпением, клацая зубами, уже давно следили за ходом боя. Они стали рвать и поглощать куски беспомощного тела Ажидара.

Когда Тештюк взобрался к гнезду, то птенцы, не унижая себя в суетливых изъяснениях, поблагодарили его сдержанным благодарным поклоном. Тештюк огляделся: везде были разбросаны скелеты больших и малых животных. Тоскливо стало ему: видно жеребята тоже стали пищей этих птенцов и не пригнать ему табун породистых лошадей.

Вдруг стало темным-темно, что-то большое, необъятное закрыло свет, и не успел Тештюк что-то сообразить, как оказался проглоченным Алп-Каракушем. Птенцы набросились на мать и стали рвать ее тело.

- Он спас нас! – кричали они наперебой.

Алп-Каракуш срыгнула Тештюка.

- Благодарю тебя, добрый человек! – склонила она свою голову, – вот уже 10 лет я не могу вырастить своих птенцов, кто-то похищает их.

Она выдернула из своего крыла перышко и дала его Тештюку:

- Подари свое дыхание перышку – и я прилечу к тебе на помощь!

- Мне сейчас нужна твоя помощь. Десять лет ты похищала жеребят у Кек-Дее. Ты их съела?

- Не такая я глупая, чтобы уничтожить благородство! Пасутся они вот за той скалой!

И погнал Тештюк по лабиринтам подземного мира благородных удивительных коней. Сначала был могучим и красивым, а потом снова стал плешивым.

Плешивым и предстал перед Кек-Дее.

- Сотни богатырей из богатырей не могли найти моих жеребят, а ты, гнус плешивый, пригнал! – удивился он.

А издали все пристальной вглядывалась в Тештюка прекрасная Гулайым, приучая свое сердце к этому уроду. А Кек-Дее искал пути, чтобы наверняка избавиться от него.

- Вот тебе второе мое задание: обгони Джельмогуз!

Помчалась, полетела, лавируя меж теснин Джельмогуз, центральная голова правила вороним, а шесть остальных улюлюкали и издевались над плешивым на Чал-Куйруке. Надоели Чал-Куйруку гримасы недоумков, выпустил он крылья и в мгновение ока обогнал Джельмогуз. Потом, бравидуя, стал то отставать, то легко обгонять ее. Но такое не приводит к добру: в один

из таких обгонов брызнули дружно все шесть голов ядом на Чал-Куйрука, и конь, и всадник упали замертво.

Неспокойно между тем на небольшой поляне, куда уединились от остальных три Мамыта. Чуткий Мамыт приложил ухо к грунту, слушал, слушал и объявил:

- Я слышу топот только одного коня!

Вгляделся Прозорливый в даль и объявил:

- Чал-Куйрук и Эр-Тештюк лежат, мчится одна Джельмогуз!

Быстрый Мамыт сбросил камень с шеи и молнией помчался прочь. Прилетел к лежащим Тештюку и Чал-Куйруку, стал теревить их. И конь и человек вяло отбрыкивались и не вставали. Мамыт схватил колпак Тештюка, принес воды и полил на них. Вскочили конь и человек и полетели, пронзая пространство. Очень скоро показался вороной Джельмогуза. И шесть голов, которые корчили рожы. Затем они стали дуть и плевать, но Чал-Куйрук, обогнув их по большой дуге, полетел дальше, удаляясь от вороного.

- Не так-то ты и прост, вошь плешивая! – сказал Кек-Дее. – А теперь посмотрим, кого ты выставишь против моего тигра.

В круг пустили тигра, мощного яростного. Он рычал, озирая всех, и все отступали, съезживаясь в объемах.

Эр-Тештюк вынул шерстинку и дунул на нее — возник его тигр, не менее яростный. Один тигр дрался по воле хозяина, чтобы отработать пищу, а другой – по собственной воле, чтобы отблагодарить за добро. Как ни удивительно, но воля сердца оказалась сильнее воли желудка: друг Тештюка убил раба Кек-Дее и, не ожидая ни благодарности, ни вопля негодования, стремительно исчез.

- Я вижу силой тебя не возьмешь, попробуем мелочью! – сказал Кек-Дее. Разбросали, рассеяли по полю мешок риса.

- Собери, чтоб ни одна рисинка не потерялась.

Подарил свое дыхание крылышку муравья Эр-Тештюк. И со всех сторон хлынула орда муравьев. Поволокла, потащила рисинки к центру круга, прямо в мешок. Не успел Кек-Дее и глазом моргнуть, как мешок наполнился, тугой, из объемов своих выпирающий, как будто и не рассыпался.

- Шустрый ты, однако, урод плешивый! Достань мне со дна ледяного озера казан с сорока ушками! Казан, который может накормить весь народ!

И опять в пути Эр-Тештюк на верном своем Чал-Куйруке, но обличие свое менять не стал. Пусть к плешивому привыкают! Может ведь случиться так, что останется здесь он на всю жизнь.

Встал он на берегу ледяного озера, не зная, с чего начать.

- Давай я опускась на дно! — сказал Чал-Куйрук.

- Нет, ты утонешь!

- Я утону — не беда! А если ты утонешь, кто вернет народу душу?! Мне такое не под силу.

Чал-Куйрук вошел в озеро, уходя все дальше в ледяную воду.

- Стой, вспомнил! — вскрикнул Тештюк.

Вынул из кармана рыбку чешую и подул на нее.

И возникла на берегу рыба, играя хвостом. Тештюк склонился над ней и передал ей свою просьбу. Чал-Куйрук, облегченно вздыхая, вернулся на берег.

Закипела, забурлила вода, взметываясь ввысь фонтанами. Под водой шла яростная борьба. Переживая, Чал-Куйрук бегал по берегу, то вставая на дыбы, то склоняясь мордой к самой воде. Закровавилась, запенилась поверхность озера. Чал-Куйрук в ужасе закрыл глаза. И вдруг заколыхался казан на водной поверхности, подпираемый израненной рыбой. На дне казана Эр-Тештюк, заметив оселок, выхватил его одной рукой, а другой, схватив казан за ушко, метнул его с такой силой, что он, пролетев половину подземного мира, опустился прямо на Джельмогуз.

- Ты убил моего верного друга — Джельмогуз! Поэтому ты должен выполнить еще пять заданий! — сказал Кек-Дее.

Плешивый не дрогнул, промолчал. Гулайым во все глаза смотрела на него, пораженная его находчивостью и силой.

- Первое задание — найди самого глупого! — сказал Кек-Дее.

Плешивый, подкинув в руке альчик, преобразился в могучего и красивого Эр-Тештюка. Гулайым замерла, затаив дыхание. Любовь, как молния, пронзила ее.

- Это ты самый глупый, раз даешь такое задание! — громко и четко сказал Тештюк, обнажая меч. Закипел бой. В ход пошли копыя, скалы, камни и прочие предметы пейзажа, поскольку Кек-Дее громаден как гора и силен непомерно. На стороне Эр-Тештюка, как мы помним, скорость, чуткость и предвидение. Но иногда

и они оказываются бессильными перед Злой волей. Кек-Дее, выбив меч из рук Тештюка, нанес ему смертельный удар. Но этот удар, закрыв собой Тештюка, приняла на себя Гулайым.

Дико закричал Кек-Дее, поняв, что убил свою дочь, единственную радость в этой подлой жизни. Этого мгновения оцепенения от отчаяния было достаточно для того, чтобы Быстрый Мамыт принес Тештюку меч и тот нанес сокрушительный удар. Отрубленная голова Кек-Дее, продолжая плакать, упала под ноги потрясенным свидетелям этого боя.

Эр-Тештюк склонился над поверженной Гулайым. Широко открытыми, необыкновенно прекрасными глазами она смотрела вверх, туда, откуда свет излучали души умерших людей. Она сказала:

- Я благодарна жизни, что встретила тебя! – сказала она и закрыла глаза. Мамыты накрыли ее белым покрывалом и встали в почетный караул у ее изголовья.

Как бы ни везло ему в подземном мире, какие бы верные друзья ни окружали, что может сравниться с миром надземным, где ждет несравненная Кенже, от мысли о которой у Эр-Тештюка сердце подступало к горлу и на глаза наворачивались слезы. Сколько ни уговаривал Эр-Тештюк Мамытов, они наотрез отказались лететь в надземный мир.

- Какой бы я ни был быстрый, но выскочить в верхний мир я не могу, – сказал быстрый Мамыт.

- Алп-Каракуш, нет слов могучая птица, но она сможет унести в верхний мир только тебя одного, - сказал чуткий Мамыт.

- Спасибо тебе, что освободил нас, - сказал Прозорливый Мамыт. – Здесь тоже кто-то должен быть ханом. И не такой как Кек-Дее. Души умерших должны светить, а не погружать во тьму. Мы с вами корни и крона одного дерева. Вам заботиться о кроне, нам – о корнях.

Неспокойно, между тем, под великодушным солнцем в надземном мире. Становище Элемана, как осажденная крепость, обнесено каменными стенами. А за крепостными стенами то там, то здесь разбили биваки богатыри-претенденты на руку и сердце несравненной Кенже со своими джигитами. Гарцевали, выхваля-

ясь, в надежде поразить статью и удалью. Иногда схватывались друг с другом, и с поля исчезали один-два бивака.

К Кенже зашел Элеман. С ноги на ногу переминался, слово сказать не решался. Наконец, решился:

- Что-то надо делать, доченька. Они скоро все пастбища вытопчут, стада наши с голода передохнут.

- Вы о стадах своих жалеете?

- Стада подохнут, мы подохнем!

Кенже промолчала, раздумывая.

- Неужели не ясно, что сын мой погиб! Думаешь, мне не больно?! Был бы живой, давно бы вернулся. Зачем же мы должны погибать, я, ты, они?!

- Что вы предлагаете? – спросила Кенже.

- Объявим состязание в стрельбе из лука, в оодарыше, в единоборстве. Приз победителю — ты! Думаешь, мне легко с несравненной своей невесткой расставаться?! – Элеман заплакал, превращаясь в жалкого несчастного старика.

- Эр-Тештюк — живой! – сказала Кенже.

- Где?! Где?! – забился в истерике Элеман. – Скоро мы все передохнем! От голода! Это точно!

- Поступайте как хотите! Но Эр-Тештюк жив!

Эр-Тештюк, действительно, был жив.

Верхом на птице Алп-Каракуш он рассекал подземные пространства. Миновали многослойные ряды светлячков и очутились во мраке. Только два глаза птицы, как два могучих источника света, пронзали тьму. Свет неожиданно стал ослабевать, тьма надвигаться со всех сторон, словно желая заключить в кокон.

- Изнемогаю, – сказала птица.

Эр-Тештюк отрезал кусок собственного бедра и дал его птице.

Свет стал ярче, потом опять стал ослабевать.

Тештюк отрезал кусок от другого бедра. И свет стал снова ярче. И снова стал было ослабевать, но вдруг тьма распахнулась во всю ширь, обнажая бездонную синь и лик лучезарный солнца.

Соскочил Эр-Тештюк на землю благодатную, вздохнул полной грудью, оглядываясь и ощупывая себя. Увидел, что громадная птица Алп-Каракуш, уменьшаясь, тает на глазах.

- Что с тобой? – бросился к ней Эр-Тештюк.

- Я не должна была вылетать в этот мир. Ты сохранил мой род, и я отблагодарила тебя. А это главное.

Алп-Каракуш растворилась в воздухе. Словно ее и не было, только вокруг на мгновение стало ярче.

А в становище Элемана шло состязание. Всадники на лету поражали мишень, схватывались в оодарыше, в борьбе. Пошла неразбериха: кто стрелял лучше, проигрывал в борьбе, кто всех одолевал в борьбе, стрелял плохо. Так что выяснять, кто будет первым, предстояло бесконечно. На это и рассчитывали Элеман и Кенже, выгадывая время. Уже пошел ропот недовольства среди претендентов, понявших, что не скоро им добраться до руки и сердца несравненной Кенже. Успокаивая их, носился Элеман среди недовольных.

- Чего они хотят? – спросила Кенже.

- Они хотят, чтоб состязание шло только по борьбе, – сказал слуга.

Кенже, задумавшись, подняла взгляд и увидела у горизонта приближающегося всадника. Сердцем почувствовала, что всадник – Эр-Тештук на Чал-Куйруке.

- Пусть сразятся с Эр-Тештюком! – сказала она.

Глашатай на крепостной стене объявил:

- Кто хочет несравненную Кенже, пусть сразится с Эр-Тештюком!

И указал на горизонт. Все разом повернулись в сторону вытянутой руки глашатая и увидели приближающегося Эр-Тештюка. Вскочили на коней и двумя колоннами двинулись навстречу.

Лицо Эр-Тештюка излучало такую любовь, веру и надежду, что никто не решился его разочаровывать. Все претенденты в мужья с низким поклоном проехали мимо Тештюка, затем пристроились позади, как бы образуя свиту. Вот так и приближался Эр-Тештук к несравненной Кенже во главе признавшего его воинства.

ПОЭЗИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Такое, конечно, случается. Но довольно редко. Судите сами. Первое стихотворение Аркадия Битюкова было напечатано в журнале «Киргизстан», предшественника нашего издания, ...60 лет назад! А потом, на протяжении всех минувших десятилетий, ни одной поэтической подборки этого автора так и не появилось на страницах «Литературного Кыргызстана».

Судьба Аркадия Битюкова, по воле его равнодушной природы тяготеющего к конкретным действиям и результатам, вывела сначала на общественную, а затем и начальственную стезю, по которой он двигался все допенсионное время. Конечно, регулярно выступал в прессе. Но это были обстоятельные статьи, в частности, по вопросам кинематографии, радио, телевидения и вопросам культуры. Печатались они и в журнале «Литературный Кыргызстан». От поэзии умудрился не отойти, но писал, как говорят, «в стол». В те годы однозначно не приветствовалась публикация стихов, авторами которых были бы руководители определенного ранга.

Любопытно, что в том, втором номере журнала за 1952 год, поместившем стихотворение нашего автора, были опубликованы первые два рассказа Чингиза Айтматова – «Ашым» и «Газетчик Дзюю».

Надо сказать, что «пробиться» в журнал в те годы, как, впрочем, и сейчас довольно проблематично. В том номере за 1952 год были напечатаны стихи таких мастеров, как Аалы Токомбаев, Сооронбай Джусуев, Кубанычбек Маликов, Сергей Фиксин, Толен Шамшиев, Владимир Цыбин, ставший позднее москвичом и широко известным русским поэтом...

Итак, что же предлагает читателям наш новый старый знакомец?

«Коней на переправе не меняют», –
Привыкший думать человек изрек.
Его совет все чаще применяют,
Хотя сказавший это – не пророк.

Так что ж за гидра эта переправа,
Чьи свойства нечто страшное несут?
И мы взглянуть решили слева, справа –
Авось, пойдем загадочную суть?

... Торчит в реке несчастная повозка.
В песке увязла, дыбится вода.
Уж волны бьются в боковые доски.

Минута-две, и вот она, беда.

Кричит возница в панике истошно.
Свистит и хлещет озверевший кнут.
А кони рвут постромки, ржут тревожно,
Дугой от напряженья спины гнут.

Ликует смерть в обличье «невезения».
Весь ужас этот – страшного страшной.
Тут мысль одна – спасение, спасение,
А не замена мертвенных коней.

... А впрочем неизбежным было горе.
Ведь кони не познали прежде брод,
Не провели добротный «мониторинг»,
Где перепад, а где водоворот.

Здесь от вопроса никуда не деться.
И он крепчает в головах людей.

... А может быть, к возницам присмотреться,
Чтоб оставлять в упряжке лошадей?!

История – серьезная особа.
Ни перед кем не шлепается ниц.
Она костями ложится, только чтобы
Никто не переврал ее страниц.

Но ужас в том, что хуже войска злого
Свирепствует лжецов продажных рать.
Терзает так охранницу бывшего,
Что и костей бедняжке не собрать.

У грузов есть свой срок доставки,
Привез, принес и – с плеч долой.
Но грузы есть страшной удавки -
Весь век тащи и волком вой.
Пусть мышцы рук и ног что надо,
Но гири книзу спину гнут.
... Тот супер тяжкий гнет-блокаду
Нечистой совестью зовут.

Этот вывод не возник из сказки,
Он из жизни нынешних персон.
Нет в нем назидательной указки,
Есть желанье подчеркнуть резон.

... Нынче босс мечтает бесконечно
Освещать себя со всех сторон.
Дайте зал, трибуну и, конечно,
Самый чуткий в мире микрофон.

Тут ему раздолье для амбиций.
Возвещай, красуйся до утра.
Сколько он свершил, сумел добиться!
Должен зал не раз кричать: «Ура!»

Шаг шагнет, а преподносит – вежа!
Страсть как любит почести стяжать.
Не возносит умный муж успехи,
А стремится их приумножать!

Мир под солнцем намертво закручен.
Тут и там проблем и тайн пласты.
Даже тот мудрец, что свехобучен,
Не проникнет в ясность простоты.
Тут и там – процессы и явленья.
Не сдержать нам их стихийный ком.
Как бы ты ни жаждал отстраненья,
Будешь заарканен целиком.
Кто ты, что ты и к чему ты призван –
Это компетенция твоя.
Лишь в стальном сцепленьи с волей к жизни
Сможешь в перепадах устоять!

Сила разрушения,
Сила унижения,
Сила нестареющих
Кованых сапог...
Чтоб не довелось нам
Ужас их изведать,
Шепчем в исступлении:
«Упаси нас, Бог!».

Но мольбы помочь нам
Все же маловато.
Ведь у нас инертность
Все еще в чести.
Нам бы ранней ранью
Выходить из хаты
С мыслью покаянной:
«Господи, прости!».

Конъюнктура – из рода воздушного,
Не увидишь, хоть глаз напряги.
Но внедрила немало послушного
Даже в гордые наши мозги.
Вот на рынке она не подавлена,
Там ей быть не особо грешно.
Ну а там, где духовность заявлена,
Конъюнктуры там быть не должно!

Не считайте, сколько вам осталось
Под веселым солнцем пребывать.
При любом раскладе выйдет мало,
Вот вам и предмет погоревать.
Если так уж вам считать охота,

Калькулятор в руки, и вперед.
Но плюсуите к будущему годы,
Когда жили в полный разворот.
Годы те, когда вы жили ярко
И была к вам так щедра судьба,
Поднося ценнейшие подарки,
Счастья и успехов короба.
Когда было славным окруженье,
Все честны, желанны и близки.
И когда не знали погружения
В глубь проблем, тумана и тоски.
И когда мечталось вам вольготно,
В дали созидания влекло.
Ну а то, что душеньке угодно,
Без задержки прямо в руки шло.

... Пусть ваш калькулятор все отметит,
Цифру счастья выдаст без прикрас.
Не беда, когда в подсчете этом
Он со счета сбился бы не раз!

И тут и там я часто слышу:
Будь счастлив малым, не спеши.
Найди свою простую нишу
Для размышлений и души.

Все вроде так,
Но все же узко
Для головы, для рук и плеч.
Ведь ниша – суцая кутузка,
Что вяжет ноги, глушит речь.

А я всегда хочу движенья.
Мне взмахов крыльев не унять.
И пусть они в воображенье,
Но их удел – меня поднять

Туда, где небо ширь представит
И ветра встречного поток.
А в каждой нише ... стены давят
И угнетает потолок!

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Стрелка путь указала строго.
И пора уходить с дороги...
Но пристыл паровоз—старик,
Он не хочет идти в тупик.
Сколько он отмахал километров
Сквозь метели, дожди и ветры!
Сколько тяжестей в тысячи тонн
Сквозь пространства протаскивал он.

Раскурив, раздымив самокрутку,
Раззадорившись не на шутку,
Разогревшись кузнецким углем,
Подминал за подъемом подъем!
И гремя, и стуча буферами,
Он накручивал версты упрямо.
И шлакбаумы долго звенели,
Чтоб колонны машин цепенели.
Не какой-нибудь щеголь-бродяга —
Это шел богатырь-работяга,
Шел он, черною гривой пыля,
И под ним прогибалась земля.

...Отгремело дорожное счастье.
И теперь — непосильный участок.
Как же с духом собраться ему,
Чтоб пройти без платформ одному!

А на рельсы его ветровые
Нынче встали машины иные.

Вскинув руки под провод тугой,
Полпланеты влекут за собой.

Смена верная!
Пусть же увидит,
Что и он на судьбу не в обиде.
...Гордо в плавку идет великан,
Сделал дело свой старикан!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Опять ушла в туман мечта-призыв.
И сможем ли мы той поры дожждаться,
«Когда народы, распри позабыв,
В великую семью объединятся»?..

МИХАИЛУ ЛЕРМОНТОВУ

Судья все ждет, сомкнув уста.
Никто не вздернут за трагедию –
Дантес до старости блистал
И вписан был в энциклопедию.

ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Вам и рубля не накопили строчки.
Имели Вы покруче интересы.
А нынешним? Какое там – сорочки!
Им виллы подавай, и слуг, и мерседесы!..

Время – презреть униженья,
Время – не всем потакать,
Время – разъять окружение
И самому зашагать!

«Все на свете – суета сует!» –
Древний тезис тешит нас украдкой.
Может, все же в нем иной завет,
Может, в нем порядок непорядка?

Уж так повелось на свете,
Хоть многим такое претит:
Идущий всегда в ответе
Пред теми, кто сиднем сидит.

Чем вновь и вновь с разгадкой биться,
Не проще ль с мыслью согласиться:
Тогда мы сладко спим ночами,
Когда весомо за плечами.

Вокруг мы слышим ахи, охи.
Там – воровство, там – мотовство...
Что ж образуется в итоге?
Неужто наше естество?

Взросла нетерпимость стократно.
Но дозорные трубы молчат.
И людские родимые пятна
Угрожающе кровоточат.

Быть или казаться – вот дилемма,
Каждый честный думает о ней.
Многие ж не знают сей проблемы,
Потому что быть, увы, трудней!

С кем я проникну до корней,
Кто мне изложит без гаданий
Дела давно минувших дней
В прозрачных фактах без... преданий?

Понять бы нам, что стоим мы,
Кто дал нам, кто – отнял.
...Прибавочную стоимость
Никто не отменял.

Хорошо, что все сомненья тают
Хоть теперь на крайнем рубеже...
Есть вопрос – читают, не читают?
Есть и факт, что я – поэт в душе.

Дальмира
ТИЛЕПБЕРГЕНОВА

ПОСЛЕ ДОРОГИ ДОЛГОЙ

Новые стихи

После дороги долгой,
Минув миры – границы,
Вновь оказаться дома, –
К чистой прийти странице.
Сбросить багаж с ветрами,
Встреч протокольных камни,
Броситься к Иссык-Кулю,
Словно в объятья к маме.
С ветки сорвать черешню, –
Вкус ощутить знакомый...
Как хорошо быть здешней,
Дома я, снова дома.
Здесь уголок на свете,
Где мне писать просторно,
Пестрой грядкою встретят
Братья большие – горы!
Трепет и нетерпенье
Рифмы жужжат как пчелы...
К чистой странице белой
Так прихожу лишь дома.

ПОГОВОРИМ ЗА ЧАЕМ

Хаким ака, Аман байке,
Мы – пальцы на одной руке.
На злобу злом не отвечая,
Пойдемте к достархану
с душистым чаем.

Акжол эже, Райва ханум,
Мы как цветы в одном саду,
Различны, но прекрасны,
Попьемте лучше чаю,
зачем грустить напрасно?

Дядя Коля, Данакер эне,
Мы все нужны своей стране,
С улыбкой день встречая,
Давайте просто вместе
поговорим за чаем.

Ана, эне, аке, уке,
Мы все, весь мир в твоей руке
За чаем лучше говорить,
Кто мы, где мы и как нам жить,
Любя, прощая, угощая,
Янтарным чаем...

КРЫЛЬЯ

Ветер зовет, и колышутся ели,
Время настало, скорей полетели!
Небо объятье свое нам раскрыло,
в чудо поверь и расправь свои крылья.

Сердце колотится в бешеном ритме,
Мимо галактик проносятся рифмы,
Ветер струится над звездною пылью,
В чудо поверь и расправь свои крылья!

Крылья – мечты нас уносят высоко,
Знания – крылья раскроют все тайны,
Крылья – дороги летят к горизонту,
Как удивителен мир наш бескрайний!

Скоро пора беззаботного детства
Станет, как взрослым, прекрасною былью.
Что мы оставим ребятам в наследство?
«В чудо поверь и расправь свои крылья!»

Только поверь, что ты создан крылатым
Другом летающим нашим собратьям.
Только расправь свое сердце большое,
Только увидь свои крылья душою!

«ЭР-ТЕШТЮК»

Здесь первой кровью с пуповины
Омылся первый горный снег.
Здесь я увидела впервые
Что значит это — Белый свет!
Под этим куполом небес
Мать молоком своим вскормила.
Потом стирала, шила, мыла,
И с миром говорить учила...
На мир глаза открыла здесь.

И вот опять в родных краях
Я словно заново рождаюсь
Глазам не веря, удивляюсь:
Как щедро маковая алость
Разлилась вширь по всем холмам!
Уже не сдерживаю радость,
Люблю тебя, моя земля!
И у тебя прошу лишь малость:
Объедини нас, всех любя!

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ БЕЗ КОЖИ»

Аральский матрос

Слышу стоны и плеск.
Мертвых рыб лунный блеск.
Это сон, или был, или небыль?
Я прожженный матрос.
Боль и соль папирос
Бросил, стрельнув в голодное небо.
И покинул причал.
И «ура» не кричал,
Когда флаг с корабля они сняли.
И ушел в никуда,
И никем в города,
Как на плаванье в дальние дали.
Но, как божий хорал,
Снится, стонет Арал
И скучает по плеску по борту,
И соленым словам,
И засохшим губам,
И по волнам огромным и горьким.
И зовет меня вновь,
И сулит мне любовь,
И улов во стократ и сверх плана.
Я и сам был бы рад,
Только вижу опять,
Сгнил корабль мой в соленых барханах.

Хорошо ли это?

Планета сжалась – до всего
Подать рукой, такой большою.
И горе стало не горой,
А атмосферой – хорошо ли?
А счастье – лишь паучья сеть,
Растянута в четыре света,
Как медом мазаная смерть.

И думай, хорошо ли это?
А недра стали – с гулькин нос,
Вгрызаться – глубже, грызться – вволю!
И брат на брата. Groш за грош.
И куш все мал. И хорошо ли?
И правит бал пустой банкнот.
И всех он круче и надежней.
И моя родина – банкрот
С идеологией таможи.
И знают все, и ждут: уже
Вот-вот конец наступит света...
И где тут думать о душе
Бессмертной.
Хорошо ли это?

Сон о том, что уходит

Так пронзительно красиво и так чувственно
Не качала лебедь белой головой!
Неужели ты не видишь, ты не чувствуешь
Что природа так прощается с тобой?
Над водой взметнула белые огромные
Как у ангела два грустные крыла...
Будут вымазаны нефтью, переломлены –
Горы крыльев будут выжжены дотла!
Словно рядом смертной метою помазана
Улыбаясь, смотрит редкая душа.
Чую, знают, и крыла ее алмазные
Надо мною пролетают не спеша.

Саксаул

Все ушли, ржавеет оставив корабли.
И верблюды больше не приходят.
Если б корни мои длинные могли
Удержать и дать им всем былую воду...

Жду, надеясь, но спасенье не пришло.
Только ветер гонит соль к плато Усть-Урта.
Небо низкое с дистанции сошло,
Оперлось на серый купол старой юрты.

А у юрты тщетно молится старик, –
Как на Мекку, глядя в высохшее море.
Вдруг вздыхает он и тихо говорит:
«Неба нет уж, Небо умерло от горя».

Забежав домой, выносит керосин.
Льет из фляги на себя и горько плачет.
Сколько раз, молясь, Аллаха он просил
Все вернуть назад. Как было, не иначе.

И людей, и это море, и огни,
Голоса родимой радиорелейки...
Чтобы волны бороздили корабли
И у клуба в георгинах – все аллейки.

Он облил себя и сел рядом со мной.
(Не вернулся его сын с Барса-Кельмеса).
Как промозгло ветер бесится зимой!
Соль и пепел в сердце – адова замеса.

Спички чиркнули – и вот оно, тепло.
Нет теперь ни горьких дум, ни горькой соли...
Пепел серый утром ветром разнесло
Донесло до пены раненного моря.

Азья и Русь

Раздираема, как на распятье,
Мысли рвутся как струны, зримо.
То ли счастье, то ли проклятье,
Между двух выбирать любимых?

Первый – страстный, красив, как дьявол,
Умереть бы от ласк с тобою.
А другой, мой любимый ангел,
Свет затмил ты своей любовью.

От заботливых ласк сбегая,
И, пьянея в объятьях страстных,
Умираю я, пропадая,
Но другого не забываю.

Между ними – грядою горы,
Между ними границ капканы.
Разорвется ли сердце скоро,
Как собака на двух арканах?

Между Азией и между Русью
Я застряла, как полу-призрак.
Поднимаю глаза – гуси
Улетают. Хороший признак.

Может, если умру – птицей
Буду мерить небес пространство.
Мне полет над землею снится
Без таможен, границ, гражданства.

Дмитрий САГАЙДАК

Человек перед зеркалом

Солнце глядит исподлобья,
Из-под облачных крыш,
Сердцебиение веток
Дрожит у виска.
Я распрощался со скорбью
И в душе снова тишь,
Видится в отблесках света
Дом из песка.

Я просыпаюсь подолгу,
Наблюдаю окно,
Чувствуя боль и свободу,
Чувствуя свет.
В зеркале смотрится колко
Полуиллюзия снов,
Все мои мысли как воздух,
Формы им нет.

Кажется, все, что я видел,
Все, что делал и знал,
Каждое новое слово
Обрело свое «я».
Гаснут сознания нити,

Я забвенью предал
Образ, что отполирован
В бессловесных боях.

Боже, к чему это? Кто я?
Что же стало со мной?
Зеркало мне не расскажет,
Рассмеется в ответ.
Трудно бывает порою
Постоять за ценой,
Шанс выпадает однажды,
И его больше нет.

Мне еще долго сквозь горы –
Петли на шеях дорог –
Лезть к еле видимой цели,
К милой мечте.
Блещут цветные узоры
Недописанных строк.
Снова люблю, снова верю.
Ангел, спасибо тебе!

Спящее солнце *(белые стихи)*

Солнце притихло, уснуло
В призрачной дымке столетий,
Дремлет в нем яркое пламя,
Страстно ласкавшее землю.

В грезах покоятся жизни,
Ночи горят в вождельнях,
Истину мы не познали,
Пустошь кругом и безверье.

Лишь об одном я мечтаю,
Пусть эта ночь станет вечной,
Тьма моей станет плотью,
Солнце во мне пусть погаснет.

С солнцем уйти я желаю
В сон, что возьмет мою душу.
Там, где душа твоя плачет,
Успокоение будет.

Боль безутешного сердца
Скроется, верно, за тьмою,
Только луна серебрится
Светом холодным и чистым.

Солнце спокойно уснуло,
Солнце угасло навеки,
Я ухожу вместе с солнцем
В ночь красоты и покоя.

Нам нравится

Нам нравится выбирать,
Нам нравится быть хоть кем-то,
Нам нравится умирать
За буквы и за проценты.

Нам нравится выражать
Стремленье свое к свободе,
В истерике возражать
Всем тем, кто сейчас не в моде.

Нам нравится убивать
Прекрасных и гениальных
И вновь со стыда сгорать
В угаре объятий сальных.

Нам нравится слушать шоу
И лгать себе зло и нагло,
Что будет все хорошо,
Что будет все так, как надо.

Мы тратим впустую время
И деньги из чьей-то кассы.
Мы – лишняя часть в системе,
Тупая людская масса.

Две комнаты

Две комнаты. Причудливо убранство,
Оно расскажет много обо мне,
О том, что признак мой – непостоянство,
О том, что жизнь моя течет во сне,

О том, как я живу среди привычек:
Одни бросаю, к новым ухожу,
О том, что дни сгорают словно спички:
Я временем совсем не дорожу.

В моих словах живет одно сомненье,
В них говорит желание молчать.
Я в зеркале, как будто бы на сцене,
Играю ложь, кривляясь и крича.

Я пробовал бросаться в жизни омут,
Доказывать себе, что я могу!
И видел, как все намеренья тонут,
А я опять на то же берегу.

То загораясь новым идеалом,
То остывая, уходя в себя,
Я в комнаты свои вхожу устало
И не пойму никак, а жив ли я?

За час до отъезда

Холодное небо прощания
Под скользким дождем обстоятельств.

Не к месту теперь замечания,
Но к месту молчанье объятий.

На призрачном поезде времени
Уедете в мрачную старость.
Вы жизнь по минутам отмерили,
И большего вам не осталось.

Скрипят голоса. Всё прощается,
А я ищу взглядом виновных,
Но чья-то улыбка пытается
Сказать, что все в мире условно.

Не думать, не помнить... Бесчувственно
Кивать головой тем, кто рядом,
И вьется во мне песня грустная,
И рельсы стремятся к закату.

А ветер все воеет, старается.
Без памяти все-таки проще.
И мне придет время состариться
Осенней продрогшею ночью.

Простимся. Но в жизнь мою сонную
Не вторгнутся голод и войны.
Простимся. Дорога огромная,
Пройду ли тебя я достойно?

Оттенки осени

Тихо-тихо... ступаю шепотом,
Опасаясь нарушить сон,
Сон деревьев, укачанных городом,
Позабывших давно обо всем.

Тише, тише... в закатности вечера
Солнце прячется. Красной тесьмой

По краям горизонта отмечены
Слов обрывки, слагаясь в письмо.

Осень, осень... шутливая, грустная,
Греешь душу до холодов,
Натюрморты плетешь искусные
Из безумно-желтых цветов.

И лимонного цвета улыбками
Одарила прохожих листва,
Но простудной капли обрывками
Разразится небес синева,

Отсыреет мое настроение,
И молчание вторгнется в дом.
А сегодня – лишь тихое пение,
А сегодня – лишь солнечный сон.

Тише, тише... молчание вечера,
И струится сиреневый дым,
И из мыслей исчезло вдруг вечное...
Может, в юности стал я седым?

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ИВАНОВ

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ. БЫТЬ ИЛИ НАЗЫВАТЬСЯ?

Представляя на различных форумах русский язык как нечто великое, достойное пьедестала, желая придать ему особую важность и значимость, политики, ученые и общественные деятели привычно называют его языком Пушкина и Гоголя, Толстого и Чехова, Бунина и Ахматовой. Понятно, что называются лишь вершины, литературные гении, чье творчество соткано, создано на русском языке. Но благодаря им, благодаря другим выдающимся мастерам слова рождено и течет во времени, постоянно преображаясь, как некий живой организм, уникальнейшее явление – русский литературный язык. Тот язык, который является образцом для всей русской лексики, для его интонационных, стилизованных вариаций.

Безусловно, воздухом при воспарении, на который он всегда опирался, который становился для писателей материалом, как глина в руках скульптора, был язык разговорный, многослойный язык человеческого общения. В свою очередь, развитие разговорной речи, появление в ней образности, афористичности, выразительности происходит за счет той питательной среды, каковой служит художественная литература. Этот процесс, этот извечно вершащийся круговорот позволяет постоянно взаимообогащаться и разговорному, и литературному языку. Так пчела, неустанно собирая нектар медоносных трав, вместе с тем опыляет их, чтобы они произрастали, цвели вновь и вновь, чтобы затем все это многократно повторялось...

К чему, спросит нетерпеливый читатель, я толкую, казалось бы, о столь очевидных вещах? Да к тому, что процесс взаимной языковой подпитки стал давать сбои, литература, ее язык все более отодвигаются в нашем обществе на обочину жизни, и опыление трав разговорной речи случается лишь изредка. И скудеет, засоряется, обедняется эта речь, становится одноликой, ее цветной экран мутнеет, все чаще превращается в черно-белый.

Иной раз, слушая русского человека, с огорчением думаешь: как ущербен его разговор, до чего мизерным запасом слов он располагает, как досадно, что им не используются те богатства, что таятся в литературном языке. Сколько прилипчивого мусора, вульгаризмов, сколько ненужных, вводящих в заблуждение слов и словечек, мешающих восприятию смысла того, о чем говорится, мы с бездумной навязчивостью передаем друг другу. Неряшливое, беспомощное обращение со словом нынче, увы, норма нашей обыденной жизни.

Взять хотя бы это бесконечное «как бы», которое побило все рекорды среди слов-паразитов. Оно прижилось, стало неотъемлемой частью речи подавляющего большинства людей, будь то рядовые обыватели или интеллигенция. Вслушайтесь, вникните только: «она пришла как бы под вечер и постучалась как бы ко мне»; «о, это классный как бы ученый, лауреат многих премий»; «поручения начальства надо как бы выполнять»... А еще идущее за ним следом словечко – «типа»... Можно ли представить нечто подобное в настоящем литературном языке? Тысячу раз – нет! Да простят мне вынужденную кощунственность, но переделанные на современный разговорный язык великие строки поэта выглядели бы следующим образом: я помню чудное как бы мгновенье, передо мной явилась как бы ты, как мимолетное типа видение, как гений типа красоты... Ужасно, не правда ли? В устном же словотворчестве мы встречаемся с этим сплошь и рядом. И настолько свыклись, настолько стали нетребовательны, что спокойно, не морщась, выслушиваем говорящего таким вот образом.

А ведь пока еще не пущено с молотка, не растранижено до последней нитки наследство того времени, когда у книжных магазинов в ожидании новых поступлений выстраивались длинные очереди, когда чтение художественной литературы было по-

всеместным, когда она насыщала своим дыханием разговорный русский язык. Что же будет с ним через десять, двадцать лет, если положение не изменится, если чтение произведений художественной литературы, проникновение мыслью в таинственную ткань ее изобразительных средств уйдут из нашей духовной жизни и будут заменены на какой-нибудь сверхмодный электронный суррогат?

Мы даже не заметили исчезновения из нашей жизни такого чуда литературы, как эпистолярный жанр. Интернет обрезал ему крылья, выжал, выпотрошил, превратил в сушеную воблу. Интересно, как выглядела бы переписка Ивана Тургенева с Полиной Виардо, пользуйся они не традиционной почтой, а интернетом? А стал бы доверять свои мысли и чувства компьютеру Лев Толстой, чья переписка с великими современниками особенно значительна?

Мы неожиданно очутились в таком тупике, в столь отталкивающей реальности безразличия к литературе, художественному слову, о возможности прихода которой еще недавно не могли и предполагать. Обезлюдели книжные магазины, скорее напоминающие музеи, где по инерции хранятся невостребованные сокровища человеческого духа. Чтение произведений художественной литературы напрочь отлучено от сферы наслаждений и радостей, а поспешности, обаяловки оно не терпит. Обозначилась развилка, после которой судьба устной речи может оказаться и вовсе необратимо печальной.

В последнее время много говорится о сужении пространства русского языка в Киргизии. Причины тут разные. Но в данном контексте хотелось бы выделить вот что: развитие языка и расширение зоны его распространения всегда идут рядом, рука об руку. Кроме необходимости владения тем или другим языком, существует такой важный элемент, как привлекательность, магнетизм той живой речи, которая слышна иноязычному человеку из уст ее носителей. А если все это растеряно многими из нас? Или сохранилось лишь на доньшке?

Сегодня представители иных наций, воспитанные на русской художественной литературе, относятся к русскому языку несравненно лучше, чем те, кто просто рос в пору рыночной вакханалии в русскоязычной среде и научился говорить на нем, так и не полюбив его по известным причинам.

Я был бы очень самонадеянным, если бы тут же предложил выход из создавшегося положения. Да и есть ли вообще он, этот выход? Былого масштаба влияния литературы на жизнь нашего общества, скорее всего, уж не вернуть. Но хоть сберечь бы, обустроить какие-то островки, какие-то оазисы, от которых оно, это влияние, будет, даст Бог, распространяться при благоприятных условиях дальше...

При советском жизнеустройстве, когда тяга к художественной литературе была и без того сильна, повсюду работали финансируемые государством бюро пропаганды литературы, общества книголюбов. С начала девяностых они исчезли, как и многое, что призвано было служить культуре. Потянуло затажным ветром безнадёжности.

Первые проблески появились года три назад, когда профессор Кыргызско-Российского университета Георгий Хлыпенко создал на гуманитарном факультете литературно-критическое объединение «Среда». Его студенты не только изучают художественную литературу, ставшую классикой, но и постоянно знакомятся с новинками литературы республики, на обсуждение вышедших книг приглашаются их авторы, которым, конечно же, интересно и важно знать, как встречено их творение молодежью. Нередко в обсуждениях участвуют и маститые литераторы, преподаватели, чье профессиональное мнение имеет для писателей особую ценность, и рядовые читатели со стороны, приобщающиеся к художественному слову.

В этом году на Московской улице столицы открылся магазин Русской книги; в его просторных залах писатель, директор издательства «Раритет» Виктор Кадыров и руководитель одноименной фирмы Светлана Полуэктова стали проводить вечера, цель которых – показать, сколь велико, насыщено духовностью может быть удовольствие от встречи с книгой и ее творцом, как много любопытного и полезного несет сближение творчества наших писателей с читателями. Посвятив свою жизнь распространению литературы, они стараются привить вкус к ней широкой публике, привлечь ее в ряды постоянных почитателей книги.

Заметна роль на этом пути литературного объединения «Ковчег», созданного известным литературным критиком Элеонорой Прояевой. Под ее крылом собираются одаренные молодые поэты и прозаики, обсуждают свои творения, выступают на различ-

ных площадках столицы с чтением стихов и коротких рассказов, поют под гитару песни своего сочинения. И что еще очень важно, ковчеговцы первыми в нашей республике пошли по пути эстафетного принципа: прочитал книгу – передай другому, чтобы он тоже насладился ее языком, чтобы и в нем зародились те чувства и мысли, которые она вызывает. Такое путешествие книги гораздо плодотворней и привлекательней для окружающих, чем неподвижное пребывание на чьей-то книжной полке, хотя век ее при этом может быть намного короче.

Конечно, чего лукавить, язык иных произведений художественной литературы, особенно современной, тоже далек от совершенства. В литературное море всякие реки и ручейки впадают. Но в целом работа литератора над словом, как выразителем всего сущего, к чему прикасается душой, о чем размышляет человек, несравнима с работой каждого из нас над своим разговорным языком. И потому, заботясь о месте русского языка в сообществе людей разных наций и народов, нельзя забывать о качестве нашего языка, о кровной связи литературного и разговорного языков, без чего перспектива их распространения весьма призрачна.

ЗАПИСКИ КЛАДОИСКАТЕЛЯ

Примета

Вообще-то в приметы я не верю, разве только что в одну. Не мною замечено, что при сборах на ответственное мероприятие, связанное с охотой, рыбалкой или поисками не дай Бог услышать пожелание удачи. Это гиблый номер. В таких случаях можно спокойно возвращаться домой и лежа на диване смотреть телевизор или, как говорят рыбаки, сматывать удочки. На это совпадение, происходящее почти со стопроцентной вероятностью, обратил внимание Саша – мой партнер по поискам кладов. По выходным мы иногда выезжаем с ним побродить с металлоискателем по полям вокруг средневековых городищ в Чуйской долине, а летом, когда поля засеяны, по ущельям, где в древности пролегали караванные тропы. Саша даже пару раз коварно злоупотреблял этой приметой, когда мы с супругой Валентиной ездили на разведку перспективных полей без него, то он звонил на сотку и желал нам удачи. Естественно, что тогда мы ничего не находили.

В то утро Александр позвал нас с супругой обследовать недавно скошенное поле примерно в двух километрах от Ак-бешимского городища. Я уже закинул за плечи рюкзак, из которого торчали две штанги металлоискателя, когда Валентина попросила захватить попутно пакеты с мусором. У помойных баков стояли мужчина и женщина, сортирую по огромным сумкам пустые бутылки, макулатуру и прочие предметы, пригодные для сдачи в приемные

пункты вторсырья. Я протянул пакет, в котором находились пластиковые бутылки, молодой, но уже изрядно испитой даме.

— Смотрю, Вы на рыбалку собрались? Удачи Вам, — с благодарностью сиплым голосом произнесла она.

— Дура, ты, дура! — оборвал её напарник. — Надо говорить «ни пуха не пера», а то клева не будет.

Согласно примете можно было с чистой совестью возвращаться домой. Но утро было прекрасное, и мы сели в машину Александра, уже нас дождавшегося. Молодая алкашка никак не выходила у меня из головы, и я рассказал о встрече с ней своим попутчикам, не обмолвившись ни словом о только что полученном напутствии.

— Это как надо опуститься и не уважать себя, чтобы ковыряться по мусорным бакам, никакая нужда не заставила бы меня рыться по помойкам, — с пафосом произнесла моя супруга. И почти сразу разговор перешел на более приятные темы о грядущих находках.

Погода благоприятствовала поискам, нежаркий осенний день, чистый воздух предгорий и дружная компания — что еще надо для отдыха. Вспоминая злосчастную примету, я уже ни на что не надеялся, лениво махая металлоискателем. Саша бегал со своим прибором по участку, хаотично меняя направления, а мы с супругой действовали согласно инструкциям кладоискателей, системно обследуя поле, двигаясь вначале вдоль а потом поперек. Но ни у нас, ни у Александра достойных находок не встретилось.

После обеда пожилой чабан верхом на лошади пригнал отару попасться на стерне.

— Ну что вы тут нарыли? — поинтересовался он.

Валентина стала демонстрировать ему горсть мелких обломков бронзовых изделий.

В этот момент протяжный сигнал металлоискателя указал на наличие крупной находки на большой глубине. После того как я снял грунт на штык лопаты и проверил лунку еще раз, прибор выдал информацию, что предмет железный. На этом обычно поиски заканчивают, но поскольку чабан внимательно наблюдал за моими действиями, я решил докопаться до конца, разрыв огромную яму.

— Кстати, это моё поле, если золото откопаете, мне половину отдадите, — предупредил он.

С полуметровой глубины я извлек совковую лопату искореженную плугом и внимательно осмотрев, протянул её хозяину поля.

— Можете забрать себе.

Чабан с досады сплюнул, и его лицо выражало, если не презрение, то уж точно недоумение по поводу действия городских придурков, собирающих на его участке металлолом, который на любой свалке можно найти килограммами. Уехав на другой конец поля, он нас больше не беспокоил.

Я хотел засыпать яму, когда жена сунулась её прозвонить. К моему удивлению прибор снова призывно заверещал, но теперь его индикатор указывал на наличие бронзы. Копнув еще раз, я выкинул на поверхность горсть медно-свинцовых карахидских дирхемов.

Монеты залегали в мягком желтом суглинке тонким слоем. Пока мы с Александром расширяли и зачищали края раскопа, Валентина, сидя в яме, легко выковыривала монеты ножом. Постепенно обозначился и контуры древней ямы диаметром около метра, в которую в средневековье кто-то припрятал свои сбережения. Для транспортировки клада пришлось снять с головы солдатскую панаму. Солидная горка из монет в шляпе смотрелась великолепно, но к сожалению время не пощадило медно-свинцовые дирхемы. Окислы разрушили не только монетное поле, уничтожив ценные надписи, но и проникли в их ядра, отчего монеты распадались на части. Закопав яму, мы засобирались обратно в город. Примета сработала, ничего интересного найти и в этот раз нам не посчастливилось.

— Обидно, что монеты не сохранились, — выразила сожаление Валентина по дороге домой.

— Это потому, что они оказались в агрессивной среде, — не подумав, ляпнул я.

— Как это? — заинтересовалась Валя.

— Да просто, — пояснил бесхитростный Александр, — мы раскопали бадраб, проще говоря, выгребную яму.

— Вы что хотите сказать, что я рылась в древнем туалете!? Хототали мы всю оставшуюся дорогу.

Охранник

Легенду о зарытых сокровищах банды басмачей, лютовавшей в Кетмен-тюбинской долине, в Токтогуле знают многие. Правнук печально знаменитого предка Калычбек Жоранбаев пригласил нас с другом Олегом прозондировать металлоискателем его участок, на котором, согласно семейному преданию, спрятаны награбленные ценности. Но прежде чем отправится на поиски клада, мы зашли к ясновидцу и целителю Владимиру Николаевичу. Олег давно с ним знаком и, часто прибегая к его услугам, получал информацию, где стоит искать, а куда лучше не соваться. Удача всегда сопутствовала Олегу, и он относил это к заслугам колдуна, так в разговорах со мной называл он Владимира Николаевича.

— За сокровищами собрались, — предвосхитил наше обращение ясновидец.

Мы рассказали ему о приглашении и о басмаческом кладе.

— Сокровища — это всегда боль, кровь и зло. Нормальному человеку для жизни много не надо, всё, что он зарабатывает и получает за свою жизнь, то он и тратит, иногда оставляя детям небольшие сбережения. Как приходит в этот мир голым, так и уходит из него. Происхождение сокровищ связано с насилием, обманами, грабежами и убийствами, когда присваивается имущество сотен и тысяч людей. И все эти обворованные и обесцещенные, а вместе с ними родственники и соплеменники убитых шлют проклятья в адрес стяжателя. Неуёмная алчность злодеев не знает пределов, захватывая зачастую последние у очень многих, они уже не в силах потратить награбленное за свою ничтожную жизнь, и потому прячут. Нет, ни для детей и потомков, а для себя. Даже уходя в мир иной, они не раскрывают своих страшных тайн. Так и хранятся в горшках с награбленным золотом сгустки человеческих трагедий, замешанные на проклятиях. Горе тому, кто откроет такой клад. Вся негативная энергия, накопленная в этом металле дьявола, обрушится на кладоискателя. Не надо тешить себя надеждами, что, истратив часть не по праву доставшихся сокровищ на благие дела, вы искупите вину изверга, зарывшего клад, и снимите груз проклятий со своих плеч. Никому еще клады на крови не приносили счастья и благополу-

чия, — Владимир Николаевич произносил свою назидательную речь спокойно и так уверенно, что желание ехать в Токтогул, да и вообще заниматься поисками кладов прошло само собой.

И все-таки мы поехали, поскольку уже пообещали Кылычбеку и взяли у него небольшой аванс, чтобы не тратиться на бензин, к тому же визит к его родителям был лишь одним из звеньев нашего плана по исследованию археологических памятников Кетмен-тюбинской долины. По дороге мы почти не разговаривали, какой-то тяжелый осадок от встречи с ясновидцем давил на сознание. Правильно ли мы поступим, если найдем награбленные сокровища и передадим их наследникам?

Дом Жоранбаевых, построенный задолго до возникшего по соседству города, по современным меркам небольшой, но сделанный на века, стоял на окраине, укрытый в небольшой ложбинке. Время будто не коснулось этой отдельно стоящей усадьбы, только у сохранившейся рядом с воротами привязи для лошадей стояли две иномарки.

Встретили нас радушно. За чаем я обратился к хозяйке дома за подробностями, почему они так уверены, что их предок спрятал сокровища где-то в усадьбе.

— Мама мне рассказывала, когда она еще была маленькой, нашу бабушку сильно покусала собака и даже порвала ей грудь. Врачей тогда не было, и дед взялся лечить её сам, вышел он из дома минут на десять и вернулся с золотыми пластинами. Склеил он бабушке грудь какой-то древесной смолой и обложил этими пластинами. Когда бабушка поправилась, он эти пластины вынес и скоро вернулся. Так что мы думаем, спрятаны они неглубоко и где-то рядом. Деда убили еще в конце двадцатых годов, бабка осталась с тремя детьми, может потому её в годы репрессий не тронули.

Пару часов оставшегося светлого времени мы с Олегом обшаривали металлоискателями усадьбу. Результаты были довольно скромные: несколько довоенных советских монет и пара бухарских тенге начала XX века.

Постелили нам в доме, но я, приученной геологической молодостью крепко почивать в любых походных условиях, развернул свой спальник в машине. Ночью порывами налетал ветер и шел дождь, и я начал жалеть, что не остался спать в комнате.

Рано утром ко мне в машину пришел Олег. Таким я его никогда не видел, лицо было абсолютно белым, а губы дрожали.

— Зря мы не послушались Владимира Николаевича. Всю ночь меня пытался удавить какой-то черный страшный призрак. Я и убегал и прятался, а он везде меня находил, садился на грудь и начинал душить. Такое ощущение, что я и не спал вовсе, только когда утром вошла хозяйка, он меня оставил.

За завтраком Олег рассказал матери Калычбека о ночных кошмарах.

— Это охранник сокровищ, — нисколько не удивилась она. — Мама вспоминала, когда дядя пытался найти клад, его тоже несколько раз душил призрак. И потом, когда мой сын копал по всему огороду ямы, его навещало какое-то ужасное привидение.

— Он нам ничего об этом не рассказывал, — тихо произнес Олег и я понял, что хозяйка своей простотой нагнала на него еще больше страха.

Весь день шел дождь, и поработать нам так и не удалось. За ужином разговор снова зашел об охраннике.

— У деда был любимый старший сын, которого он еще мальчишкой брал с собой во все набеги на чекистов. В одной из операций парень погиб, и дед тайком похоронил его где-то на нашей усадьбе, может, рядом с его могилой он и зарыл свои трофеи, наказав сыну стеречь их, — словоохотливая хозяйка своими рассказами отбила у нас последний интерес к поискам сокровищ.

— Я сегодня, наверное, тоже пойду спать в машину, — сказал Олег.

— Да вы не опасайтесь, мы всю жизнь здесь живем, и ничего, Аллах милостив. Есть еще народная примета, говорят, что призраки чеснока боятся, хотите, я принесу, — предложила женщина.

— Давайте, — чуть ли не хором откликнулись мы с Олегом.

После сладкого чая и медовых боорсоков, я смог осилить только парочку долек. Олег съел большую чесночину целиком. Ночью запах в машине стоял соответствующий, и призрак не рискнул заглянуть к нам, хотя по правде и спали то мы урывками.

Утро было свежим и солнечным. Олег молча перенес в машину свои вещи и приборы.

— Куда это вы собрались?— поинтересовалась хозяйка.

— В город, сигареты у нас закончились, — ответил мой напарник.

Мы подъехали к трассе, направо дорога вела в Токтогул, налево в Бишкек.

— Куда едем? — спросил Олег.

— Домой, — ответил я ему, и камень свалился с мой души.

За джамбами

Впервые я увидел джамбы «живьем», почти двадцать лет назад, когда начинал свою антикварную деятельность. Пожилой, интеллигентного вида мужчина принес мне на экспертизу массивный серебряный слиток в виде плоскодонной лады, на «палубе» которой по периметру квадрата располагались отчеканенные строчки иероглифов.

— Фамильная реликвия, — с гордостью произнес комитент, — когда-то в нашем роду их хранилось немало. К сожалению, как мне бабка рассказывала, все своё богатство прадед в лихие времена зарыл под большим камнем на джойлоо в верховьях Шамсинского ущелья, а этот каким-то чудом у неё сохранился. Сейчас вот сына женю, деньги крайне нужны.

— Интересный слиток, никогда такой в руках не держал, — признался я.

— И вряд ли когда увидешь, возможно, он такой единственный. Мой родственник показывал джамб ученому китайцу, и тот перевел размещенную на нем надпись — «Счастья и благополучия нам обоим», а еще он сказал, что этот джамб китайский император подарил своей наложнице. Вот посмотри его заключение, — и мужчина протянул мне уже довольно потертый листок без печатей и подписей.

Отпечатанный на машинке текст извещал, что джамбы отливались в след животного, потому в зависимости от размера и веса они называются «тай туяк» — лошадиное копыто и «кой туяк» — баранье копыто. Так же я прочитал, что название «джамбы» позаимствовано у китайцев и переводится как «источник богатства», что появились они в средние века и уже в эпосе «Манас» описывается состязание в стрельбе из лука с целью сбить

подвешенный на высоком шесте серебряный слиток — джамб. Далее шли интимные и увлекательные подробности об императорской наложнице, родившейся в предгорьях Тянь-Шаня, а в конце без всякого перехода сообщалось, что указанный слиток, изготовленный из чистого серебра весом около двух кило, уникален и является историческим памятником мирового значения. Ниже, от руки, ценность реликвии обозначалась астрономической суммой в долларом эквиваленте.

Я вызвался помочь комитенту с оценкой, поскольку встречал изображения таких денежных слитков в американском каталоге «Монеты мира». Цена на них действительно оказалась высокой, но все равно на порядок ниже, чем на представленном экспертном заключении. Это очень расстроило и возмутило моего комитента:

— Откуда американцам знать истинную цену наших реликвий, они за свои зеленные бумажки хотят купить богатства со всего мира, потому и печатают фиктивные каталоги. Сам-то прикинь! В царские времена за хорошего барана давали 50 копеек — это примерно 10 грамм серебра, а здесь почти 2 килограмма, получается 200 баранов, а знаешь, почему сейчас мясо на рынке? Вот и считай, — клиент бережно завернул бабушкино наследство во фланелевую пеленку и ушел, что-то обижено бормоча себе под нос.

Мужик что бык: втемяшится

В башку какая блажь —

Колом её оттудова не выбьешь...

Как будто про меня писал в свое время русский поэт Николай Некрасов. Прикоснувшись к «источнику богатства», я истомился неодолимой жадной отыскать такой же в свою коллекцию и желательно не один, а целый клад. Как в детском анекдоте, — «Дайте мне таблетки от жадности и побольше, побольше...» Я стал интересоваться джамбами, собирая отовсюду скупые сведения о происхождении и истории китайских денежных слитков.

В середине XIX века киргизы с соседними странами вели, в основном, меновой торг, в качестве всеобщего эквивалента при обменных операциях служила овца. А вот для крупных сделок использовались китайские серебряные слитки — джамбы, которые чаще всего шли на изготовление украшений, а кроме того служили символом благосостояния и достатка. Поистине

заклучена в них кака-то магическая сила — поддержишь приятно оттягивающий ладонь слиток благородного металла и начинаешь ощущать свою собственную важность и значимость. Впоследствии мне приходилось встречаться с ними неоднократно, и каждый раз я вспоминал о кладе, зарытым под камнем в верховьях Шамсинского ущелья. Кстати выяснилось, что в русском языке эти денежные слитки называются мало употребляемым словом — ямб. Изготавливали ямбы в Китае в большом количестве всевозможные частные предприятия по особой хитроумной технологии: на дно литейной формы засыпался грубый костный помол, оставлявший на основании слитка мелкие поры. К тому же форму слегка покачивали, и серебро, застывая, создавало на поверхности узор в виде муаровой ленты, что гарантировало его высокую пробу и целостность. Информация о месте, времени и названии учреждения, изготовившего слиток, отчеканивалось на его верхней плоскости одним или несколькими штемпелями. Так что некоторые сведения «ученого китайца» оказались не совсем достоверными, а красивая легенда о наложнице и вовсе надуманной.

Поздней осенью к нам в антикварный салон зашел спортивного сложения мужчина лет сорока, которой поинтересовался, где можно купить металлоискатель или взять его на прокат. Мы разговорились. Мужчина, представившийся Эмилем, пояснил, зачем ему понадобился прибор, поведав предание, слышанное им еще мальчишкой. Рассказывал он подробно и красочно на манер русской сказки, суть которой заключалась в следующем.

Давным-давно жил в этих краях старый бий, и было у него два сына от разных матерей. Он гонял огромные отары до Кашгара и возвращался с тяжелыми тай-гуяками. Род его процветал, а вот с сыновьями ему не повезло, они с детства недолюбливали друг друга, а когда бий умер, начали открыто враждовать между собой. Старший из сыновей с родственниками по материнской линии, решил откочевать подальше от своего задиристого брата, и, забрав немалое богатство отца, пошел вверх по Шамсинскому ущелью. Младший брат со своими друзьями бросился за ним в погоню. Уходящие от преследования оказались зажатыми, словно в каменном мешке, на небольшой площадке у подножья скал.

Пока преследователи яростно наседали снизу, женщины прятали свои украшения и нехитрый скарб под камнями. Рассказывают, что старший брат, отодвинув большой валун, бросил два десятка джамбов в яму, а затем поставил камень на место. Оба брата сгнули в той бойне....

Недавно Эмиль устроился работать егерем в Шамсинском ущелье, там еще в шестидесятых годах для иранского шаха построили домик, который на удивление пережил тяжелые времена и до сих пор находится в отличном состоянии. Есть здесь даже электрогенератор и сауна, вот только добраться до него стало трудновато. Мосты через речку давно уже снесены паводками и потому на выбор предлагались следующие варианты: на вездеходе, верхом или пешком.

— Летом,— рассказывал Эмиль, — ко мне забрела группа туристов из России. Разбили они лагерь на площадке у подножья скал, не знаю точно, чем они там занимались, только отыскали они под большим валуном истлевший ковер, а в нем завернутую медную посуду и пару цепочек серебряных наконечных украшений «чолпу». Я сам видел эти находки: красивые резные пиалы, два кумгана и черпак. Подвески «чолпу» собраны из китайских монет и среди них российский рубль 1856 года выпуска. Мне сразу вспомнилась услышанная в детстве легенда, и захотелось исследовать старое стойбище. А вдруг повезет?!

Я в свою очередь рассказал ему про джамб, якобы подаренный китайским императором своей наложнице, который тоже странным образом связан с Шамсинским ущельем. Одним словом, мы договорились весной вместе искать зарытые сокровища.

Эту самую долго тянущуюся в моей жизни зиму все мои мысли занимала предстоящая экспедиция. Не выдержав, я поделился своими планами прорваться в верховье ущелья с друзьями. Желających помочь мне откопать ямбы набралось на два автомобиля.

Путешествие за сокровищами изобиловало экстримом и приключениями. «Поджерик» не дошел до цели километров пятнадцать, и его пришлось оставить около очередной переправы. Далее всемером мы втиснулись в старенькую «Ниву». Проверенный вездеход смело форсировал реку, из-за ночных замороз-

ков еще не успевшую набрать полную силу, а вот наледи с первого захода ему преодолеть не удалось. Только чудом, зацепившись за край крутого откоса, машина не свалилась в обрыв. Дальше слабонервные обходили опасные места пешком. Дорога оборвалась возле шахского домика, где нас уже ждал Эмиль. Наскоро перекусив, мы поспешили вверх по ущелью, куда вела узкая тропка. Преодолев получасовой подъем, и дважды переправившись через реку, мы вышли на искомую стоянку. Природа словно специально создала это укрытие: по краю площадки частокотлом щетинились дикие камни, такие же острые обломки скал покрывали крутые склоны плоского холма, который полукругом огибал стремительный поток.

Находки пошли сразу, причем в большом количестве, но совсем не те, какие нам хотелось. В изобилии встречались лишь свинцовые пули, гильзы патронов от ружей и карабинов, по клеймам на которых можно было определить, что все они 60-80 годов минувшего столетия. Некоторые находки обнадеживали, так на площадке отыскались несколько медяков царской чеканки и пара ранних советских монет, пряслица, наперстки и поясные бляшки. Безусловно, во второй половине XIX-начале XX века эта стоянка обживалась, а вот следов битвы найти так и не удалось. Работали допоздна, обшаривая тремя металлоискателями небольшую площадку вдоль и поперек. Я же, помня про ориентир, который сумел сохранить в секрете, обзванивал прибором основания у всех торчащих камней, как на площадке, так и за её пределами. И наконец, мои старания были вознаграждены, подножье одного валуна отозвалось пульсирующим глубинным сигналом.

— Джамбы!!! — у меня бешено забилося сердце в предвкушении долгожданной находки. Сигнал выдавался мощный, такой обычно идет от массивных металлических предметов, хотя и неустойчивый, индикатор показывал то серебро, то бронзу. Грунт под камнем оказался щебенистый и поддавался с большим трудом. Я взмок, пока выдолбил полуметровую ямку. Друзья, побросав свои приборы и окружив меня плотным кольцом, давали дельные советы. Вопреки ожиданиям на дне ямки открылись два железных топора, серп и скребок, изрядно проржавевшие от времени и потому вводившие прибор в заблуждение.

Среди моих друзей-кладоискателей раздался не просто вздох разочарования, а скорбный стон, словно их обманули в самых радужных надеждах. Меня же заинтересовали бытовые артефакты полуторавековой давности, и я начал их рассматривать. Топоры, послужившие видимо не одному поколению скотоводов, пришли в полную негодность, однако все трещины и разрывы были мастерски заклепаны, причем накладки перерывали друг друга, что свидетельствовало об их неоднократном ремонте.

Джамбы мы не нашли, но не потеряли надежду, что повезет в будущем, причем, рассматривая любовно отремонтированные топоры, мы пришли к выводу, что для их владельца это были самые ценные вещи, припрятанные в период опасности, а следовательно продолжать поиски на этой стоянке бессмысленно.

Реликвии из затерянного города

Вначале она позвонила, долго и путано объясняя назначение непонятных предметов, доставшихся по наследству её мужу. Потом, сославшись на авторитет академика, который якобы осмотрел эти вещи и порекомендовал обратиться в наш антикварный салон, попросила о встрече. Пришла она в деловом костюме, но чувствовала себя скованно, говорила мало и как-то неуверенно, как девушка на первом свидании, хотя возраст её давно перевалил за сорок. Прежде чем показать семейные реликвии она положила на стол старый фотоснимок отряда вооруженных красноармейцев в буденовках, среди которых были два киргизских аскера в национальных колпаках с карамультуками, и несколько листов с распечатанным на принтере рассказом Александра Бушкова «Таинственный город».

— Прочтите, пожалуйста.

Я пробежал глазами несколько страниц текста. Для тех, кто не знаком с творчеством этого популярного авантюрного писателя, приведу несколько фраз, которые составляют основу рассказа.

«1930 год, конец лета. Где-то там, где сходятся границы Киргизии, Казахстана и китайской провинции Кашгар. ...Отряд красноармейцев преследовал банду басмачей. Они не заблуди-

лись и не сбились с пути. Они попросту представления не имели, куда их занесло. Руины древнего города они увидели совершенно неожиданно.

— Говорят умные люди, что в таких вот местах кладов навалом...

Командир в город войти не разрешил, распорядившись непрекаемым тоном:

— За мной, рысью марш!

Возвращались они другой дорогой, и города больше не видели.

Все члены отряда сгнули в годы репрессий. Командиру повезло — он уцелел и всё рассказал племяннику во времена оттепели, а племянник в начале восьмидесятых рассказал Бушкову. Если город существует, он так и стоит в той долине. Но никто не знает, где эта долина...»

Женщина терпеливо ждала, пока я дочитаю и начала излагать свою историю.

— Бушков правильно все описал, только он не знал, что один из участников этого отряда отец моего мужа, вот он справа на фотографии, после Отечественной войны вернулся в эти места и отыскал таинственный город. Он даже привез оттуда несколько вещей, — она вытащила из сумочки картонные коробочки с поролоновыми уплотнителями, в которых находились керамические поделки.

Одна из них, по форме напоминающая мяч для регби состояла из двух половинок, богато украшенных растительным орнаментом, где переплетались религиозные символы и свастика. На торцах этой своеобразной шкатулки располагались замысловатые керамические печати. Раскрыть половинки без их нарушения не представлялось возможным. Вторая вещичка напоминала шахматную доску, в клетках которой бессистемно размещались буквы греческого алфавита. Зашифрованная информация, если она, конечно, там имелась, поддавалась прочтению только при наложении определенного ключа. Еще два предмета непонятного назначения представляли подобные головоломки, но уже с арабскими письменами.

— Свекор никому не рассказывал о городе, хотел еще раз

отправиться туда на поиски кладов, но в конце пятидесятых он умер. Эти древности из таинственного города все это время хранились у нас на чердаке, а сейчас мужа положили в больницу, ему срочно понадобилась дорогостоящая хирургическая операция. Вот на семейном совете мы и решили расстаться с этими реликвиями. Пять лет назад одну такую вещичку у нас приобрела за тысячу долларов соседка, уезжающая в Израиль. Там она продала её за 10 тысяч и очень просила уступить ей и остальные, но мы тогда в деньгах не нуждались и отказали ей. Она нам рассказывала, что в этих шкатулках хранятся какие-то ценные исторические документы или даже данные о зарытых кладях.

Мне с первого взгляда стало ясно, что передо мной антикварные подделки из Китая, причем их даже не удосужились извлечь из родных коробочек, а вся эта красивая легенда со свекром-красноармейцем — продолжение безудержной фантазии Александра Бушкова, но я решил доиграть партию до конца, с показательным интересом разглядывая «древности».

— Вы попали точно по адресу, я занимаюсь историей Кыргызстана и увлекаюсь поисками кладов. Во сколько вы оцениваете свои реликвии?

— Мы хотели бы по тысячи долларов за каждую, но если вы заберете все оптом, то можно и за три, — пошла на уступки довольная комитентка.

— Это очень дорого, но будем надеяться, что все окупится многократно, если вы укажете мне место нахождения таинственного города, — начал я торговаться, не зная ещё, как переиграть мою посетительницу и вынудить её признаться, что вся эта комбинация с рассказом и фальшивыми реликвиями — ловушка для доверчивого лоха. Подлинной во всей этой истории была лишь пожелтевшая фотография.

— Я сама точно место не знаю, но муж вам сможет показать, где это, — охотно согласилась женщина.

— Он же в больнице, — попытался я подловить мою соседницу.

— Конечно, когда поправится, — вывернулась она.

— Договорились, когда муж поправится, тогда и приходите, — опять закинул я ловушку, хорошо помня, что деньги нужны на дорогу операцию.

— А может, он покажет вам это место на карте?

— Хорошая идея, у меня в Google есть детальная карта Кыргызстана, отснятая с космоса, там можно разглядеть не только дома, но и припаркованные рядом машины, а все наши городища видны как на ладони, я думаю, что древний город на ней с помощью вашего мужа мы отыщем быстро, — восторженно затараторил я.

Посетительницу мой восторг не порадовал, она стала заметно нервничать и принялась раскладывать свои реликвии по коробочкам.

— Не подскажите, как вы вырезаете такие аккуратные гнезда в поролоне, я тоже хочу научиться, чтобы транспортировать свои находки, — поинтересовался я напоследок.

— Это не я делала, это свекор, — не подумав, ответила женщина.

— Какая досадная нестыковка получается, а нас в школе учили, что производство поролона в СССР началось только в середине шестидесятых, — торжественно произнес я. — Не хорошо обманывать, в другой раз вы свои сувениры хотя бы пылью пересыпьте для большей достоверности.

Женщина молча сложила свои антикварные подделки в сумочку и быстро удалилась. Я был доволен собой, еще бы, разоблачил аферистку. Целую неделю я рассказывал своим друзьям эту забавную историю.

А месяц спустя мне позвонил знакомый владелец ломбарда, ему под залог принесли реликвии из затерянного в горах древнего города. Зная мою страсть к старине, он решил сделать мне подарок, выкупив их, предварительно сбив цену находок в несколько раз от запрашиваемой суммы. Надо ли говорить, что древностями оказались те злополучные китайские сувениры, только перемазанные засохшей глиной.

Тайна Паршванатхи

Эта почти детективная история началась осенью позапрошлого года. Знакомый таксист Николай, между делом промышлявшей перепродажей антиквариата, заскочил в наш нумизматический салон и, поздоровавшись, спросил:

— Статуэтку Будды почему будете брать?

— Покажите, — я уже спокойно воспринимаю менталитет наших граждан, когда по телефону пытаются узнать цену хранящихся у них дома картин, икон, старинных монет, а на традиционный вопрос: — Антиквариат почему берете? — не пытаюсь, как раньше, объяснять, что, прежде чем оценить какую либо фамильную реликвию, её как минимум надо посмотреть.

— Да мне её просто так не дают, она в контейнере с запчастями на Аламединском рынке стоит, она вот такая, — Николай развел ладони, показывая размер, — бронзовая, вся в зеленых окислах, за версту видно, что древняя. Хозяйка говорит, что находку оставил на продажу её земляк, если триста баксов не жалко, я сейчас сгоняю, привезу.

— А если она не понравится? Можно будет отказаться? — мне очень не хотелось упустить редкую статуэтку, но и покупать «кота в мешке», не хотелось.

— Какой базар!?! — заверил меня Николай и, взяв деньги, быстро удалился.

Вернулся он уже перед закрытием и, торжественно развернув полотенце, поставил на стол бодхисатву. Ничего подобного я раньше не видел. В центре многофигурной композиции в форме арки, размещенной на четырехногой подставке, на львином троне в позе лотоса восседал Будда. Его голову словно капюшоном прикрывал семиглавый змей.

— Что за прелесть! — не удержался я от восторга, чем не помянул воспользоваться Николай.

— Не отдает тетка за триста, ей кто-то оценил статуэтку в штуку баксов, насилу уговорил за пятьсот, — поспешил сообщить он, пока я внимательно рассматривал находку. Статуэтку видимо совсем недавно плугом вывернули на каком-то поле, нижняя её часть подверглась деформации, имелись свежие трещины и не хватало одной ножки. Однако и в таком состоянии, фигурка стоила гораздо дороже, но чтобы как-то сдержать разыгравшийся аппетит моего знакомого, поскольку я догадывался, что за этим последует просьба накинуть хотя бы долларов сто за содействие и затраты на бензин, я начал торговаться.

— Хорошая вещичка, жалко, что сломанная, ты же знаешь, коллекционеры народ привередливый, дефективную фигурку поку-

пать не станут. Так и передай своей бабке, что я добавлю, но при условии, если она разузнает, где найдена статуэтка, а лучше, если даст адрес своего знакомого. Тогда можно будет с металлоискателем отыскать обломанную ножку и отдать её на реставрацию, а если повезет – найти рядом еще парочку подобных фигурок, а так... — я снова завернул статуэтку в полотенце и решительно подвинул её обратно таксисту. Конечно, я рисковал, но мой блеф остался не замеченным.

— Ладно, пристигни еще сотню, а столяр отдашь, когда я привезу тебе того мужика, — удивительно быстро согласился Николай. Речь о вознаграждении за услуги уже не шла.

Дома, порывшись в справочной литературе, я определил, что найденная бронзовая статуэтка олицетворяет Паршванатху, одного из учителей, почитаемых религиозным орденом джайнистов, процветавшего в VIII веке. Джайнизм близок буддизму: только в нем поклоняются не богам, а 24 воплощениям духовных учителей — тиртанкаров. Согласно легенде, когда-то Паршванатха спас семейство змей. Один из змей, в своем втором рождении ставший вором в царство нагов (змей), защитил Паршванатху от бури, и наслал его врагам демонов. Потому определяющим элементом в скульптуре Паршванатхи является изображение семиглавого царя змей, прикрывающего голову учителя. В отличие от буддийских, на джайнистских скульптурах руки тиртанкаров сложены в позе медитации одна на другую, ладонями кверху. Аналоги статуэтки отыскивались среди изделий западной индийской школы в VIII-X вв. Оставалось найти только ножку, как я полагал на месте одного из семи раннесредневековых буддийских храмов, существовавших в Чуйской долине.

Надо заметить, что буддийские статуэтки в Кыргызстане находили и ранее, еще во время прокладки Большого Чуйского канала в районе Сокулукского городища была поднята бронзовая фигурка Будды Венчанного. Тогда проектировщики наметили русло канала через угловую башню средневековой крепости, а археологи, призванные защищать исторические памятники, скромно отмолчались, а может даже напротив, приветствовали представившуюся возможность параллельно провести крупномасштабные раскопки. Несколько бодхисатв нашли строители в селе Ново-Покровка, когда прямо на руинах буддийского храма воз-

двигали Дворец Культуры, который, кстати, через несколько лет благополучно развалился. Еще до войны галерею с одиннадцатиметровым Буддой из обожженной глины открыли на Краснореченском городище, а на Ак-Бешимском городище в пятидесятих годах советские археологи раскопали сразу два буддийских храма.

Ранней весной я начал поиски на Краснореченском городище, на мой взгляд, наиболее перспективном. Буддийский храм, стоящий вне крепостных стен, хотя и входит в перечень памятников, находящихся под охраной ЮНЕСКО, в настоящее время потонул в интенсивно наступающих на него пахотных полях и все холмики — тепе, возможно составляющие хозяйственные постройки вокруг буддийского комплекса, разравниваются мощной сельскохозяйственной техникой. Вероятность, что именно здесь могли зацепить плугом фигурку Паршванатхи, представлялась мне довольно высокой, однако находками окрестные поля не баловали и я уже собирался перебираться в район Сокулукского городища, когда мне позвонил Николай.

Он так и не нашел мне сдатчика статуетки, но утомительно долго рассказывал о результатах своих розысков. Оказывается, продавщица запчастей заболела и затем и вовсе уволилась, и пришлось ему безрезультатно мотаться к ней домой, аж в Токмак. Так мимоходом таксист сообщил мне немаловажную деталь, заметно сокращавшую зону поисков, поскольку в том районе находилось Ак-Бешимское городище. На месте раскопок полувековой давности сегодня ровные поля, но порывшись в археологических отчетах, я определил, где стояли буддийские храмы.

Читая старые материалы археологических исследований, я по-хорошему завидовал ученым, раскопавшим буддийские святылища. Сколько загадок и тайн ими раскрыты! Полстраны еще лежало в руинах после окончания Отечественной войны и все же отыскиались средства на грандиозные по размаху археологические работы. После извлечения более 5 тысяч кубометров земли ученые смогли прочесть историю средневекового сооружения только в обратном порядке, сначала в период его запустения, когда принявшая ислам династия Караханидов потворствовала уничтожению храмов иноверцев. Тогда новоявленные мусульмане крушили статуи, сбивали настенные росписи, грабили храмо-

вую утварь, а в парадных залах с роскошным лепным декором готовили пищу на кострах. В те времена и появились хвастливые строки в сочинении Юсуфа Баласагунского, — «мы разрушили их храмы, мы нагадили на их идолов». Углубляясь ниже, археологи восстанавливали планировку храма с сохранившимися арочными перекрытиями и постаментами глиняных статуй. Мы уже никогда не узнаем, как выглядела основная бронзовая фигура Будды, от которой остались лишь обломки металла, а вот найденная в углублении на полу святилища дюжина ажурных позолоченных буддийских бляшек, сегодня чуть ли ни самый ценный экспонат в фондах Исторического музея.

Уже первый выезд вселил надежду: в арычной канаве я откопал небольшую бронзовую с позолотой пластину, на которой схематично передан образ Будды на лотосе в позе медитации, а в следующий заезд отыскал бронзовую буддийскую печать. Одним словом лето прошло в увлекательных поисках, мне посчастливилось пополнить свою нумизматическую коллекцию новыми монетными типами и собрать неплохой урожай средневековых артефактов. Вот только ножку от статуэтки Паршванитхи найти так и не удалось. Дело в том, что на местном сайте появились выставленные на продажу две статуэтки, и снова джайнистского типа с руками сложенными одна на другую, ладонями вверх. Не оставалось сомнений, что где-то снівелирован буддийский храм, но где? Я тщетно выпытывал информацию об этих находках у всех знакомых кладоискателей, чем вызвал нездоровый ажиотаж в их рядах. Поиски Будд стали вестись ими во всех направлениях, когда снова появился Николай с хорошей новостью:

— Нашел я того мужика, наше соглашение остается в силе?

— Разумеется, — подтвердил я.

— Тогда гони мою сотню. Вот номер его сотового телефона, — Николай, взяв деньги, поспешил удалиться.

Я набрал указанный им номер.

— Да, — ответили мне мужской голос, — это я отдал своей знакомой Будду, мне её вместе с глиной привезли на самосвале. Я времянку в огороде строю, заказал по объявлению глину, а когда стал её месить, там эта статуэтка и оказалась. Сын возил её в город, но ему сказали, что она не золотая и потому ничего не

стоит, вот я и отдал её своей соседке за тысячу сомов. А что вы хотели?

— Я ищу ножку от статуэтки, вам она не попадалась?

— Да, я заметил, что ножка отбита, но она такая маленькая, скорее всего уже в каком-нибудь саманном кирпиче замурована, разве ее сейчас найдешь?

«Вот это как раз не проблема», — отметил я про себя, если ножка в самане, то отыскать её не составит большого труда.— А вы случайно не интересовались, откуда вам глину завезли?

— Я же еще весной говорил вашему знакомому, что точно не знаю. Может, с ивановского карьера.

Информации я получил немного, и она явно не стоила отданной Николаю суммы, наверно, он потому не сообщил мне о карьере раньше. Теперь предстояло обследовать окрестные глиняные разработки. В ближайшие воскресенье мы с другом посетили карьер Ивановского кирпичного завода. Несмотря на выходной, работа в нем шла полным ходом, десяток самосвалов один за другим подъезжали к экскаватору, поднимая клубы мелкой пыли. Надпойменная терраса на несколько километров была изуродована котлованами с высотой стен от пяти метров и более. Обойдя карьер по периметру, мы так не обнаружили культурных отложений, то есть следов жизнедеятельности. Кое-где в верхних слоях отвесных бортов встречались остатки захоронений, но обследовать их у нас желания не возникло. Поиски снова зашли в тупик.

Сезон кладоискателей традиционно заканчивается в последнее воскресенье ноября. Отметить уход в долгую «зимнюю спячку» на полях в районе городища Ак-Бешим, не сговариваясь, собралось около десятка любителей археологии с металлоискателями, практически все они знакомы друг с другом и больше общались между собой, чем занимались поисками. Особняком от других ходил мужчина лет сорока пяти, с примитивным прибором. Его техника поиска вызывала у меня недоумение, при каждом взмахе он высоко приподнимал катушку от земли, хотя любой новичок знает, чем ближе к стерне, тем больше вероятность находок. Я подошел к нему познакомиться и указать на его оплошности. К моему удивлению, «пляжный» металлоискатель вкупе

с нарушениями технологии поиска тоже дает неплохие результаты, незнакомец похвастал целой горстью собранных им раннесредневековых монет. Разговорились. Оказалось, что зовут его Тимофей, он живет по соседству с городищем и поисками занимается уже давно. Я рассказал ему о Паршванатхе, которого вместе с глиной привезли из карьера, и о том, что выезжал на этот котлован, все излазил и ничего не нашел.

— Так это вы там ямы нарыли? — поинтересовался Тимофей.

Я не понял, о каких ямах идет речь, но кивнул головой утвердительно.

— Может, поедем на карьер, а то здесь народу, как на городском празднике, — предложил новый знакомый.

— Да это какой круг, — запротестовал я, памятую, что находками там и не пахло.

— Тут есть короткая дорога, можно проскочить напрямик, — настаивал Тимофей, и я согласился.

Мы проехали километров пять от городища и выехали на глиняный карьер, который я раньше никогда не видел. Два глубоких котлована разрастались навстречу друг другу, а между ними лежало брошенное поле, сплошь покрытое керамическими обломками и мелкими копками кладоискателей. Я сразу понял, что попал на крупное средневековое поселение, ранее неизвестное ученым и потому никем не исследованное. Большую часть городища разровняли видимо еще в советские времена под посевы, другую под строительство фермы, но цитадель, как и положено последнему оплоту любой крепости, тогда устояла, но сейчас к ней с двух сторон приближались глиняные карьеры.

— Это вы копали? — спросил Тимофей, указывая на ровную круглую площадку, оставшуюся от сноса небольшого холма, всю изрытую закапушками.

Я понял, что мой новый знакомый, возможно, сам того не желая, вывел меня на свои заповедные места, и чтобы не сильно его огорчать, махнул рукой в сторону карьера: — Мы в основном там по бортам лазили.

— А мне местные парни рассказывали, что какие-то мужики несколько раз приезжали на такси из города, я подумал, что это вы.

Я включил прибор и первой находкой стал маленький обломок от статуэтки с остатками букв. Чуть в стороне от холма я нашел буддийский бронзовый колокольчик.

Место, где хранился Паршванатха, удалось отыскать, но, глядя на снесенный до основания храм и почти уничтоженное городище, радости от находки я не ощущал.

КУЛЬТУРА

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ АЛАЙСКОЙ ЦАРИЦЫ

В конце сентября минувшего года в Российском центре науки и культуры в г.Бишкеке состоялся Круглый Стол «Россия-Кыргызстан: вчера, сегодня, завтра», на котором львиная доля времени была отведена презентации только что изданного на русском языке романа в стихах Народного поэта Кыргызстана Сооронбая Жусуева «Курманджан-датка». В издании этого объемного исторического полотна Российское Посольство в Кыргызстане приняло самое активное участие как один из спонсоров, а вышла книга в свет под патронажем Общественного фонда «Канат менен Зарина».

В своем выступлении Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Кыргызской Республике В.С.Власов, в частности, отметил: «Юбилейный год, посвященный 100-летию Курманжан датки, именуемой также Алайской царицей, широко отмечается и на территории Российской Федерации. Издание этой книги в блестящем переводе кыргызстанского поэта Светланы Суловой – наш дорогой подарок русскому читателю...».

Ниже мы предлагаем две рецензии на вышедший роман в стихах:

Мамасалы АПЫШЕВ,
писатель, лауреат
Всесоюзной литературной
премии имени М.Горького

ОБ ЭПОХАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ – ЯЗЫКОМ ПОЭЗИИ

С полной уверенностью можно сказать, что в современной литературе Кыргызстана произошло знаменательное, большое и яркое событие.

Мы имеем в виду роман в стихах Народного поэта Кыргызской Республики Сооронбая Жусуева «Курманджан-датка», вышедший на русском языке в переводе замечательного поэта Светланы Сусловой!..

Стоит заметить, что эпический поэтический жанр довольно редкое явление даже в истории мировой литературы. И буквально по пальцам можно пересчитать шедевры, принадлежащие к этому жанру, которые стали своеобразными вершинами мировой литературы. Это, конечно, в первую очередь «Евгений Онегин» Александра Пушкина, «Фауст» Гете, «Божественная комедия» Данте, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, «Песнь о Гайавате» Гонгфелло...

И дело тут не только в трудоемкости и сложности этого жанра, а в том, что любой талантливый поэт, ранее успешно работавший в других «малых» поэтических жанрах, должен обрести необходимый «багаж», так сказать, пополнить свой творческий, духовный и личностный потенциал, дабы, наконец, почувствовать свое моральное право перейти к масштабному эпическому жанру!..

Ценность романа в стихах Сооронбая Жусуева прежде всего нам видится в том, что это – первый поэтический роман в стихах на историческую тему в истории кыргызской литературы. И

второй по счету роман в стихах после знаменитого романа Аалы Токомбаева «Перед рассветом» (первое и потом восстановленное издание – «Кровавые годы»). Если в романе Аалы Токомбаева повествуется о событиях, которые произошли перед Октябрьской революцией (главным образом лишь о трагическом восстании кыргызов в 1916-году), то в романе Жусуева охвачены очень масштабные временные события, произошедшие в XIX-м веке, и роман заканчивается событиями 1911-года, когда умерла Курманджан-датка.

Довольно объемная книга, состоящая из девяти тысяч стихотворных строк, в высокой художественной поэтической форме повествует о большом и судьбоносном отрезке в истории кыргызского народа – через призму судьбы главной героини романа. Нет надобности, наверное, напоминать русскоязычным читателям о том, кто такая Курманджан-датка и какую важную роль она сыграла на переломном этапе своего народа.

Хотя, справедливости ради, надо отметить, что еще до выхода этого романа в стихах Сооронбая Жусуева очень много разнообразной литературы было издано о жизни и деятельности Курманджан-датки. Среди них есть строго научные, историко-документальные, прозаические и исторические книги, которые давно уже широко распространились среди читателей...

Из романа же Жусуева читатель получит полную поэтизированную информацию о почти вековой жизни Курманджан-датки. Особая заслуга поэта состоит в том, что если до сих пор фигура Курманджан-датки в художественной литературе почти всегда оставалась в тени ее великого мужа, - на втором плане, - изображаясь лишь на фоне видного кыргызского государственного деятеля Алымбека-датки, то поэт сумел в своем романе ее возвысить и раскрыть как уникальную личность.

Роман начинается с повествования о юных годах Курманджан-датки. И нетрудно заметить, что такие феноменальные природные качества, как мудрость, великодушие, сила воли были заложены в ней еще в детские годы...

Из хронологии книги видно, как долго и упорно трудился поэт над своим романом в стихах. Роман, начатый еще в 1989-году (то есть, на излете советской эпохи), был закончен и издан лишь в 1995 году. Кстати, тогда же поэт был удостоен за этот

свой роман высшей государственной премии страны – Государственной премии Кыргызской Республики имени Токтогула Сатылганова.

А поэтическое мастерство одного из выдающихся современных кыргызских поэтов Сооронбая Джусуева еще в 60-е и 70-е годы прошлого века получило всеобщее признание. Отточенные строки и лексическое богатство заметны в каждой главе и в каждой поэтической строке книги. Именно поэтому, несмотря на то, что роман охватывает почти вековые события, в нем вовсе не чувствуется затянутости, а наоборот, все главы написаны упруго и плотно, без лишних повторов.

С первой же главы становится ясно, что Курманджан еще в юные годы была решительно нацелена преодолевать все трудности, встречающиеся на ее жизненном пути. А трудностей, порою и трагических событий в ее долгой жизни, было предостаточно. Ее бегство из Кашгара после того, как ее выдали замуж за нелюбимого человека, написано вдохновенно и необычайно зримо. А позже, став женой Алымбека-датки, она становится его мудрым советником и верной помощницей.

Эти два великих человека, сыгравших в общественно-политической жизни кыргызов XIX века незаменимую роль, преданно служивших, своему народу и живших его заботами и интересами, были всегда опорой друг для друга – так было до трагической гибели Алымбека-датки. Кокандское ханство и нескончаемые придворные интриги, в конце концов, унесли жизнь одного из великих сыновей кыргызов, который дважды был главным визирем в ханской ставке (или же, говоря по “современному” – премьер-министром!), и он, пользуясь своим высоким положением, постоянно отстаивал интересы горного кыргызского народа.

Курманджан-датка стала достойной продолжательницей дела своего мужа.

Поэтому все ее пятеро сыновей, получивших высшее мусульманское духовное образования, очень хорошее домашнее воспитание, также во главу угла всегда ставили общественные интересы и служили своему народу. Несомненно, одной из величайших заслуг Курманджан-датки является то, что она сумела заключить договор с русским генералом-захватчиком Скобелевым, и тем самым спасла свой народ от верного истребления.

Великодушие и сомнения, тревоги за жизнь будущих поколений и надежды соседствуют в романе, переливаясь в разные гаммы чувств.

Все сюжетные линии романа и жизненные перипетии переплетены чрезвычайно взвешенно и с чувством меры. При этом главная героиня романа предстает не только мудрой женщиной, общественным и государственным деятелем, но и показаны ее простые человеческие чаяния и ее жизнь во всех ракурсах. Это особенно заметно в тех главах, где описаны ее встречи с популярнейшим поэтом XIX века Молдо Ниязом, а также с бывшим заключенным за участие в Андижанском восстании на каторгу поэтом Токтогулом Сатылгановым.

Точно также с неповторимой, поистине величавой красотой написаны батальные сцены, когда ее старший сын Абдылдабек со своими джигитами вступает в неравный бой с русскими воинами и из-за предательства завистливых дальних родственников, указавших врагам тайную тропу с тылу, будет вынужден отступить и бежать в Афганистан, где и закончит свой земной путь... Одним словом, в романе представлены живые люди, со свойственными им страстями и неповторимыми характерами. Но все же, безусловно, одним из самых кульминационных и трагических эпизодов романа является казнь русской царской властью самого младшего сына Курманджан-датки – Камчыбека. Став жертвой своих же дальних родственников, которые всегда и во всем завидовали ему, оклеветанный ими безвинный Камчыбек был казнен через повешение. Присутствие во время казни Камчыбека на берегу Ошской реки Акбуура несметной толпы бушующего народа и самой Курманджан-датки описаны поэтом очень тонко: в переливах глубокого лиризма с мощным эпическим, эмоциональным накалом. Думается, именно поэтому в этом трагическом эпизоде в полной мере проявляется негибкая воля и характер как самой Курманджан-датки, так и ее любимого сына Камчыбека... И тут во всем блеске проявляется их жизненное кредо, – служить своему народу, отбросив в сторону личные амбиции и интересы!..

В романе также предельно точно изображены такие исторические личности, как генерал Скобелев, полковник Паоло-Швейковский, майор Семен Ионов, представлявшие в то время в Таш-

кенте и в Оше русскую царскую власть. Их поступки и характеры, обусловленные служебными обязанностями и трагическими обстоятельствами, вовсе не дают им повода недооценить или принизить значение и роль Курманджан-датки. Наоборот, все они по-своему восхищаются качествами Алайской царицы, отдавая должное ее величию...

И, конечно, надо особо отметить блестящий перевод романа в стихах известной талантливой русской поэтессой Светланой Суловой. Нам кажется, что этот роман в стихах на русском языке обречен на успех и популярность.

Хотелось бы выразить также благодарность и президенту Общественного фонда «Канат и Зарина» Кыдыршаевой Кларе Досматовне, которая выступила спонсором в переводе и издании этого романа на русском языке.

А в заключение остается пожелать русским читателя этого романа в стихах Сооронбая Джусуева приятного прочтения. Нет никаких сомнений в том, что это чтение доставит им не только невыразимое удовольствие, но и большую духовную пользу!

В.И. ШАПОВАЛОВ

ПОДАРОК ОТ РУССКОЙ МУЗЫ

О переводе романа в стихах
«Курманджан-датка»

Роман в стихах «Курманджан», созданный несколько лет назад классиком современной киргизской поэзии Сооронбаем Джусуевым, возвращает отечественной культурной памяти ранее закрытую страницу – описание яркой и масштабной жизни одной из великих женщин национальной истории. Давно уже мировая литература отвыкла от масштабных поэтических эпопей, именовавшихся «романами в стихах», вспомним еще лермонтовское: «умчался век эпических поэм, и повести в стихах пришли в упадок». Однако же нет, век этот не кончился, и не случайно в Киргизии, стране мощных национальных эпических традиций, родился еще один роман в стихах – и мы видим, что и тема его, и герои достойны столь величественного жанра.

То, что на литературный простор вырвался такой масштабный художественный и бытийный материал, а к читателям пришел столь значительный образ «Алайской царицы», не могло не пройти мимо внимания русской культуры – и вот появился ожидаемый русский перевод. Его, этого перевода, особенно ждали. Во-первых, потому, что обидно было замыкать одно из крупнейших явлений тюркоязычной поэзии нового века рамками лишь одного языка и литературными границами Киргизии. Но еще и потому, что давно уже наши поэты и переводчики не показывали примеров творческого союза, которые, к белой зависти многих, нередко появлялись именно в стране Манаса в советские годы...

Повествование о великой женщине-властительнице на киргизском юге переведено прекрасной поэтессой, крупнейшей

представительницей русской женской лиры в обозримом Туркестане Светланой Сусловой. И это тоже показательно.

Поэма-роман о Курманджан-датке построена по тому же принципу «хронотопа», что и айтматовская повесть «Прощай, Гульсары!». У Айтматова старик Танабай у костра, рядом с умирающим конем, вспоминает все прожитое – и неповторимым светом печали и радости наполняется сознание читателя. Точно так же и в романе о Курманджан: старая женщина решает вдруг посетить аил своих детей и внуков, свою ханскую ставку, где прошли блестящие годы ее правления и где «преломилось копые истории». И так раскрывается, казалось бы, невозможный в реальной жизни, но встречающийся в мировой культуре сюжет: престарелая «царица Алая» отправляется в путешествие без свиты, фактически в одиночестве (с нею только внук Мирзапаяз), она едет в родной аил Мады к своим внукам (символически как бы в начало своей жизни, к своему истоку). И вот по дороге она вспоминает всю эту свою долгую жизнь, столь наполненную событиями и мыслями, утратами и обретениями, огромным счастьем и столь же бескрайней печалью...

Можно поздравить аксакала киргизской поэзии Сооронбая Джусуева: невозможно было придумать лучший художественный прием, который позволил бы в волшебном зеркале искусства так совместить разные пласты времени, дать картину большой жизни героини и ее народа... Другими словами, автор сразу же создает картину, где есть место и айтматовскому Танабаю, и шекспировскому королю Лиру, и воссоединителю Грузии – царю Давиду... Память становится средством некоего очищения мыслей и чувств, просветления мудростью, которая дарована вместе с предчувствием окончания жизни – но не тоской о смертном часе, а, напротив, ощущением грозных и величественных финальных аккордов бытия, венчающих долгий, славный и трагический (всегда – трагический!) жизненный путь...

Конечно, секрет личности Курманджан, о котором так много говорят, совершенно еще не раскрыт историками.

Но вот именно художественное повествование Сооронбая Джусуева приоткрывает завесу над тайной величественной ауры алайской царицы... Чего стоило ей в юности отказаться от избранного для нее обычая и адатом пути – и вверить себя судь-

бе? Чего стоило в этой судьбе, которую уже сама для себя избрала, пройти через смерть мужа от руки предателей-убийц, через казнь сына, через бесчисленное множество утрат?.. Чего стоило ежечасно наталкиваться на непонимание, ложь, угрозы, лживое угодничество – и как нелегко было взрослеть вместе с собственной судьбой и из аильной девушки постепенно становиться личностью, участницей событий, в которых пульсирует история, а затем уже – сотворцом этих событий!.. Ведь только глупцы думают, что жизненный путь великих людей легок и усыпан розами: чем значительнее личность – тем тяжелее судьба.

Это хорошо передано в русском переводе поэмы – и следует именно это считать принципиальной удачей: перевод осуществлен не только тоже женщиной, не только тоже значительным русским поэтом, но еще и художником, близким к киргизской действительности, к постижению национальных кодов и символов киргизской культуры. Принципиальная удача автора поэмы – это ведь и перчатка-вызов, брошенная переводчику и поднятая Светланой Сусловой с легкостью, достоинством и уверенностью.

Ибо томление юной девушки, сочетание ее мечтаний о любви и понимании с предощущением своего избранничества, в обстановке полукочевой цивилизации, строго регламентирующей каждую черточку характера, – всё это может понять и передать с адекватной силой только адекватный характер. Поздравим же и Светлану Суслову, в собственной поэзии которой столь сильно женское начала любви и доброты, с тем, что она сумела снять покров и с зеркала души своей героини. Своей, я не ошибся, – ибо героиня романа Сооронбая Джусуева стала и героиней создателя-переводчика, увидевшего все это в своей душе, откликнувшегося на изображенные мысли и чувства, наконец, переложившего огромное поэтическое полотно на другой язык, развернувшего это новое изображение в символах другой культуры и другой эпохи...

Подобно автору «онегинской строфы» переводчица принимает вызов оригинала и создает новую для русского стиха строфико-композиционную организацию повествования. Насколько нелегким является это нетипичное для русской поэзии построение стихотворных строк, говорит ритмический и интонационный

перебив, когда автор заставляет свою героиню прошептать про себя кошок о казненном сыне: и тут переводчица, строго соблюдая требования оригинала, резко меняет метр, интонацию и ритм – и вот на русском языке, печально и светло, проливается материнский плач... Мне, пишущему эту рецензию, особенно понятно, как нелегко было исполнить эту задачу Суловой и как она блестяще с нею справилась, потому что я сам переводил именно этот эпизод, но не пересказанный устами поэта Сооронбая, а первотекст самой Курманджан – ее плач о сыне. Мы со Светланой Суловой оказались переводчиками одного и того же уникального текста, но (редчайший случай в мировой поэзии!) прозвучавшего из разных уст, от разных авторов – самой Курманджан-поэтессы и ее биографа-поэта; потому с предельной точностью я вижу сегодня, как на одной волне бьются и сердца обоих переводчиков, и сердца героини поэмы и ее переводчицы, как два киргизских и два русских напева звучат на один лад словно один сердечный монолог...

Собственно, потому мне иногда кажется, что это не Светлана Сулова переводила текст поэмы как собственно «текст», но сами под ее пером непосредственно зазвенели слезы радости и мучений сидящей рядом с нею и рассказывающей о себе старой мудрой женщины, матери, властительницы, всё, казалось бы, утратившей в долгой жизни, но – поскольку жизнь эта была неизбежно яркой и красивой – всё сохранившей, вопреки законам бытия!..

Гигантский, отмеченный печатью большого дарования труд, проделанный народным поэтом Киргизии Сооронбаем Джусуевым, теперь выходит на многомиллионного русского читателя планеты, став и трудом русской поэтессы-переводчицы Светланы Суловой. В очередной раз русская литература протянула руку братской литературе Киргизии – и как в безвозвратно ушедшем XX веке – сказала ей: - Идём в большой мир!..

Бахтияр КОЙЧУЕВ

Когда сильный с сильным у края земли лицом к лицу встаёт...

Можно ли победить смерть? «Странный вопрос, – скажете, – конечно нет». А можно ли обрести бессмертие? Может быть, если верить во вневременную и внеземную жизнь души. А иначе, именно в земной грешной человеческой ипостаси?

Наверное не случайно люди оставляют своё имя в отчестве детей: Отечество в отчестве носим, тяжёлую ношу свою. Разные народы хранят память о предках: у киргизов – это семь поколений; у китайцев – пять... Не заключается ли в этом попытка преодоления предназначенной завершённости человеческой жизни? Попытка жизни после смерти.

Думается, что только память позволяет преодолеть трагический конфликт, который несёт в себе каждый человек. Спиноза выразил суть этого конфликта, сказав: «Человек – самое трагическое существо, ибо он знает, что он смертен».

Уходят люди за кромку жизни, остаётся только Память и Деяния, на свитках времени – Истории и в художественном Слове – образной летописи земной цивилизации от Древности до наших дней.

Давно пала Древнеримская империя, положив начало новой эпохе Средневековья. «Колос на глиняных ногах рухнул», но не похоронил под своими обломками великое римское искусство, озарившее своими отблесками в дальнейшем европейс-

кую, особенно XVII – XVIII веков, и русскую литературу «золотого» и «серебряного» веков.

Вергилий, Гораций и другие лучшие поэты своего времени, были взлелеяны и смогли творить для современников и будущего благодаря «царёву другу» и доблестному мужу Меценату, чьё имя стало нарицательным и обозначает сегодня человека, материально помогающего искусству и науке.

Догадывался ли сам Меценат, что его имя войдёт в историю культуры, благодаря его благотворительной деятельности? Думаю, вряд ли, но, наверное, он понимал и знал значение творчества тех, кому помогал. Ведь именно друг Мецената, Гораций, заложил европейскую традицию написания стихотворных памятников:

Создал памятник я бронзы победнее,
Он взнесён пирамид выше и царственной.
Не обрушит его бурь необузданность,
Едкий дождь не разъест, ни водопад времён...

Эпикуреец Меценат – человек, предававшийся жизненным наслаждениям, ушёл в мир иной. Меценат – государственный деятель, покровитель наук и муз навсегда вошёл в скрижали истории и культуры.

«O tempora! O mores! (O времена! O нравы!)» – говорил великий ритор Цицерон о своём времени, требующем «хлеба и зрелищ», об упадке нравов, ведущих к саморазрушению великой империи.

«O времена! O нравы!» – вторим мы сегодня, вновь в погоне за хлебом насущным и зрелищами наблюдая за «закатом» традиционной культуры, изменением ценностных ориентиров.

Есть времена и их нравы, но есть и личности, не кивающие на время, имеющие свой духовный стержень, мужество стойкости в трижды проклятую «эпоху перемен».

Воистину история повторяется. Вновь рушилась эпоха, устои которой казались незыблемыми, начиналось великое переселение народов, переоценка идеологических и нравственных ценностей. «Лихие 90-е» круто изменили судьбы многих людей, да и не только, судьбы народов, стран, земной цивилизации в целом.

Выживали как могли, забывали призвание, меняли профессии, и продавали: товары, услуги, «воздух», мозги, самих себя и друзей... Немногие остались верны своему предназначению, ещё меньше создавали в материальной ли, или духовной сфере...

Изменилось отношение и к Слову, в том числе и художественному, задвинутому на периферию нравственно-эстетической жизни общества. Кризисные процессы в экономической и идеологической жизни Кыргызской Республики способствовали изменению места художественной литературы в системе государственно-общественных приоритетов.

Фактически государство самоустранилось от влияния на функционирование литературного процесса. Многие талантливые писатели республики получили, с одной стороны, возможность свободного выражения своего художественного мировидения, но, с другой, попали в тиски экономической «цензуры», не имея возможность издавать свои произведения, становящиеся лишь фактом их личной творческой судьбы, но не явлением общественной жизни. Приходится констатировать, что в Кыргызстане на рубеже XX – XXI веков отсутствовала государственная книгоиздательская политика, которая способствовала бы распространению общественно и эстетически значимых произведений.

Однако homo faber (человек – строитель) предназначен для созидания, материализации своей судьбы и времени, в том числе и в художественном Слове. Создавались новые произведения, пусть даже, как говорится, «в стол», издавались за счёт авторов, которым иногда помогали родные и близкие. Появились и первые проблески меценатства. Личности, сориентировавшиеся в новых рыночных условиях, заработавшие определённый капитал, но сохранившие нравственно-эстетические устои, осознающие их важность в общественной жизни, стали помогать деятелям культуры, искусства и литературы. Узок круг таких деятелей, но всё-таки они есть, и именно они берут на себя бремя ответственности за духовное состояние общества.

Рушатся империи, Восток и Запад продолжают свой извечный разговор, культура переживает свой очередной кризис, но ведь есть и люди, живущие согласно своим убеждениям. Вспомним Кипплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.

Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,

Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?

Понятие личности, включает в себя, прежде всего, человека социального, живущего в обществе, среди людей. Творческие личности – это созидатели, в какой бы сфере они ни работали.

Об одном из них – **Тилеке Тураркуловиче Мураталиеве** – хочется рассказать.

Тилек Тураркулович Мураталиев

В те самые «лихие 90-е» он создаёт, порой в буквальном смысле собственными руками, издательство «Турар», названное, по всей видимости, в честь отца. Сегодня издательство «Турар», по информации любезно представленной исполнительным директором Ассоциации книгоиздателей и книгораспространителей Кыргызстана Олегом Бондаренко, является флагманом книгоиздания в Кыргызстане, в нём выпущено более 1000 наимено-

ваний книг общим тиражом свыше 700 тысяч экземпляров. Среди изданных книг – художественная, научная и научно-популярная, публицистическая и другая литература. В настоящее время «Турар» (совместно с издательством «Бийиктик») обеспечивает до четверти всего отечественного рынка. Мураталиев Тилек Тураркулович стоит у истоков отечественной книжной отрасли. «Турар» – одно из первых отечественных издательств, уделивших особое внимание высокому качеству книжной продукции, и на протяжении 2000-х годов книги этого издательства по своему полиграфическому исполнению вышли на международный уровень, они неоднократно отмечались дипломами и грамотами на конкурсах «Искусство книги» в Кыргызской Республике, зарубежных книжных выставках-ярмарках. Сегодня «Турар» – единственное издательство Кыргызстана, берущее на себя коммерческий риск при издании книг для взрослого читателя (с выплатой гонораров авторам). Т.Т. Мураталиев организовал выпуск полной версии эпоса «Манас» по варианту С. Каралаева – впервые в истории Кыргызстана. Также выпущен «Семетей» в изложении манасчы У. Мамбеталиева. Т.Т. Мураталиев постоянно заботится о развитии отечественной литературы, оказывает безвозмездную помощь ряду писателей и поэтов, в том числе народным писателям, создает им условия для работы. Т.Т. Мураталиев возобновил с мая 2009 года выпуск литературного журнала «Ала-Тоо», прекращенный более десятка лет назад (в новой редакции журнал называется «Жаны Ала-Тоо», он выходит ежемесячно и не приносит прибыли, поддержка издания осуществляется Т.Т. Мураталиевым из спонсорских побуждений).

Мураталиев неоднократно спонсировал участие Кыргызстана в крупнейшей в мире Международной книжной выставке-ярмарке во Франкфурте-на-Майне. Роль, которую Т.Т. Мураталиев сегодня играет на издательском рынке Кыргызстана, можно сравнить с ролью легендарного издателя России XIX века Сытина, в свое время создавшего т.н. «народную библиотеку».

Т.Т. Мураталиев возобновил деятельность Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана, являясь одним из ее учредителей. Принимает активное участие в разработке Национальной программы поддержки книги и пропаганды чтения «Читающий Кыргызстан». Тилек Мураталиев за свой счет выпускает

книги некоторых авторов – то есть выполняет функции настоящего издательства, организуя сбыт и продвижение этих книг.

Издательство «Турар» – единственное сегодня у нас в стране, которое занимается продвижением книг с выплатой талантливым авторам гонораров. С этой точки зрения, «Турар» – единственное настоящее издательство. Наконец, Тилек Мураталиев сегодня помогает выпуску (полиграфическая сторона дела) и журнала «Литературный Кыргызстан», который, по его признанию, в 80-е годы оказал серьезное влияние не его духовное развитие.

Думаю, что подобный, далеко не полный, перечень деяний Тилека Мураталиева позволяет с полным основанием называть его меценатом – покровителем науки и литературы. Впрочем, послушаем, что скажут о Тилеке Тураркуловиче сами представители данных сфер:

Койчуев Турар, академик:

«Тилека Мураталиева я бы назвал покровителем образования и науки. В свое время он работал преподавателем на географическом факультете Кыргызского Национального университета и вёл научные исследования, т.е. он изнутри знает проблемы творчества и реализации результатов от публикации до конкретных практических решений. Отсюда понятна «слабость» Тилека: его заботливое отношение к образованию и науке. Став издателем, он всегда откликается на просьбы преподавателей вузов и научных сотрудников, умея оценить, кто действительно достоин поддержки.

В 2008 году, когда я перешел на штатную профессорскую должность в КТУ «Манас» и, как основатель международного научно-экономического журнала «Реформа», добился того, что журнал приобрел статус издания КТУ «Манас», возникла проблема: где его можно печатать на достаточно высоком полиграфическом уровне. Жусуп Пиримбаев – зав. кафедрой экономики экономического факультета КТУ «Манас» знал хорошо Тилека по Кыргызскому Национальному университету и предложил обратиться к нему за поддержкой и сотрудничеством. И мы с Жусупом посетили офис Тилека. Он отнесся к нам с пониманием и поддержал. С той поры журнал «Реформа» печатается в «Тураре», я радуюсь, что журнал издается и занял своё место в науч-

ной периодике. Его читают в России, Казахстане, Турции, Узбекистане и других странах. Авторами статей являются также не только отечественные, но и зарубежные специалисты.

Переход к рыночной экономике способствовал тому, что многие личности, работавшие и добившиеся успеха и признания в различных сферах, раскрывали новые грани своего таланта и способностей. Среди них оказался и Тилек. Оставив преподавательскую деятельность, окунувшись в полиграфию, он и здесь добился успеха. Завидного успеха! В новой, рыночной сфере он нашёл свое истинное дело.

Издательство «Турар» сегодня – своеобразный знак (бренд) в полиграфии Республики. Типография «Турар» как рыночная структура самодостаточна и берет высоту за высотой. И при этом Тилек не забывает свою «первую любовь» – любовь к образованию и науке, что проявляется в меценатстве.

Немногословный, вдумчивый, скромный Тилек излучает доброжелательность к людям, внушает доверие. Познакомившись с теми изданиями, которые увидели свет в «Тураре», я открыл для себя, что Тилек не только спонсор образования и науки, но и меценат литературы, культуры, искусства. Это достойно глубокого уважения и восхищения».

Талип Ибраимов, писатель, драматург:

«Весной 2007 года в Москве у меня вышел сборник повестей «Старик и ангел», который стал победителем «Русской премии» в малой прозе за 2006 год. Я, вообразивши себя знаменитостью, стал милостиво ждать предложений от местных издателей. Даже репетировал свои ответы, сдержанные, полные достоинства, насыщенные интеллектом. Но – увы! – мне не представилось случая проявить эти качества – никто не подошел, не позволил, не захотел издать мою книгу. Тогда я сам забежал, но никто не хотел издавать бесплатно, и начихать было всем на премию, на восторженную московскую прессу. Я шкурой своей осознал степень деградации нашего общества и перестал суетиться. Тем временем мою книгу издали в Алма-Ате. Спасибо братьям казахам. Я уже смирился с тем, что здесь, на Родине, ее не издадут, когда однажды на улице меня остановил курчавый, коренастый, круглолицый мужчина и с ходу предложил выпустить мою книгу. Это был директор издательства «Турар» Тилек Мураталиев. От-

кровенно говоря, поначалу он не вызвал у меня доверия: слишком уж он был прост, ни тени значительности – ни в позе, ни в движениях, ни грамма амбиций – ни в словах, ни в выражениях. Но книга вышла, гораздо объемнее и московской, и алма-атинской, собрав все мои лучшие произведения. Теперь я молю бога, чтобы она окупила затраты на свое издание, иначе чувство вины задушит меня. Ведь это громадный риск издавать серьезные книги в нашей мало читающей стране. Я бы, например, не решился. А Тилек внимательно следит за киргизской литературой и издает лучшие ее образцы. Это очень непросто – выбрать в море баракла песчинку золота. Требуется интеллект, развитый вкус, и еще, наверное, доля патриотизма, чтобы издавать книги без гарантии вернуть затраченные средства. Иными словами, заботу о развитии киргизской литературы, которая должна быть у государства, Тилек добровольно взвалил себе на плечи. Наверное, чем больше таких людей, тем легче государству. Но мы все тщеславны, эгоистичны и не упустим случая прокатиться на халяву на шею государства или таких людей, как Тилек. А Тилек шагает вразвалочку, улыбается беззащитно и продолжает издавать не только хороших киргизских, но и русских, еврейских и прочих писателей. Дай бог ему здоровья! Я хотел бы жить так, как он, но не могу. Слишком люблю себя и не могу жертвовать своим временем, здоровьем ради чего-то и кого-то. То же самое испытывают многие. Таких людей как Тилек – мало. Но они воочию продвигают прогресс, которого мы жаждем».

Не скрою, что высказать своё мнения о Тилеке Мураталиеве, я попросил родных: отца и дядю, так сказать «ближний круг». А ещё из моих знакомых Тилек помогал замечательному уйгурскому писателю, профессору, с которым я имел честь работать в национальном университете, Исраилу Момуновичу Ибрагимову и его безвременно ушедшему сыну Эмилю Ибрагимову (я писал послесловие к его посмертно изданным в издательстве «Турар» книгам «Сияние» и «Стук в окно»); другу со студенческих лет, известному в республике поэту Таланту Джолдошбекову (издательство «Турар» издало его книгу «Послание Луи Брайля к потомкам. Полинезия»). Это так сказать «второй круг». А сколько незнакомых мне людей, которым помогал и помогает Тилек Мураталиев? Десятки, а может, и сотни.

Профессиональная и общественная деятельность Тилека пользуется уважением и признанием, он награждён Почётной грамотой президента Кыргызской Республики; общественное объединение «Манас» наградило Т.Т. Мураталиева медалью «Манас» за популяризацию национального героического эпоса. И по праву: дух великодушного Манаса проявляется в созидательной деятельности по сохранению культурного наследия киргизского народа.

При всём вышесказанном Тилек Тураркулович очень скромный человек и дела благие творит не славы ради. В этом я убедился при подготовке данной статьи, когда попросил Тилека Тураркуловича о встрече. Узнав о поводе, Тилек начал отказываться: «Попроси, что-нибудь другое, я сделаю, а обо мне не надо писать. Не люблю я этого, ведь я даже свои дни рождения не отмечаю». Я настаивал, он обещал позвонить. Жду до сих пор. Ну и мы не лыком шиты: написал эту статью по следам дел Тилека, мнений о нём друзей и коллег.

Последний штрих к портрету Т.Т. Мураталиева. С 1996 года и по сей день, он является главным отечественным спонсором Бишкекского Дома ребенка. Так что потенциальные читатели у книжной продукции издательства «Турар» есть, как и есть, хочется в это верить, будущее у культуры и литературы Кыргызстана.

...Можно ли победить смерть? Да! Можно, в деяниях, памяти детей, людей для которых творил, с которыми делился знаниями и опытом, которым помогал. Особенно, если помогал не просто тем, кто в этом нуждается, а тем, кто действительно этого заслуживает.

Коротко об авторах

Людмила ЖОЛМУХАМЕДОВА.

Родилась – не знаю когда и где. Живу вне гороскопа. Получила два высших образования – журналист и политолог. Была гл. редактором парламентской газеты «Свободные горы» и шеф-редактором газеты «МСН». Занималась политикой. Много писала. Еще больше размышляла. Никаких наград не имею. Ныне живу в гор. Кара-Балта. Написанные книги лежат в столе.

Александр ИВАНОВ

Родился в Казахстане, в г. Чимкенте в 1938 году. Окончил Киргизский Государственный Университет, филфак. Работал в молодежных газетах Кыргызстана и Таджикистана, во Всесоюзной «Литературной газете». С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», а также издательства «ЖЗЛК». Автор пятнадцати книг документальной и художественной прозы. Заслуженный деятель культуры КР.

Талип ИБРАИМОВ

Родился в 1940 году в с. Сары-Булак. Окончил Киргосуниверситет, а затем Московские Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Работал редактором на киностудии «Киргизфильм», а в настоящее время преподает в Кыргызско-турецком университете «Манас». Автор трех сборников повестей и рассказов. Лауреат «Русской премии» за 2007 год.

Виктор КАДЫРОВ

Родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кады-

ровым на основе киргизских народных эпосов. Он также автор прозаических сборников – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «Знаки неба», «В поисках дракона».

Александр КАМЫШЕВ

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. До 1993 года работал начальником буровой партии в институте КиргизГГИИЗ. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по двум специальностям «Отечественная история» и «Археология». В настоящее время работает экспертом в антикварно-нумизматическом салоне и преподает в Славянском университете. Является автором пяти книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике и археологии. В 2005 году дебютировал в «Литературном Кыргызстане» с рассказом «Ваха».

Бахтияр КОЙЧУЕВ

Родился в 1963 году в Бишкеке. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета, опубликовал более 60 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе – о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана.

Медер КЫДЫРОВ

Родился в 1976 году. Свободный художник, верный семьянин, любимый «Атаке» троих детей. Автор сценария художественного фильма «Метаморфоза», режиссер Г. Базаров, 2006 год.

Александр МОЛЧАНОВ

22 года, студент. Учусь в Кыргызско-Российском Славянском университете на пятом курсе по специальности русская филология. Пишу рассказы с 2007 года. В 2010 году стал лауреатом литературной премии «Золотая табуретка», которую прово-

дит Американский университет Центральной Азии. Печатался в литературном альманахе «Много языков – один мир!» за 2010 год. Более нигде не публиковался.

Дмитрий САГАЙДАК

Родился 27 декабря 1989 года в г. Фрунзе (ныне Бишкек). В 2007 г. окончил школу-гимназию №26. В настоящий момент учится в Бишкекской Финансово-Экономической Академии

Писать стихи начал в школе. Публиковался в газете «В конце недели», в журнале «Литературный Кыргызстан». С 2010 года - в составе группы молодых литераторов «Ковчег». Пишет стихи на русском, английском и французском языках.

Увлечения: рок-музыка, литература, фотография, спорт.

Интроверт. Любит одиночество, полумрак и черный кофе.

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Вячеслав Иванович Шаповалов родился в 1947 году во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызская Республика). Народный поэт Киргизии, лауреат государственной премии КР, заслуженный деятель культуры КР. Автор многих поэтических сборников, книг переводов киргизской поэзии и поэзии Запада и Востока. Стихи публиковались в ряде стран Европы и Азии. Доктор филологических наук, профессор.

Компьютерная верстка и дизайн – Светланы Терезуловой

Подписано в печать 15.02.2012 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 14,125 Заказ 22.